

Александр Костюнин

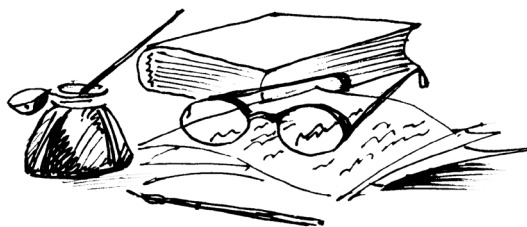
Ковчег души

Александр Костюнин

Ковчег души

Рисунки: Е. П. Крушельницкой

Компьютерная графика: Е. Б. Кудрявцева

УДК 000.000.0
ББК 00(2Рос=Рус)0
К 00

Редактор:
В. В. Крамаренко

На обложке:
картина «Бумажный кораблик», автор Давид Лебенбаум

Костюнин Александр Викторович

К 00 **Ковчег души:** [избранные произведения] / Александр Костюнин;
рис. Е. Крушельницкой; комп. гр. Е. Б. Кудрявцева. — Петрозаводск, 2009. - 277, [2] с.: ил.

Александр Викторович Костюнин — член Союза писателей России, фотохудожник.

По итогам 2007 года, объявленного Президентом Российской Федерации Годом русского языка, за книгу «В купели белой ночи» писателю присвоено звание лауреата премии им. А. И. Куприна с вручением памятного знака «За вклад в русскую литературу» и звание лауреата премии им. С. В. Михалкова в номинации «Лучшая книга 2007 года» России.

По рейтингу SpuloG сайт «Александр Костюнин. Творческая лаборатория» <http://kostjunin.ru> занимает первое место среди авторских литературных сайтов.

Целевая аудитория писателя: люди, которые думать и умеют, и любят.

УДК 000.000.0
ББК 00(2Рос=Рус)6

ISBN 000-0-0000-0000-0

© А. В. Костюнин, 2009

Свежести

Если бы кто-нибудь потребовал одним словом обозначить «атмосферу» книги «Ковчег души» Александра Костюнина, я бы употребил именно это слово — свежесть. Свежесть мысли и красок, свежесть письма, свежесть чувства Вселенной. Можно добавить забытые понятия: гуманизм, доброе отношение к человеку. Но, пожалуй, они входят в то одно слово. Ибо, во-первых, творчество писателя всегда свежо, во-вторых, в прозе последнего времени столько черноты, злости, нитья, уныния, что слово «свежесть» в данном случае обретает и своё первичное прямое значение.

Как всякий «природный человек», Александр Костюнин не стремится к новизне специально, неповторимость образа не создаёт искусственно. Всё выходит само собой. Он любит природу, любит без демонстрации эмоций. На уровне слова писатель владеет как чисто природной, так и напряжённо-умной лексикой, интонацией.

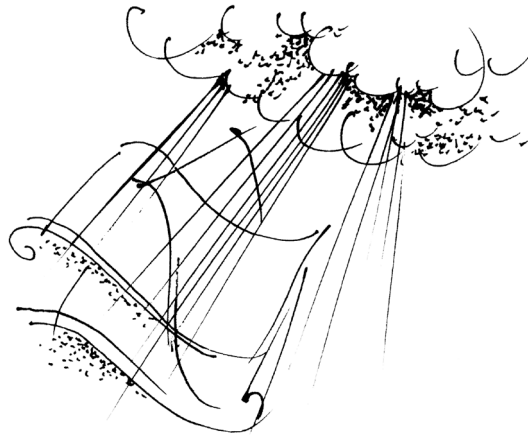
Такова же полифония его характеров и ситуаций. Он знает и теньевые, неприглядные, и самые светлые, солнечные, стороны жизни нынешних людей.

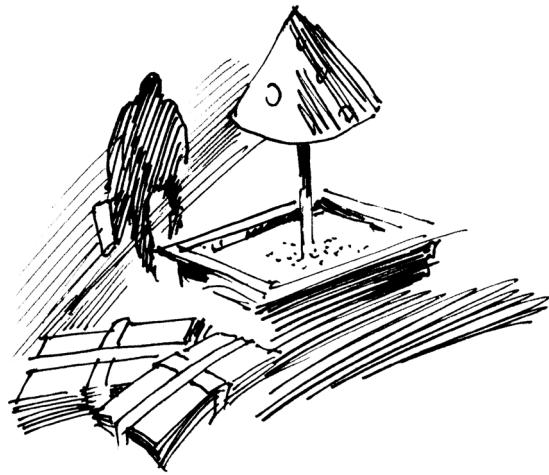
Отраднo, что в нашу прозу вошёл человек, обладающий чистотой, свежестью восприятия, — и при этом стоящий в русле большой русской литературы, её умной традиции: что мы тоже чувствуем (уж поверьте) по всей атмосфере всей книги.

14 сентября 2009 года

Председатель Правления
Московской городской организации
Союза писателей РФ

В. Гусев

От автора

*Ж*изнь коротка, но мы вправе выбирать, на что потратить данное нам время. На что обменять каждый час, каждый подаренный день. Когда я меняю свою жизнь не на творчество, — считаю, что прогадал.

И ещё.

Очень важно — ради чего художник берётся за перо!

С детства памятен мне лозунг: «Мой труд вливается в труд моей Республики». Эта книга — мой вклад в многовековой труд Карелии.

Моей малой Родины!

Республики, входящей в состав Великой Державы, имя которой — Россия.

Александр Костюнин

Петрозаводск, 2009 год

Совёнок

Когда мальчишки растут, то обычно предпочитают играть с мальчишками: в машинки, войнушку, в футбол... Девочек в свою компанию не больно-то любят принимать. Мой Серёжка такой же. Исключение сын делал только для одной девчонки.

Он называл её Совёнок.

Похожа...

Широко распахнутые выразительные глаза. Длиннющие реснички. Казалось, слышно было, как они хлопают. Махонькая, годика три. Серьёзная-серьёзная. Мать заплетала ей косички раз в неделю, очень туго, чтоб не растрепались. Девчушка замрёт, а голова крутится: вправо-влево, вправо-влево. Точь-в-точь совёнок. Косички следом — туда-сюда.

Поселились они с матерью в нашем доме прямо за стенкой, в однокомнатной квартире. Раиса работала продавщицей в угловом. Рыжие волосы до плеч, яркая помада. Многообещающий взгляд маслянистых глаз. Призывно-короткое платье в обтяжку, подчёркивающее стройную соблазнительную фигуру. Всегда открытая к общению. К ней частенько заходили мужики, оставались на ночь. Такая «прости господи» была... Во дворе Раису прозвали Кошкой.

Моё общение с соседями ограничивалось дежурным: «Здравствуйте!» Я старался не обращать на них внимания, покуда не увидел сынишку на улице вместе с пацанкой.

Они строили в песочнице диковинный город. Девчушка, присев на корточках, лепила маленькими ладошками башенку дворца. Сын был старше года на три, а играл с ней увлечённо, не замечая разницы в возрасте.

Я важно подошёл, наклонился к Совёнку, протянул руку:

— Ну, давай знакомиться. Как тебя зовут?

Девчушка опустила голову, спряталась за панамку и стала демонстративно ковырять совочком землю.

— Так как же тебя зовут?

— Меня-то — ладно, а тебя?

Я представился.

— Мне мама с чужыми дядьками не велела лязговаливать.

Озадаченно убрал руку:

— Разве я чужой? Мы теперь соседи.

Она внезапно вскочила, уставилась вдаль:

— Тл-лактол! — и брыкливо поскакала прочь.

Я мучительно искал взглядом тяжёлую технику, но улица была пуста.

— Да пукнула она, — истолковал Серёжа загадочные действия своей подружки.

Так мы с Наташкой и познакомились.

***

Дом наш стоял в центре провинциального городка.

Двухэтажный, кирпичный, благоустроенный — роскошь по тем временам. Во дворе — уголок чарующего леса-сада. В центре плечистые сосны поддерживают своими кронами небо. Рядами — кусты чёрной смородины и сирени. По соседству, за высокой сетчатой оградой, большущий школьный приусадебный участок. Весной-летом птицы щебечут, поют залиvisto на разные голоса. Выйдешь на улицу — благодать! Гремящих трамваев да гулких троллейбусов нашему городишке не полагалось по статусу. Маленький ещё! Идешь по центральной улице, сделаешь шаг в сторону, юркнешь под широкий навес тополиных листьев, проберешься сквозь густые заросли черёмухи — и сразу окажешься на тихой заповедной полянке перед жёлтым домом, словно в далёком оазисе.

Снаружи наш жизнерадостный домик-одуванчик казался сказочно-солнечным. Но в жизни как: если с одной стороны светит солнце, с другой — обязательно мрак.

Жильцы хорошо знали, что скрывалось за нарядным фасадом.

Уютная обитель была возведена на месте бывшей помойки. При спешном строительстве нижние кирпичи укладывались прямо на грунт и дом на глазах врал в землю. Стены, потолок при движении вниз запаздывали, пол опускался быстрее. Между полом и стенами появлялись щели. Сперва небольшие. Их старательно заделывали цементным раствором, но они расширялись всё больше и больше, и уже никакие замазки не могли залатать непокорные бреши.

Данное обстоятельство устраивало большинство исконных обитателей дома — огромных серых крыс. Они не были прописаны здесь, хотя проживали на

полных правах. Это нас подселили к ним. Свалка, где они раньше безраздельно хозяйничали, стараниями горожан обрела крышу в виде нашего дома. Им стало теплее, сытнее, интереснее: ночью, в поисках пищи, они проникали в шкафчики на кухне; деловито копошились в помойном ведре; через прорехи в стенах с топотом носились из квартиры в квартиру, пробегая по телам спящих людей. Серые полчища под полом пищали, гужевались, устраивали оргии. В первые годы мы пробовали с ними бороться. Подсыпали в углы пищевую приманку с ядом. Крысы в катакомбах дохли, и смрад в доме стоял такой — хоть на улице беги!

Завели Маруську. Однако проявления у неё охотничьих инстинктов не дождалась. На уме у кисули было одно. Любый месяц ей — март. Про своих котят она скоро забывала и — по новой, слушать оратории похотливых котом.

От конфронтации с крысами пришлось перейти к мирному сосуществованию.

Нашим детям дырявый дом тоже нравился, обогащая их жизнь приключениями. Не будь щелей, им пришлось бы общаться привычным дедовским способом, преодолевая дверные заслоны. А для этого усилий-то сколько нужно? Сначала спросишь у родителей разрешения сходить в гости. Услышишь в ответ: «Уроки сделал?!» Сделаешь уроки, обуешься, накинешь куртку, выскочишь на стылую площадку, долго названиваешь в соседнюю квартиру, перетаптываясь от холода с ноги на ногу, дождёшься, когда Совёнок откроет дверь...

А её мама не пустила!

Через щели общаться было намного удобнее.

Без таможни, границ — напрямую. При этом ускоренно развивались как культурные, так и торговые связи. Характер товарообмена содержательно менялся в зависимости от возраста населения. Вначале ребята передавали совочек, зеркальце, яркие фантики, пупсиков. Затем, уже в школьном возрасте, — книжки, карандаши, альбом с семейными фотографиями, коллекцию марок. Когда Совёнок научилась писать, в оборот пошли записочки.

***

Дети подрастали.

Совёнок пошла в первый класс. Ходила важная, с огромным ранцем, с пышными бантами в светло-русых косичках. Мамаша проводила её до школы один раз, и на том провожання закончились.

Мой Серёжка каждое утро дожидался Совёнка во дворе, заботливо брал за руку, и они торжественно шествовали в храм науки. А то ещё тетрадки с домашним заданием проверит. Сын опекал её без понуждения, охотно. Она благодарно молчала в ответ.

Я был уверен: с возрастом у Серёжки прихоть нянчиться пропадёт. Но время шло, а ничего не менялось. По мне, лучше бы он крепче за науку цеплялся, лишний раз книжку в руки взял. Прежде надо устроить свою судьбу, выучиться, твёрдо встать на ноги. Чтоб всё было как у людей.

Осень с холодами принесла ранние сумерки. Низкие тучи, когда пустые, когда с дождём, накрывали город. Дети теперь встречались реже. Раиса отдала дочь в «продлёнку», забирала последней. И Серёжка занят допоздна: пока из школы придёт, пока сбегает за хлебом, приготовит уроки — на дворе темно. Гулять не пускаем. Перед сном нужны спокойные занятия. Всё складывалось удачно, одно к одному.

Было видно: скучал он по ней...

А у Раисы — в ночь-полночь «карусель»! За стеной только ещё пробасит мужской голос, только начнётся перезвон гранёных стаканов, я уж точно знаю — сейчас соседка промурлычет:

— Натуся, зайка, пойдй погуляй! Поиграйся!

И Наташку, как бездомного котёнка, — за дверь.

Да ещё бросит вдогонку:

— Шапочку завяжи, чтобы ушки не надуло!

Выйдешь на улицу покурить, встанешь у подъезда, поёживаясь от стылой вечерней слякоти. С тополей, тяжело кувыркаясь, облетают последние усталые листья. Они ложатся на землю и обретают покой. Тусклый свет голубого окна едва обозначает готовую к снегу скамеечку. А в глубине двора — монотонно-прерывистое металлическое повизгивание: Совёнок качается на качелях.

Этот унылый скрип в чёрной тишине щемит душу.

Безотцовщина...

Судьба девочки была очевидна. На дикой яблоне ничего не может вырасти, кроме дичка.

Как правило, «прихожане» у Раисы дольше одной ночи не задерживались, а тут... В феврале было. Заходит Совёнок. Сиротливо встала у двери, вид потерянный. Молчит. В безвольно опущенных руках — портфель. Какая она первоклашка?! Кнопка совсем. Мой Серёжка встревоженно:

— Ты чего?!

Совёнок, не поднимая головы, пробубнила:

— Мамка сказала, завтра к нам дядя Жора переедет. Насовсем...

Сообщила и ушла. Серёжка схватил пальто, шапку и, на ходу одеваясь, выскочил следом.

Жорку Захлыстина знали. Тщедушный такой, занозистый... Несколько судимостей за плечами. Недавно освободелся.

На следующий день я засиделся на кухне с бумагами. Мои уже спали. Время от времени включал электрический чайник. Стараясь не греметь, подливал в заварник кипятков, помешивал ложечкой в стакане тающий сахар, не отвлекаясь от чтения, пил. Горячий терпкий напиток отгонял сон.

А за стенкой у Раисы — гульба... Через щель слышимость такая, что шёпот различим, а тут пьяные голоса, да на повышенных тонах.

— ...Жорка, ай!.. не приставай!

Раздался гогот, послышалась довольная возня. С пронзительным звоном что-то упало. Чавкающие чмоканья перемежались с придыханиями Раисы:

— Да... стой ты... дочка... не спит. Слышь, пусти!

На минуту всё затихло. Затем откупорили бутылку. Гранёными стаканами глухо чокнулись, изобразив подводные карельские камушки. Не тостуя, выпили. Запахло огуречным рассолом. Мужской голос, заплетаясь, прогнусавил:

— Огурцы ни-ничего. Пошли в кровать.

— Дочка рядом, не буду!

— Пусть на кухне сидит.

Они с топотом подались в комнату, оттуда грубый окрик:

— Марш на кухню! Дай с матерью поговорить!

Раиса, играя в поддавки, согласно прыснула от смеха. Девчонка спросонья захныкала, послушно поплелась. Я тихо метнулся к настенному выключателю. Стало темно. Только там, где щербатая стена не достигала пола, пробивалась полоса света. Чёрные тени Наташкиных ног протянулись ко мне через щель до плинтуса, причудливо изогнулись, стали подрагивать. Наташка безутешно, горько плакала. Тени пропали, шаги стали удаляться...

Минутную ночную тишину разорвал пьяный рык:

— Ах ты, падла!..

Громкий топот, частое шлёпанье детских ножек.

Истеричный плач Наташки грубо ворвался через брешь. Я старался не дышать, чтобы ничем не выдать своего присутствия. За стеной захлопали дверки кухонных шкафчиков, зашуршала бумага, и на пол что-то посыпалось, словно бусы порвали.

— На колени!

— ...Дядя Жора, я больше не буду! — умоляла Наташка.

— На горой вставай... Сбежишь — убью!

Послышалась возня. Девочка приглушённо мычала. Я, как зачарованный, уставился на жёлтую полосу света и вдруг увидел: из щели выскочила... крупная сухая горошина. Покатилась по полу, ткнулась в мой тапок.

Пытаясь избавиться от неуютного состояния, поднялся и на цыпочках, чтоб не скрипнули половицы, вышел из кухни.

Наутро Серёжка, как всегда, дождался Совёнка во дворе, взял у неё портфель, и они потянулись к школе. Сын вернулся с уроков расстроенный. О причине я догадывался, потому не спрашивал.

Забудется со временем...

Вечером он достал любимую книгу, подушечку-думку, поставил на пол лампу, выключил большой свет и лёг на тканый половичок. От печки приятно потягивало теплом. Я сел на пороге, закурил, с интересом посматривая на сынишку. Маруся, наша рыжая радость, поластилась к нему, растеклась на груди. По ту сторону пограничной стены кряхтела Наташка, тоже устраиваясь поудобнее. (Видно, заранее условились!)

— Давай я тебе вслух почитаю, — предложил сын.

Совёнок кокетливо возразила:

— Нет-нет, Серёжечкин... Ты лучше что-нибудь расскажи... Какую-нибудь сказку.

— Про что?

— Про вашу Марусю.

Из щели появился тонкий берёзовый прутик, начал зазывно подрагивать перед самым носом кошки. Та нехотя махнула лапой и застыла, не сводя взгляд с прутика.

Мечтательно подперев ладонью подбородок, сын облокотился на подушечку:

— Сказки я умею только читать.

— А ты не знаешь, почему мою маму во дворе называют «Кошкой»?

— Не-ет.

— Потому что она самая-самая ласковая. Вот! Хочешь, я расскажу тебе свою сказку? Я сочинила её прошлой ночью.

— Ты придумала сказку? Сама?

— Да-а. Рассказать?

— Расскажи, интересно.

Сын прижался щекой к мягкому урчащему телу кисули и приготовился слушать.

За стеной, будто за кулисами театра, детский голос таинственно произнёс:

— Жила-была на свете... маленькая девочка...

Сказительница вздохнула... и продолжила:

— Жила она с мамой за тридевять земель в сказочной долине, в маленьком белом домике. Была девочка очень-очень красивая. Её длинные вьющиеся волосы — цвета солнца. Ходила она всегда в красных башмачках и белых чулочках. А в той стране хозяйничали огромные злые крысы. Никто-никто не мог с ними справиться. Она страшно боялась крыс... потому, что у неё не было папы. Ты не думай, это я не про себя рассказываю.

Сын промолчал.

— Ту девочку звали Ёйгу — по-карельски значит «время». Ёйгу помогала маме по хозяйству: пасла овец, ходила с маленьким ведёрком по воду к ручейку. Мама пряла пряжу, а она сматывала нитки в клубок и по воскресеньям отправлялась в соседнюю деревню продавать красивые вязаные рукавички и носочки. Домой приносила вкусненькие карамельки. Наступал вечер, мама укладывала доченьку спать, гладила её по длинным локонам и нараспев говорила ласковые слова...

— Колыбельную пела...

— ...А сама грустная такая. Когда Ёйгу ходила на ярмарку, она заметила, что у всех-всех ребятков есть не только мама, но и папа. И однажды Ёйгу спросила:

— Мам, а где мой папа?

У мамочки появились на глазах слёзы, она обняла доченьку и открыла ей страшную тайну: у Ёйгу тоже был свой папа, но злые крысы унесли его за высокие чёрные горы, когда она была ещё совсем-совсем маленькая. Тогда мама оставила девочку на соседей и смело пошла по крысиному следу. Долго шла. День шла. Ночь. Привёл след к подножию самой высокой горы... Тебе интересно?

— Что дальше-то было?..

— ...привёл след к подножию высоченной страшной горы. А рядом стояла маленькая ветхая избушка. Мама постучалась в окошко, и к ней вышла добрая волшебница. «Я знаю о твоём горе, — сказала она. — Сама ты не спасёшь папу. Возвращайся домой, назови дочь именем «Ёйгу», и только когда она сама спросит о папе, выпей этот настой — фея дала маме изумрудный пузырёк — ты превратишься в кошку. И сразу, вместе с Ёйгу, приходи сюда, к высокой скалистой гряде. Крысы живут за ней. Там они и держат в заточении пленника. Раз в день, едва солнце коснётся вершины, огромные челюсти горы раздвигаются, одна половина её поднимается вверх, и появляется громадная щель. Бегите через неё на другую сторону хребта. В это время все крысы уходят на равнину за добычей. Коли до захода солнца вы не успеете папу спасти, гора снова опустится, челюсти сомкнутся, и вы навсегда останетесь в царстве крыс. Помни об этом!».

— Ты взаправду, что ли, сама это выдумала? — изумился сын.

— Слушай дальше!

Совёнок шумно завозёхалась:

— Мама вернулась домой, назвала доченьку именем Ёйгу и стала ждать. В тот вечер, когда девочка впервые спросила о папе, она достала волшебный пузырёк, выпила настой и превратилась в рыжую кошку. Вдвоём они отправились к дальним кручам. Шли день. Шли ночь. И дошли до зловещей горы-громады. Стали ждать.

Ночь постепенно растворялась в дне. Край солнца выглянул из-за сонной

вершины. И тут раздался страшный грохот. Земля и скалы задрожали. Камни поднялись, и в горе открылась оро-оомная чёрная щель. Узенькая тропинка ускользала вглубь. Зелёные кошачьи глаза хорошо видели в темноте. Кошка смело побежала вперёд, девочка за ней. Они пробирались между камней, берегами подземных озёр, пока пещера не закончилась. Вышли они из-под каменного свода и попали в густой дремучий лес. Деревья повалены друг на друга. Везде паутина. Сырость. Мрак. Солнышка там нет, одни светлячки своими огоньками-фонариками подсвечивают. Тропинка вела, вела их и привела к развалинам старинного заброшенного города. Куда дальше путь держать — не знают. Если не успеют до захода солнца, навеки останутся в сером царстве.

Неожиданно одна из чугунных дверей стала медленно, с тяжёлым скрипом, отворяться. Кошка и Айгу зашли внутрь. Смотрят: на большом деревянном помосте, укрытом шкурами крыс, сидят папа Айгу и красивый юноша. Не шевелятся. Глаза закрыты. Заколдованные потому что. Рыжая кошка прыгнула на помост. Обошла вокруг них трижды и, проходя мимо, каждый раз задевала их своим хвостиком. Пленники ожили, спрыгнули на землю и вместе с кошкой и девочкой — вон из крысиного царства.

Сказительница замолчала. Сделалось тихо.

Сын нетерпеливо:

— Ну?!.. Дальше!..

— А дальше я ещё не придумала. Но всё обязательно кончится хорошо. Не может дальше... нехорошо, ведь Айгу нашла своего папу. Главное, теперь они вместе: мама, папа, Айгу и... юноша.

Сын восхищённо захлопал в ладоши, воскликнул:

— Наташка, ты настоящая артистка!

***

Следующим летом подошла наша очередь на новую квартиру. Покидая «живой уголок», расставаясь с непутёвыми соседями, я и не пытался скрыть радости.

Что там потом стряслось у Раисы, точно никто не знал. Говорили, серенький котёнок, которого Совёнок подобрала на улице, напрудил Жорке в кеду. А у того суд скорый: на глазах у ребёнка он схватил живой комочек и — об угол плиты. На мать руку поднял... Нервное потрясение оказалось настолько сильным, что девчонка потеряла дар речи. Сожитель у Раисы долго не загостился, а Наташка так и осталась немой. Навсегда.

Может, болтали?..

...Прошли годы. Серёжка, несмотря ни на какие уговоры, поступать в университет отказался. У нас в городке окончил простое училище, отслужил в армии. И вот однажды, ранней весной, мы собрались на выходные в деревню. Сын обещал приехать позже... Не один, с невестой. С женой гадали-гадали: «Кто избранница?»

Я отправился на остановку встречать. Беспокойно маялся у обочины, курил до того момента, пока на дороге, вдаль, не показался рейсовый автобус. Я заметил ребят через боковое стекло: Серёжка стоял, положив руку на плечо невысокой хрупкой девушке. Сын был сдержан, девушка мельком глянула на меня, смущённо улыбнулась и склонила голову. Её лицо показалось мне знакомым... Словно где-то раньше я видел эти огромные выразительные глаза.

Я шагнул навстречу, взял у Серёжки сумку, с интересом разглядывая спутницу... Совёнок?!

После секундного замешательства наигранно-весёлым голосом выдавил:

— Ну, здравствуй, Наташа! Совсем красавицей стала.

Она засмутилась, ещё теснее прижимаясь к Серёжке.

Мы добрались до своротки, что вела к нашему хутору. Спустились в тенистую ложбину. Тропинка держала плохо. То одна нога, то другая временами проваливалась, оставляя после себя в талом снегу глубокие лунки. Подошли к дому.

Стол накрыт, сели, завели разговор о погоде. Весна сей год была дружной, говорливой. Мы шутили. Натянута смеялись. Молчали. Переглядывались. Изучали Наташу. Совсем не похожа на мать: светло-русая тяжёлая коса через плечо, тонкие аккуратные черты лица, яркий румянец на щеках, милая улыбка. Бездонные, зелёные с карими крапинками глаза светились любовью к Серёжке.

Я взял вёдра, пошёл за водой. Не столько по надобности — хотел с мыслями собраться. А мысли в голове крутились разные... Вспомнил: соседка по старому дому видела их вместе, но тогда мне не захотелось в это верить.

Сел возле колодца на остывшую лавочку, закурил. Солнце удалилось на покой, укрывшись тучным небом. Вечерний морозец подсушил снежное месиво, превращая его в ноздреватый колючий панцирь.

После переезда из крысиного дома я и думать не думал про этих соседей. А мой Серёжка, видно, занозился. Не забыл своего Совёнка. Получается, после отъезда они встречались, дружили. Дела... Нам только невесты-инвалида, подранка только не хватало. Нужно спокойно объяснить, что она не пара ему. Я затушил сигарету, вдохнул полной грудью весеннюю свежесть и, зачерпнув воды, уверенно зашагал к дому. Ситуация теперь не казалась мне безвыходной. От найденного решения на душе сделалось спокойно.

За столом в комнате в уютной тишине пили чай. Деревенская кошка дремала у Совёнка на коленях, благодарно взмуркивая в ответ на почёсывание.

Я встал в дверном проёме:

— Наташ, а чем закончилась твоя сказка? Про Айгу-то, помнишь?

Совёнок всем телом подалась вперёд, попробовала ответить сама, но лишь некрасиво замыкала... Страдающее усилие исказило её лицо. Щёки запылали огнём. Она стала что-то торопливо, взволнованно объяснять Серёжке жестами и мимикой.

Сын несмело перевёл:

— Наташа говорит, что своего принца нашла и хотела бы... называть папой... тебя. Потому что ты добрый, хороший... Если ты, конечно, не против...

Мне словно душу оголили... Я почувствовал, как из неё с болью... выкатилась... крупная сухая горошина.

— Я... что я?.. Лишь бы вам было хорошо...

И будто... тяжёлый гнёт свалился с плеч.

Свалился тяжёлый гнёт...

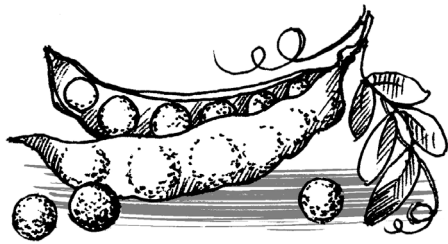
Да, эта девчонка — волшебница!

Она предложила писать продолжение сказки всем нам. Кто знает, может, настоящие, счастливые сказки в жизни так и слагают. Вместе...

А невестка...

Станет нашей — будет хорошей!

Петрозаводск, 2008 год

ДВОР НА ТРИНАДЦАТОМ

Повествование в рассказах

Посвящается
Владимиру Борисовичу Григорьеву

Когда уходит детство

На... Златом... фрыльце... сидели... царь... царица... король... королевич... сапожник... портной... кто... ты... будешь... такой... говори... поскорей... не... Задерживай... добрых... и... честных... людей.

Детская считалочка

Число «тринадцать» для меня счастливое. Судите сами: родился тринадцатого декабря; номер на мотоцикле — «13—13»; детство и юность прошли в Кочкарёвском дворе на Тринадцатом...

Из нашей дворовой компании я самый младший. Пацаны успели отслужить, а мой призыв только следующим летом. Двор всех провожал и встречал. Он, точно живой организм, ждал с нетерпением каждого своего воспитанника, однако вынужденную разлуку с одним из них переносил особенно тяжело.

Кочкарь.

Это он «качал макуху» у нас во дворе. Это он был, как стали говорить много позднее, «неформальным лидером» и авторитетом для всего Тринадцатого района. Это в его честь на нашем воображаемом, победоносном знамени золотыми буквами горело: «Кочкарёвский двор»! Уже своим внешним видом Кочкарь выделялся: высокого роста, крепкий, с открытой, доброй улыбкой на светлом лице. Всегда с гитарой. Это был наш оберег и наша вера!

Кочкарь демобилизовался из рязанской дивизии ВДВ тоже тринадцатого, июня...

Был выходной. С утра я выкатил из сарая новенькую «Яву» и по привычке холил её: протирал чистой фланелевой тряпицей отливающие никелем детали,

и без того сверкающие фару, стекло спидометра, зеркала, фонари. Солнечные зайчики весело прыгали рядом. Стараясь ни капли не уронить на любимого «коня», долил топливо в бак. Слегка качнул рычаг стартёра. Двигатель, измаявшись ожиданием, с явным удовольствием заурчал.

Ночная прохлада освежила липкую, мясистую листву тополей, она пахла остро, терпко. День обещал быть жарким и, похоже, душным.

Кочкарь я заметил сразу: заломленный на затылок голубой берет, солдатский ремень с бляхой из квадрата солнца, на груди парадным строем значки, широкая поперечная лычка на погонах, в открытом ворота кителя — десантная тельняшка с чередующимися полосками: голубыми — указывающими, что обладатель сего спустился прямо с небес, и белыми — символизирующими чистоту помыслов. Он шёл из-под солнца прямо ко мне, в проёме двух домов. Неспешно, уверенно. И родной двор казался тесен ему в плечах.

Я бросаюсь навстречу...

— Вовка, здорово! — Кочкарь, едва скрывая волнение, ставит на землю спортивную сумку. Стальной рукой сжимает мне ладонь. — Ну вот и дома...

Смущённо улыбаюсь в ответ и молчу. Кочкарь подходит к скамеечке под тополями, раскидисто садится. Я опускаюсь рядышком.

— Володь, сгоняй за Ниной! Она не знает, что я вернулся, — Кочкарь окидывает долгим счастливым взглядом двор. — Хотел... как с неба свалиться.

— Сгоняю. Я мигом! — Через силу отрываясь от него, иду к мотоциклу.

Из дома с восторженными криками, широко распахнув объятия, выскочили Витяня и Гера.

***

Двор наш — десять домов. Все деревянные, с печным отоплением.

Двор для меня — это прежде всего характерные запахи...

По краям друг на дружке — сараи, дровяники. После зимы там тень. Снег тает поздно. Идёшь мимо — ноздри щекочет влажный запах свежепиленных осиновых и берёзовых дров. В поленицах принято ховать всякую всячину. Руку туда так и тянуло. Сунешься — хоп — пачка сигарет! В карман её. Потом выясняется: Витяня схоронил, чтобы домой не тащить.

Зимой построили новый двухэтажный сарай.

Доски нестроганные, жёлтые, свежие. Вдыхаешь аромат — не надышишься! Ходишь по коридору вдоль кладовок, приноживаешься. Если какой-то запах исчез, провераешь: что изменилось? Благоухание солений — это у Кипрушкиных

огурцы в бочке солёные. У Вороновых сын увлекается физикой — изнутри несёт электричеством, лаком, канифолью. Навесной замок гвоздиком ковырнём... Посмотрим, покрутим новый приборчик, он обязательно действующий — вертушечка под стёклышком — на место поставим.

На втором этаже сарая веранда и скамейка на всю длину. Сторона на юг. Лужи во льду, а здесь от стенки печёт. Ноги на перила. Едва шевелимся. Млеем под очумевшим апрельским солнцем, словно мухи после зимней спячки. Возьмём увеличительные стёклышки и выжигаем каждый своё: кто бородавки на руке; кто — тупо — дырку в доске; кто наведёт лупу на коленку задремавшему приятелю, сфокусирует солнечный жар в одну точку и... скромно отойдёт. Через пару минут ткань прогорит и как кусит: «А-аа!»

Я выжигал на стене: «Вова + Женя».

Пахло автомобилями...

Наши ведомственные дома принадлежали двум автоколоннам: грузовой и автобусной. Жили здесь в основном шофёры. Отец работал на «Колхиде». Сосед — на грузовой дизельной «Шкоде». Он заезжал во двор и не глушил её никогда. Конечно, пахло солярой.

Может, кто обращал внимание: водители среди обычных людей заметно выделяются: они шустрее, пронырливей, в технике разбираются. Весь Тринадцатый — моторизованный район. У каждого в сарае если не мотоцикл, то хотя бы мопед. Но если у других — «Минск», у нас — «Ява»; у них — «Восход», у нас — «Чезет». Кочкарёвский двор был самым продвинутым во всём. В любом деле.

Помню запах курева...

Решили мы с Саней стать взрослыми. Самый короткий путь к этому — закурить. Пробовали сначала хабарики — не понравилось. Решили купить сигарет. А как купишь? В магазине никто не продаст. Деньги проходим суём — отказываются. Наконец дошло: можно купить самим, открыто, но только не одну пачку — сразу несколько. Заходим в магазин, вид подневольный, и продавщице: «Папка послал сигарет купить!» Она пересчитывает монеты, взамен кидает на прилавок пять пачек «Северных» по шесть копеек. И пошли мы становиться взрослыми в дальний сортир. Саня щегольски зажигает спичку о задницу. Прикуриваем. Чадим сигарету за сигаретой. Не взяты, просто: «Уу-ф — фу! Уу-ф — фу!» Как стало нас выворачивать... Я-то в сознании остался, а Саня не помнил, как домой попал.

Никогда не забудется и запахина новогодних каникул...

Что ты!..

Новый год — король всех праздников. Но я почему-то наступления Нового года в детстве побаивался... К его приходу морозы крепчали, и наш благоустроенный туалет замерзал. Батя привычно бежал на второй этаж, умолял соседей не пользоваться канализацией и вызывал ремонтную службу.

Прибывает машина, в кузове — печь с паровым котлом. В топку, рады стараться, закидывают дрова, поддерживают огонь. От парового котла протягивают к нам в квартиру шланг, и горячий пар под давлением подают прямо в унитаз. Квартира заполняется воньким, густым, тёплым туманом. Нечистоты весело разбрызгиваются. С улицы, через открытую входную дверь, заползает лютой мороз. Мои младшие брат с сестрёнкой безутешно громко плачут, упорно не желая разделять праздничного настроения всей советской страны. К бою кремлёвских курантов мать еле успевала всё убрать и намыть.

Вселившись, вонь неохотно покидала наше жилище. И оттого формула запаха Нового года для меня никогда не была простой: только мандаринов, только шампанского и бенгальских огней. Всегда наворачивался целый букет.

Хорошо помню запах близкой махаловки...

Источником являлся младший брат Кочкаря — Джуди. Прозвали так в честь обезьяны: в кино про неё насмотрелись, знали. Джуди сутулый, руки длинные-предлинные, ниже колен. И огромные кулачищи. Шубутной. Ему — слово поперёк, Джуди — в драку. Одно время увлекался боксом. Азы освоил, секции бросил. Мужик мимо идёт, он подскочит, шваркнет в торец. Не то, что ему податься хотелось, просто удар отработывал. А в душе рубаха-парень, добряк.

Постоянно мне объяснял:

— Вовка, смотри. Раз! — его правая рука чугунным молотом вылетает вперёд, едва не задев мне шибель. — Да смотри ты: рука прямая. Она должна составлять одну линию с кулаком. Ты понял?!

— Понял! — в подтверждение киваю часто и мелко.

На его защиту я мог рассчитывать всегда. Ему не важно: перед ним один человек или толпа. Ежели обидели салаг — меня или Саню, — Джуди в разборке первый.

Не в силах забыть я и запах наших дворовых игр.

Летом целыми днями играли: в «казаки-разбойники», «кислый круг», в «ножички», «лапу». Но самая любимая игра — «прятки».

Вот уж чего-чего, прятаться было где. Мой отец рассказывал, что у них в детстве эта игра называлась «прятанки» или «хоронки». Встаём в круг.

Вместе с девчонками нас человек пятнадцать. Выбираем водящего. На него считалочка сама укажет: «На... златом... крыльце... сидели... царь... царевич... король... королевич... сапожник... портной... кто... ты... будешь... такой...»

А у Сикоси свой репертуар. Он тыкает грязным указательным пальцем в каждого по очереди и радостно выкрикивает:

— Шишел... мышел... пёрнул... вышел... — на последнем слове грубо выталькивая водящего из круга. — Саня, ты вада!

Саня послушно идёт к телеграфному столбу посреди двора, отворачивается и громко начинает считать до тридцати. И напоследок:

— Раз, два, три, четыре, пять. Я!.. Иду!.. Искать!..

Пока он считает, все разбегаются, прячутся. Я несусь между сараев к заветной прятке за поленницей. В ней впору укрыться только одному. Если вада идёт, его можно подпустить почти вплотную, неожиданно выскочить и добежать до столба первым. Ветром лечу, а впереди меня Женька из соседнего двора: сиреневое платье, прыгают по сторонам золотые косички. Она несётся между сараями и — юрк! — на моё место. Кругом голая стена... Не успею спрятаться! Сейчас Саня обернётся, застучает меня... Я — следом за Женькой. Сильно толкаю её, прижимаюсь к ней всем телом. (Женька эта уже давно нравится мне.)

Несмело:

— Ты чего сюда?

Она покраснелась. Молчит. Смотрит в глаза, сдувает непослушные волосинки с лица. Моя правая рука случайно оказалась у неё прямо на сердце. Оно стучит часто-часто.

— Кто не спрятался, я не виноват... — кричит вада.

Я крепче прильнул к Жене.

Она закрывает глаза, задерживает дыхание. От неё сладко пахнет карамельками. Наклоняюсь к её лицу, неумело тычусь в приоткрытые губы. Всё происходит так неожиданно, впервые...

В смятении отпрянул, сделал шаг назад.

— Вовка, туки-туки вада! — бдительный Саня опрометью бросается к столбу.

Он ещё полчаса бегаёт по закоулкам, пока всех не застучает или не пропустит.

В тягучем томлении машинально передвигаю ноги, не замечаю никого. Смотрю на своё тело со стороны... не могу в него вернуться.

Где-то далеко-далеко зовут вадить меня...

За шоссе Первого Мая — железная дорога. Чадят паровозы, разит сгоревшим углём. Железку перевалишь — Рыбка. Летом на Рыбке день-деньской гомон, толкотня. Маневровый паровоз подаёт в тупики и выводит товарные вагоны, лязгают сцепки. Мелькают с накладными экспедиторы, по деревянному перрону топают кирзачами рабочие, трещат откинутые в сторону сломанные ящики, газуют отяжелевшие машины.

К грузчикам подходим ватагой:

— Дяденьки, дайте арбузика...

Мужики дармовыми-то фруктами объелись — глядеть не могут. Щедрые. Выберут арбуз побольше:

— Берите, пацанва! Не жалко... — хохочут. — Только в штаны не напрудоньте!

Мы вдвоём на опущенных руках тараним эту ягодину за вагон, точно над рельсом выпускаем из рук — арбуз под своим весом азартно крякает, разламывается. Мякоть сладкая, бордовая, сочная. Семечки чёрные натканы по кругу. Сидим на рельсине, всей моськой в сердцевину погрузившись... Посасываем, чавкаем. Уши шевелятся, как у помойных котов. Отпрянем — сок так и струится с носу, с подбородка, со щёк. Аж дыхание от восторга сводит!

Сикося из нас самый старший. Ему пятнадцать.

Отец у Сикоси уголовник. С ними не жил, всё по тюрьмам... Мать, тётка Соня, по ночам гнала самогон, приторговывала. Аппарат и готовую продукцию прятала в сарайке. Каждый наш сарай имел порядковый номер, но никто его не подписывал. Только у них на двери чёрной краской выведена цифра «13». Деньги в этой семье водились всегда. Имелось «рыжьё». Двор это хорошо знал. Знали мы и то, что на своём добре тётка Соня помешана... Их сарайку обходили стороной. Сикося обычно не дружился с нами, а подваливал к нашей компании, когда считал: «выгодно». Мы к нему тоже не тянулись. Он ушлый какой-то... Наглый. Наевшись до отвала арбуза, мы смущались или хотя бы старались не выставлять напоказ свою физиологию. Сикося же лыбился, обнажал редкие гнилые зубы, потряхивал музыкальным задом и философски приговаривал: «Писыки без пердыки, как свадьба без музы́ки».

Как-то раз мы сходили к вагонам неудачно. Ничего не обломилось. Ташимся понурые восвояси. Идём мимо огромных складов, и тут Сикося, вкрадчиво так, предлагает:

— Эй, салаги, хотите сладостей?

Мы наперебой:

— Хотим! Хотим! — сами вопросительно смотрим на него. — Где?!

— Я знаю! Пошли?

— Пошли...

И ведёт нас уверенно.

Часов в ту пору никто не носил, но знаем: хоть светло, рабочий день кончился. На территории никого нет. Нас человек восемь, кто постарше, кто помладше. Разбег в возрасте — пять—шесть лет. И габаритами мы здорово отличались.

— Тут!

Сарай деревянный, высокий. Двустворчатые ворота, чтобы машине заехать, под воротами лаз — футбольный мяч пройдёт с трудом.

— Кто смелый?

Гера ложится на живот, бестолковкой в щель тычется — никак. Пролезть может только самый мелкий. Все уставились на меня. А на мне сандалии девчачьи, зелёные. (Стою, как простофиля!) Говорил ведь матери... У всех ребята настоящие мальчишеские плетёнки. А эти закрытые, с рр-рантиком, дыр-рр-рочками, с глупой застёжечкой сбоку...

— Вовка, ты пионер? Давай первым!

Я быстро — нырять в склад. Выбираюсь по ту сторону ворот. Встаю, оглядываюсь: «Ёк-макарёк!..» Ящички кругом и коробки, коробки, коробки... целый склад. Потолок высоко-о. И запах: дурманящий... сладкий... вафельный. Хожу между рядами, задрал голову, озираюсь.

Сикоса мне с улицы:

— Ну, что там?

— Коробки...

— Читай, что на этикетках написано...

Прочитаю, подбегу к воротам:

— Вафли, печенье...

— Дальше смотри!

Я опять в глубь склада. А там сумерки: свет проникает только через щели в стенах да под воротами. Рву коробки, нащупываю пальцами содержимое и бегом с донесением к Сикосе:

— Пряники! Мармелад!

— Не то. Пошарь в другом углу... ищи повкусней!

Глаза понемногу привыкают. На одной наклейке пытаюсь разобрать: буквы русские, название — чужое. Ни разу такого не слышал. Не могу прочитать, бегу к воротам:

— Нерусское слово какое-то.

— Тащи сюда.

Волоком подтаскиваю коробку к самому проёму.

— Читай!

— Каа-рра-кум... «Кара-кум» какой-то. Конфеты.

Сикося довольный:

— Неслабо!

Пихаю коробку под ворота, они оттуда тащат — не пролазит.

— Сминай!

Прыгаю на ней, не хватает веса смять — лёгонький.

— Открывай, по карманам рассуём.

Разрываю картонку:

— Здесь тоже коробочки...

— О! Подарочные конфеты.

Передаю ему.

— Всё, харэ! Затарились.

Выбираюсь наружу, коробки под рубахи — и дёру. Добегаем до забора, один за другим — в дыру, к железной дороге. За насыпью — Парк коммунизма: берёзы насажены, ивы, бузина. Ныржаем в густые заросли — мы в безопасности. Валимся на траву, открываем коробки, запихиваем конфеты в хохотальник. Не по одной, сразу по нескольку штук. Сидим, смеёмся с набитыми ртами. День гаснет, а мы светимся от счастья светлячками! «Нашару» нарубались шоколада! Для нас это не кража вовсе — приключение.

Мы не лакомство «спиионерили» — партизанам так!

Успокаиваемся, приходим в себя. По дороге домой попадается дорожный знак, пуляем в него конфетками. На меткость!

День проходит, два проходят, три. Конфеты закончились: какие съели, какие раздали. Повторяем нашествие. В стене одну из досок оторвали снизу. Удобно: когда надо — отодвинешь, когда надо — закроешь. Целой оравой забираемся. До того хохочем в этом складе, до того нам радостно... Бродим из края в край, пинаем пустые коробки. Уже всё знаем, всё надоело. От приторных сладостей воротит.

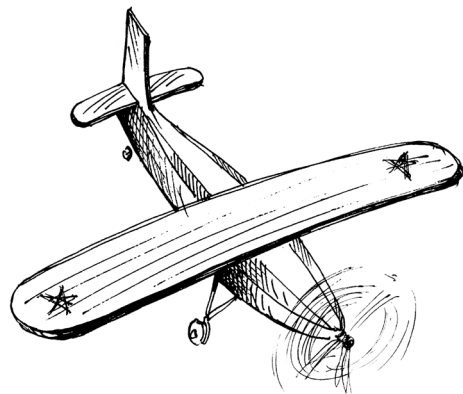
Джуди читает на этикетке:

— «Халва... арахисо-вая».

Открывает коробку — в пергамент завёрнут большой липкий ком. Измазавшись, вытаскивает, таранит его к проёму в стене, поскользывается: халва вылетает из рук, об пол — «бах!»... Куски — по сторонам. Мы с гоготом, воем сползаем по стене, утирая слёзы и постанывая.

Целый месяц тянулась эта лафа. Куш сорвали знатный. Двор за это вре-

мя покрылся ковром разноцветных фантиков от ирисок, карамели, благородных шоколадных. Многие таскали сласти домой, к столу. Я свою долю держал в сарайке, тихарил от отца. Знал: выпорет по полной программе. Конфеты у меня были везде: в посылочном ящике под потолком, в настенном шкафике, на полатях. Они были раскиданы прямо по дивану, на котором я спал летом.

Не знаю, сколько бы ещё продолжались набеге, но вдруг в городской отдел милиции вызвали повесткой Сикосю, Кочкаря и Геру. Оказывается, Сикося сладким не ограничился: с зарезками бичами сколотил компашку, подломили вагон с сигаретами. Их захомутали, дознались про конфеты. Завели дело, и всё, что висело нераскрытого, чего, может, пацаны и не трогали, списали на них. Сикосю определили в спецшколу на два года, Кочкаря и Геру поставили на учёт в «детскую комнату». Их родителям выписали штраф «двести рублей» — сумма огромная по тем деньгам. Геру отец отлупил ремнём так, что тот месяц потом хромал и при малейшем скоплении народа, приспустив штаны, навязчиво демонстрировал фиолетовую гематому в форме двух полушарий.

Нас не тронули. Мы обделались лёгким испугом.

Сикося после спецшколы недолго был на свободе. В первый же месяц — грабёж, привод в милицию и — новый срок. Но уже в колонии.

На том «конфетное дело» закончилось. Больше про склад мы даже не заикались. Все были напуганы: милиция... Что ты!.. Невольно пришлось повернуться лицом к пристойным, мирным занятиям. (Лозунг «Энергию атома — в мирных целях!» — оказывается, сложили про нас.) Нет, до посещения библиотеки мы не опустились. Всей гурьбой пошли записываться на станцию «Юный техник», в авиамодельный кружок. Станцию я обожал. Заходишь: с порога аромат клея... Запах волновал, доводил в процессе творчества до эйфории. (В те годы никто не представлял, что баддеть можно от одного клея...)

Я начинал с постройки планеров. И если модель делал сам, сам с ней и выступал. Было к чему стремиться! Ребята постарше строили кордовые модели с дизельным двигателем. Объём в полтора кубика, два... самые большие — пять. Корд — это проволока. Самолёт управлялся двумя струнами, метров по тридцать.

Двигатель заправляли эфиром. Для того, чтобы запустить, нужно было компрессию подвести вручную и резко крутануть пропеллер. Рывком. Палец частенько попадал под удар.

Идём после занятий домой, я вижу у Кочкаря под ногтями — иссиня-чёрные густки запёкшейся крови:

— Чё у тебя с рукой?

— Пропеллер разукрасил...

«Вот бы мне так!» — завидовал я.

...В 71-й школе, где училась наша честна-компания, ребята только с Тринадцатого. Все свои. А Саня, мой лучший друг, ходил до седьмого в школу № 6. Почему — не знаю. В той школе — отовсюду: и с Зареки, и с Черёмушек, и с Мурманки...

Хрящ был с Сулажгоры.

Чего он с нашим Саней не поделил — неизвестно. Детали никого не интересовали. Главное: конфликт возник — надо разбираться. Кочкарь объявил, чтобы никто из посторонних не впрягался, пусть дерутся один на один. Он назначил день, время, место сшибки — огороженный пустырь у автошколы, в субботу, в три.

Приходим: мы — своей компанией, они — своей «шоблой», как убеждённо считал Джуди. Закон железный: никто не встречается, никто не разнимает. Мы жмёмся к забору, бойцы выходят в центр площадки. Минут десять топчутся друг против друга, заводятся. Хрящ тянет на Саню, понт создаёт. Вначале, как принято, было слово:

— Чушок!..

— Не возникай...

Хрящ прёт буром:

— Ца в пятачину получишь...

Мы наблюдаем. В напряжении. Началось! Пару тычков в плечи, по животу... Саня рукой попадает Хрящу в лицо... Тот ножки подгибает и, не от удара — нам со стороны чётко видно — от страха, аккуратно падает на бок. Типа: лежа-чего не быют. Всё. Кипиш окончен. Наши поздравления Сане. Расходимся. Была договорённость: дело на этом закрыть.

Прошло три дня. Хрящ оклемался, осмелел. Оборзел! Шурум-бурум. После школы с кирюхами подловили Сашку и отволтузили — синяки по всему телу. Кочкарь к нему: «Малой, что случилось?» Тот и рассказал...

А вот это уже никуда не годилось...

— Говнотики! — непримиримым рефери выставил оценку Джуди.

— Ну, что... теперь будем разбираться по-другому... — Кочкарь поставил многоточие и ушёл.

Оказывается, он отправился поднимать всю Тринагу. От дома — к дому, от двора — к двору. Было объявлено: завтра в шесть идём «мочить» Сулажгору.

Наступило «завтра».

Ближе к вечеру стали собираться: где по десять, где по тридцать, а где и полсотни человек со двора. Кучками перетаптываются, ждут. Поступает команда — потянулись на Кутузовский пятак.

Толпа формируется, накапливается около тысячи человек. Точно, конечно, никто не пересчитывал, но площадь перед Круглым магазином забита. Народ пришёл не с ложками для манной каши — в руках велосипедные цепи, цепи от бензопилы «Дружба», солдатские ремни с залитой свинцом бляхой, просто колы. Чтобы ухватистее держать цепи — намотали изоленту. Время настает — двинулись. Впереди Кочкарь, рядом макухи с Григорьевского и Рыбинского дворов. Идём плечом к плечу. Не разбирая ни возраста, ни ранга. На равных. Бок о бок с парнями после армии — салаги. Идём молча, угрюмо, как на работу. Цель у всех одна. Голова извилистой колонны удавом перетекает сулажгорский переезд, а хвост ещё ползёт по Достоевской. Уличные фонари выхватывают из вечерних майских сумерек блики-чешуйки заточенных металлических прутков. Движение перекрыли. Редкие машины останавливаются. Водители из кабины не выходят, не сигналият. Чувствуют: если сейчас встать у нас на пути — прольётся кровь...

Малолетки ликуют! Что ты!..

Я иду в колонне вместе со всеми и твёрдо знаю: иду в бой за правое дело. Мы вошли в мятежный посёлок, сминая все надежды на мир. Махач назначен на площади перед магазином «Городок», но Сулажгора будто вымерла. Даже бродячие собаки слиняли. Агрессия находит выход в задиристых криках. Погромов не устраиваем, ограничиваемся демонстрацией силы.

Со стороны переезда заревели милицейские сирены. Кочкарь приказал сваливать. (Было ясно: победа за нами.) Мы с Саней ныряем под забор металлосклада, решаем переждать. Гул уазиков, нарастая, достигает предельной высоты. Визжат тормоза. Беспорядочно хлопают дверки. По всей площади топот кованых сапог: «Кто не спрятался, я не виноват!» Трещит штакетник. Опять взвизгивает неугомонная сирена. В неё вплетаются крики, ругань, шумная возня.

Сирены, нарушая тишину, ещё долго носятся по ночному району...

Району, побеждённому без всякой драки силой нашего духа.

Отсидев часа два, изрядно продрогнув, мы выбрались из укрытия и тайком подались к дому. Наутро сообщили: человек двадцать всё-таки забрали в милицию; парней продержали ночь в изоляторе, больше так, для острастки, и отпустили. Предъявить им было нечего.

Стали старше. Кочкарь поступил в авиаклуб, в парашютный кружок. При-

своили ему третий разряд и — в армию. Служить призвали в романтически приятельные десантные войска.

Провожали Кочкаря на Высотную всем двором.

Наша команда к этому моменту удвоилась. С нами были девчонки. Я так с Женькой и дружил. Кочкарёв был с Ниной.

Следом за Кочкарём в авиаклуб подались и мы с Витяней.

В теории Витяня обогнал всех, наземную подготовку тоже освоил назубок. Его назначили старостой группы. (Куда ни глянь: Кочкарёвский двор впереди!) Следующий этап — прыжки с самолёта в Деревянном.

Вот и февраль. Аэродром ДОСААФ: расчищенное зимнее поле, по краям сугробы в два метра. Двигатель самолёта запущен. Идём на посадку. Парашюты — основной и запасной — точно два увесистых курдюка, сковывают движения. Ледастая острая крошка летит в лицо, давит на грудь, не пускает в самолёт.

Возбуждённый, радостно пихаю Витяню в спину:

— Сейчас прыгнем!..

Витяня молчит и, такое ощущение, сильнее сгибается под тяжестью Д-5.

В самолёте он садится на металлическую скамейку у самого дверного проёма: ему прыгать первым. Я усаживаюсь рядом. Инструктор закрывает дверь. АН-2 набирает обороты, выруливает на взлётную полосу, прибавляет газу. Взлетаем. Как неваляшки, одновременно клонимся на бок. В салоне болтанка, шум двигателя оглушает. Теряю Витяню за рукав, не слыша себя, ору ему на ухо:

— Надо! было! фотик! взять!..

Он в ответ непроизвольно трясёт головой. Взгляд отсутствующий. Щеки бледные.

Самолёт делает большой круг, летит по прямой. Инструктор кидает пристрелочную ленту, определяет скорость ветра. Витяня заслоняет мне обзор, но кусок картинку вижу: внизу, в снежной дымке, белёсая земля, как на карте. Самолёт разворачивается, ложится на курс.

— Встать!

Я поднимаюсь. Витяня сидит. Смотрит себе под ноги. Толкаю его в плечо. Помедлив, встаёт, нехотя подходит к двери. Пол в самолёте наклонный, на подошвах валенок ледяная корка. Скользко. Хоть бы не упасть! Слева от выхода замигал красный фонарь. Навязчивая сирена пнутой шавкой взвыла над ухом прерывисто, громко: «Вв-вя, вв-вя, вв-вя».

Руки у нас сложены на груди: в правом кулаке зажато вытяжное кольцо основного парашюта, левая ладонь сверху — фиксирует.

Инструктор поворачивает рукоятку, открывает дверь... Будь это у нас во

дворе, я бы сказал — на улицу... А тут!.. Близость холодной бездны возбуждает и... манит. Красный сигнал будто заклинило: он перестаёт мигать, вспыхивает ярче. Сирена зашлась длинно, тревожно. Инструктор хлопает Витяню по плечу:
— Первый, пошёл!

И вдруг Витяня отшатывается назад... рвёт вытяжное кольцо. Купол скомканным постельным бельём выползает из ранца, заполняя собой пространство в салоне.

Я в шоке...

Инструктор резко отодвигает Витяню в сторону и командует:

— Второй, пошёл!

«Убьюсь, так убьюсь», — единственное, что успеваю подумать, и, оттолкнувшись левой ногой от порога, ныряю в холодную пустоту...

У молодёжи всегда есть свои кумиры.

И правильно!

Один хочет походить на знаменитого артиста, другой — на полярника или космонавта. Я часто вспоминал нашу считалочку: «Кто ты будешь такой?» На этот вопрос ответил давно... Я непременно хотел стать таким, как Кочкарь. К тому моменту уже старший сержант воздушно-десантных войск Сергей Кочкарёв. И раз для этого нужно прыгнуть с неба — я готов!

***

Пока Кочкарь ходил домой показаться родителям, Гера сбегал с трёхлитровой банкой до ларька, принёс бормотухи. Сели на скамейку у теннисного стола. Кочкарь расстегнул ремень, снял китель и остался в тельнике. Вытер пот со лба:

— Ну и духота. Гроза будет.

Он тягуче посмотрел на небо. Чёрные облака тяжело подползали к солнцу.

Морщась, выпили. Витяня поставил мутный гранёный стакан на землю:

— Время бежит... Вовке на будущий год в армию. Саня служит в Заполярье, на Северном флоте. Сикося... Встретил его тут как-то в троллейбусе. Смотрю: весь в наколках, расписной, башка под ноль, но на харю такой свежий, цветущий. «Хорошо выглядишь», — говорю. Он: «Так я только что оттуда».

Выпили ещё. Закусили зелёным луком с грядки да ржаным хлебом. Гера принёс из дому гитару и подушечки «Дунькина радость»:

— Помнишь «конфетное дело»?

— Разве такое забудешь?!

— Ты у нас везуунчик, тебя отец тогда не троонул!

Кочкарь взял в руки гитару. С ладов сорвались пробные аккорды...

Он прикрыл глаза, и задушевные, родные до слёз, ритмичные мелодии наполнили двор. Спели про то, как плачет девушка в автомате, про Алёшкину любовь.

— Жалко, Джуди нет. Он бы свою любимую завёл: «Допрос ясеня».

Джуди, младшего брата Кочкаря, самосвал сбил на мотоцикле. На похороны приехать не удалось. Не чокаясь, помянули его.

Как-то незаметно банка опустела. Гера поднялся со скамейки:

— Щас сбегаю ещё...

— Валяй! — Кочкарь глянул на сарай и, припоминая что-то, встал. — Перед армией, как уходить, спрятал под обналичкой парашютную шпильку. На удачу. Интересно: блокировка жива — нет?

Упруго ступая, он направился к крайнему сараю, остановился у двери, сделал к ней шаг. Поддатенький Витяня засеменил следом и с ходу упёрся лбом в могучую спину Кочкаря, тряхнул охмелевшей головой, поднял затуманенный взгляд: цифра «13»! Мысли его беспокойно заматались: «Сикосин! Говорят, к ним в сарайку недавно пытались залезть».

— Кочкарь, идём отсюда...

— Я быстро...

Он с силой оттянул скрипучую потемневшую доску.

За спиной раздался шум. Затем пьяный женский крик. Не оборачиваясь, Кочкарь узнал голос тётки Сони, матери Сикоси. Потрясая рыхлым подбородком, задыхаясь от ярости, она прерывисто хрипела:

— Я вам... покажу! Как... в сар-р-ай-ку... мою! — и уже себе под нос свирепо: — Голодр-рр-ранцы!

До Кочкаря не сразу дошло, что ругают именно его.

Витяня попытался приобнять сварливую старуху, задобрить, отвлечь, но у него ничего не получалось. Из открытого окна на первом этаже выскочил Сикося и бросился к сараю на крик матери.

Кочкарь увидел его и, радостно улыбаясь, пошёл навстречу.

Сейчас все люди Кочкарю — братья. Весь мир люб!

А Сикося, Мишка Сикорин, с которым в детстве столько прожито, подавно.

Если бы он не купался в дворовом счастье, то смог бы заметить, до чего холоден взгляд и решительно сжаты Сикосины губы. Как, по-звериному пригнув бритую голову, скользкими быстрыми шагами тот приближался, скрывая правую руку за спиной.

Тётка Соня толстыми бородавчатыми пальцами вцепилась в тельник Кочкаря, он повернулся к ней и на какой-то миг оказался к Сикосе спиной...

— Кочкарь! Берегись! — дикий крик Витяни разрубил двор на Тринадцатом...

Что-то длинное, острое предательски вошло в тело Кочкаря, как раз вровень с сердцем. Взгляд Сергея поплыл, ватные ноги не удержали, и он рухнул в тёплую пыль.

Над Кочкарёвским двором сильно громыхнуло... Первые крупные капли дождя упали на землю.

Мы въезжаем с Ниной во двор — навстречу, по лужам, — Женька:
— Там Кочкаря убивают!..
Не останавливаясь, прибавляю газу.

Смотрю — двор изменился.
Притих. Съёжился. Живой организм стал восковой декорацией.
Застывшая растерянная улыбка двора пугала...
Исправить уже ничего было нельзя. На руках Нины Кочкарь затих. Окровавленное тело прикрыли кителем, тяжело увешанным армейскими значками.

Сейчас я как бы со стороны видел себя, двор, Нину, Кочкаря...
Я здесь... и не здесь.
Звуки становятся отдалёнными, притупляются запахи...
Глухота. Потерянность.
Плохо понимаю, что делаю, говорю... Пытаюсь какими-то нелепыми словами успокоить Нину.
Боли нет. Осознание потери ещё не пришло. Горе пока не придавило всей своей тяжестью.

Тяжесть, которую придётся нести по жизни, навалится потом...

...На суде Гера, не обращая внимания на замечания судьи, настойчиво пытался доказать, что Сикося убивал Кочкаря вместе с матерью: «Она стояла на коленях, била по неподвижной голове Сергея обломком кирпича. Сикорин сидел у него на поясище и заточкой из отвёртки наносил удары один за другим». Его показания не повлияли на решение суда. А Витяня молчал. Мать фигурировала в деле лишь свидетелем. Сикорину дали десять лет. Все понимали: без крупной взятки тут не обошлось.

Никто не знал тогда и не мог себе даже представить, что пройдёт совсем немного времени, и власть денег в стране будет безграничной.

Вся молодёжь Тринадцатого, Сулажгоры, Мурманки провожала Кочкаря в последний путь. Чёрная река текла широко, полноводно, выходя местами из бере-

гов. Гроб с телом Сергея, попеременно меняясь, несли на плечах до самого кладбища. Мы с Хрящом тащили огромный венок и боялись глядеть друг на друга.

До меня только теперь начинало доходить это нелепое, непоправимое, неподъёмное горе... Слёзы предательски наворачивались, как ни старался их сдерживать. Мне было жалко Сергея, жалко его маму, отца. Горько за Нину. Мне было жалко всех...

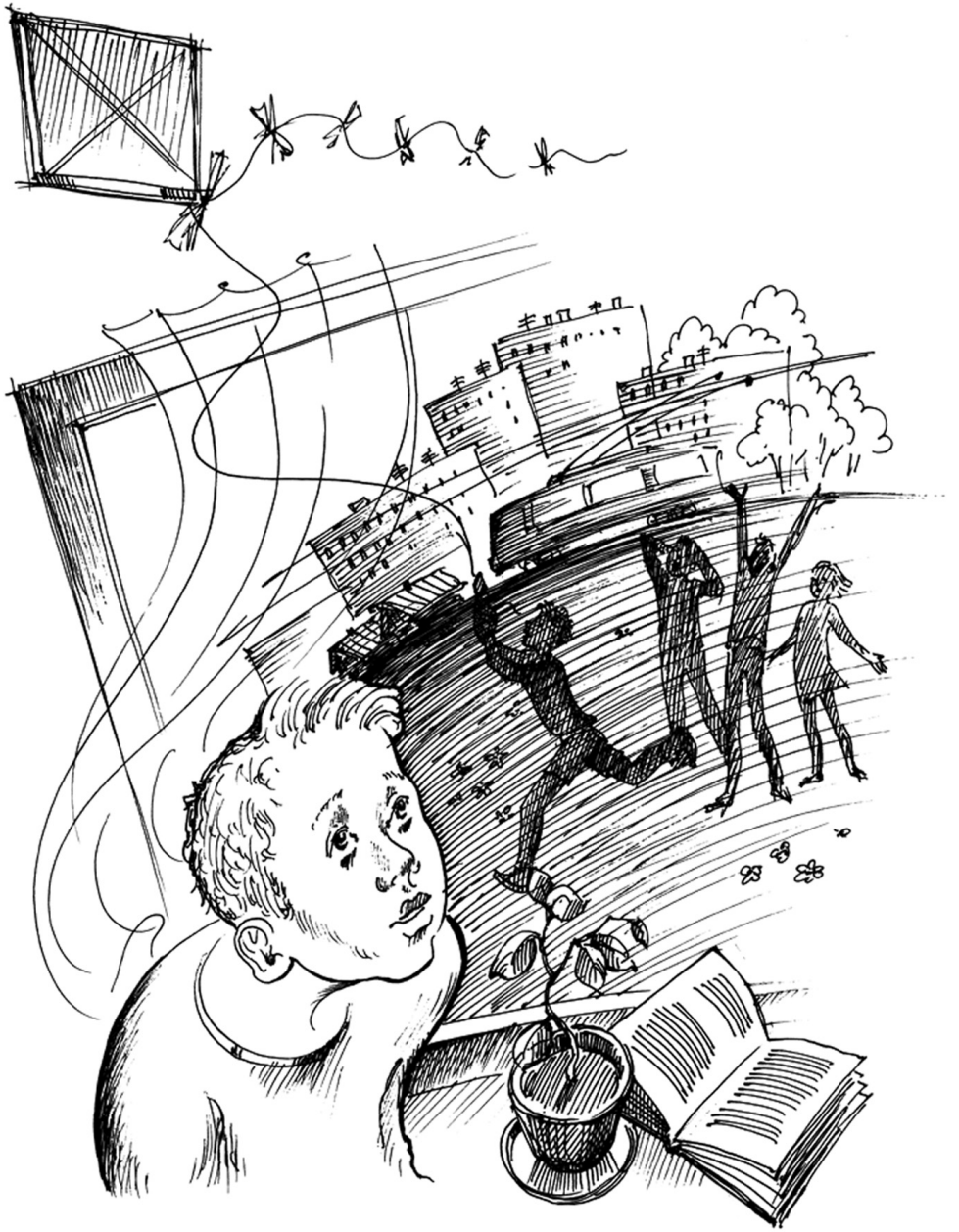
Но жальче всего мне было себя.

Я чувствовал, что сейчас вместе с Кочкарём мы закапываем в мёртвую землю не только этот сосновый гроб, обитый красной тканью. Непослушными пальцами я бросил в могилу горсть медных монет, налегая на лопату, сталкивал вниз гулкие комья спрессованного жёлтого песка... опуская в бездушную глубокую яму, предавая земле... своё собственное... детство...

Погребая его безвозвратно.

Навсегда!

Воздушный змей

В неизвестность первые шаги...

Из детства — в бесконечную туманную даль.

Путь этот проходит сквозь поток событий, чередующихся, словно в калейдоскопе: горьких и сладких, грустных и весёлых, радужных...

Разных!

Великим событием для меня было появление в городе первых троллейбусов. Я называл их «рогачи». Они разворачивались на старом вокзале, у Танка. Первый раз на диковинном транспорте прокатился с отцом. Мне всё понравилось: как кондуктор отматывает билеты из сумки на животе, переходя по просторному салону от одного пассажира к другому; какие блестящие в троллейбусе поручни, широкие мягкие сиденья и большуханские стёкла, точно в аквариуме. Топливо не заливают — а Он везёт и везёт, да ещё электричеством в высоких проводах потрескивает. Можно стоять и смотреть через стекло, как водитель рулит. Я сдвинул козырёк кепки набок, прижался лбом к стеклу-перегородке, расплющив нос. А добрая тётенька-кондуктор заметила, что я в восторге:

— Мальчик, ты приходи, я тебя покатаю!

— Меня?! Покатаете?..

На следующий день родители — на работу, а я нарядился, будто праздник, и пошёл на остановку. Стою, высматриваю нужный троллейбус. Их много... Один придёт — другой уйдёт. Один придёт — другой уйдёт. Вытягиваю шею, глазею по окнам, ищу знакомую тётеньку. Самовольно зайти в троллейбус... не смею. Жду, когда меня окликнут, позовут. А доброй тётушки всё нет и нет. Приволок деревянный ящик, сел на него, кулачок — под щёку. Пригорюнился. Захотел есть, убежал домой. На следующее утро опять пришёл. Такое желание было прокатиться...

Две недели ходил по утрам на остановку, ждал кондукторшу, но так её больше и не увидел...

В детстве я был нерешительным, робким. Часто плакал. Если чего-то хотелось, терпеливо ждал, просительно заглядывая взрослым в глаза. Не любил себя за это, да что толку.

Мне казалось, я никогда не стану смелее.

До переезда на Тринадцатый мы жили у бабушки в Сулажгоре. Городской район этот больше смахивал на деревню. Бревенчатый бабушкин дом — «хоромы», как уважительно величали домашние, — стоял на горушке. У неё и хозяйство деревенское: кролики, курицы. За домом — огорожде: с картошкой, морковкой, редиской, укропом, лучком.

Из сверстников по соседству — мальчишка на год младше. Мы с ним всё мечтали найти клад и купить гору «петушков». На поиски отправлялись к автобусным остановкам, забирались под деревянный настил, искали оброненные монетки.

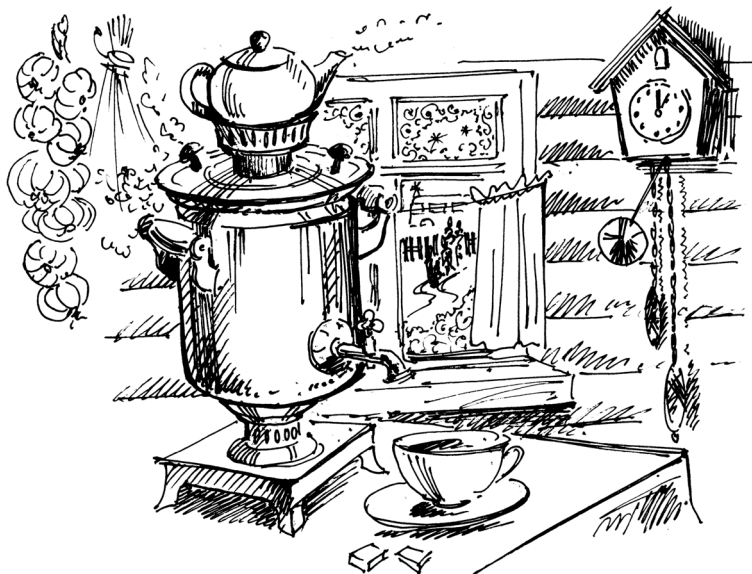
Сквозь щели в досках дневной свет еле пробивается. Подолгу кряхтим, ползая в тесном пыльном пространстве. Если народ ходит по остановке, затаимся, чтобы не выдать себя. (Доски прогибаются над головой, песок сверху сыплется — лежим, не дышим.) Добыча бывала разной. Сразу после зимы, когда таял снег, мы собирали мелочи по целой горсти. Полная жменя копеечек, трёхкопеечек, пятачков. Выбираешься оттуда грязный, как чёрт, и довольный, если нашёл. Считать не умели и все монетки кучкой относили в магазин в обмен на леденцы. Эти остановки служили нам копилочками.

Как-то раз страшно повезло: у магазина, в траве, мы нашли мокрую красную денежку с портретом дедушки Ленина. Разделили по-честному: одну половинку я оторвал ему, вторую взял себе. Тратить сразу не стали, решили копить на велик...

Каждое лето к бабушке на каникулы приезжал мой двоюродный брат в нарядной плюшевой кепке. Он был старше меня на два года, но важничал на все четыре. Со мной совсем не играл. Я невольно тянулся к нему, а он знай посмеивался:

— Тюля!

Однажды брат взял из кладовки дедушкины инструменты, старую газету, с кухни — нож и унёс всё в сарай. Слышу, что-то мастерит: пилит, стругает. Пытаюсь приблизиться — шикает. Закончил работу, выносит из сарая непонятную хрупкую конструкцию из реечек, обтянутых газетой, с длинным расщеплённым хвостом-мочалкой из лыка. Теряюсь в догадках: что это? Идёт на пустырь.

Я — поодаль, следом. Разбегается, подняв вверх таинственный аппарат, и внезапно тот, словно живой... взмывает в воздух! Управляя длинной нитью, брат то отпускает его в свободный полёт, то придерживает, подтягивая к земле. Издали смотрю, как в вышине планирует белый квадрат, как взбирается он в небо по невидимым ступеням. Длинный хвост с бантиком на конце красиво вьётся по воздуху.

Мне тоже хотелось так бежать, удерживая шнур...
Навстречу ветру!

В августе брат засобирился в свою Кандалакшу-говнялакшу. Едва дождавшись, когда за ним хлопнет калитка, я кинулся в сарай... Чудо-крыла нигде не было! Обыскал каждый уголок и вдруг... наткнулся... на брошенные обломки растерзанной птицы.

Себя было жалко. Слезы стояли в глазах.

Мечта запустить в небо воздушного змея с тех пор не отпускала меня, преследуя даже во сне.

***

В город, на Тринадцатый, мы переехали, когда мне исполнилось шесть лет. Квартиру нам выделили в деревянном двухэтажном доме по шоссе Первого Мая: с отдельной кухней, водопроводом, с газовой колонкой. У нас, как у буржуев, теперь были свой туалет и целая комната на четверых: мама с папой и мы с сестрёнкой. (Брат Игорь появился через год.) Вот бы такую квартиру, да жить рядом с бабушкой! Там всё знакомое, родное.

В новом дворе я никого не знал, чурался ребят и летом с утра до вечера пропадал в Сулажгоре. Баушка жила с дедом и дядей Мишей, но я считал, что она главнее, и потому шёл в гости именно к ней. А ещё там была собака. (Дома мать не разрешала заводить, как ни канючил.) Спаниель Тишка отогревал мою душу. Издалека заприметит меня в начале улицы — летит навстречу со звонким радостным лаем, уши на бегу треплются. В дом прошмыгнёт между ног первым, заглядывает преданно в глаза и барабанит хвостом-обрубочком по фанерному шкафчику, быстро-быстро: «ту-ту-ту». Моё сердце восторженно вторит в ответ: «тук-тук-тук».

У нас с Тишкой секретов было — навалом!

Вот и это лето закончилось быстрее зимы. Началась учёба.

Из школы вернусь и сижу дома, грущу. Двор для меня чужой... Холодный. Неуютный.

Опасный...

Наблюдаю из окна с завистью, как ребята играют в снежки, строят крепость, прыгают с крыш сараев в сугробы. Им вместе хорошо, разве-есело... Так хочется... к ним!

Но я боюсь... выйду, все будут... смотреть на меня.

Пожалуй, я так и просидел бы взаперти до сих пор, но весной мать насильно выпихнула меня на улицу. В апреле на пустыре за сараями бежали полноводные ручьи. Детвора возводила запруды, пускала кораблики. Солнце слепит. Цурясь, гляжу по сторонам, вдыхаю талый воздух с запахом ивовых кустов. Малыши смеются, брызгаются, прыгают через поток.

Там впервые я и увидел Коську...

Он показался мне богатырём. Коська выделялся среди сверстников ловкостью, какой-то завидной отчаянностью. С ним хотели водиться все. Я об этом даже не мечтал...

Нас свела консервная банка с «килькой в томате».

Возвращаюсь однажды из школы, гляжу: во дворе Коська с ребятами. Подходит ко мне, конопатый и ростом... пониже будет. (Вспомнилось, отец расска-

зывал про Ленина: сперва все тоже считали, что вождь мирового пролетариата великан, а в Мавзолей-то заглянули... метр с кепкой!)

Коська протягивает мне руку:

— Давай знакомиться! Я знаю, ты из Сулажгоры, во втором «б» учишься. Тебя как звать?

— Вовка... — смущаюсь я, несмело отвечая на рукопожатие.

— Мы на стройку идём банку консервную взрывать. Айда с нами. Здоровски будет!..

Мальчишки в трикотажных отвисших спортивках, кто в синих, кто в чёрных. А я, как был, в школьной форме, с портфелем, так и пошёл.

(Когда тут переодеваться?) Рядом строили хлебокомбинат, туда и направились. По дороге Коська рассказал, как они развлекаются. Его послушать: нет лучшей забавы, чем, бегая по гулким этажам, играть в войнушку; прыгать с третьего этажа на песчаную кучу под окном — кто дальше; «жевать вар», выкачивать бензин из оставленного на ночь грузовика и, разливая его по лужам, наблюдать, как «вода горит»; нагреть карбид, делать из бутылок гранаты. Охранять всё это богатство приставлен сторож. Но разве успеть бородатому хромому старику за ватагой быстрых на ногу пацанов? Пока он с одного края стережёт, ребяты к другому прицелится.

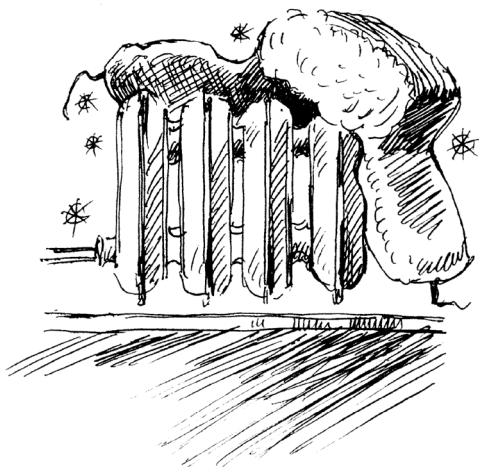
По шаткой доске мы перебрались через глубокую траншею, нырнули в окно. Огляделись. Какое-то время стояли, прислушиваясь. Тихо. На бетонном полу сложены водопроводные трубы, батареи, льняная пакля. Коська достал из груды заготовок чугунный смеситель, прикрутил к нему с одной стороны стальную трубку, на конец — муфту. Получился пистолет. Как настоящий! Я в восторге...

Коська сунул «песталь» за солдатский ремень и стал пробираться к дверному проёму. Мы — за ним. Попадаем в длинный коридор, оттуда — на площадку. По лестничным пролётам без перил поднимаемся на третий этаж.

Коська, раскинув руки, задорно крикнул:

— Э-ге-геей!!!

По хмурым, тихим закуткам стройки пошло разгуливать озорное эхо. Ребята весело гомонили, я мало-помалу осваивался. Наконец Коська, многозначительно

поглядывая на нас, достаёт из штанов пузатую консервную банку. На грязной этикетке угадывалась надпись: «Килька в томате». Аккуратно кладёт банку на пол и командует:

— Ищите камень побольше!

Расходимся в разные стороны. Я нахожу булыган первым и, кажись, тащу его. Так... хочется... угодить... товарищам!..

— Ништяк... — одобряет Коська. — Сейчас рванём!

Мы склонились, палимся на банку, ждём, что будет. Коська поднимает каменюгу и — на раздутую мину...

— Ба-ааах!!!

Резкий хлопок-взрыв на мгновение оглушил. Смотрю на ребят: по лицам, по одежде стекает килька многолетней выдержки. Пацаны гогочут. Я робко подхохатываю. Запах... даже с ног не сбил, всего лишь чуть повело, сделалось витиевато... (Не-еет, каждый день я так дружить не смогу-уу.)

И тут скрипучий окрик:

— Вот я... вааааа!!!

Над ухом испуганно рявкнули:

— Шухер!..

В штанах стало тепло и сыро: «Адреналин! — мелькнуло в голове. — Рассказывал отец». Дружки кинулись наутёк. Портфель где?.. Я заметался, поскольззз... Шмякнулся!

Сторож!!! Красная ручища... к портфелю моему...

Дурак какой-то... Мамочка!

Вся моя никудышная жизнь промелькнула в голове...

...Очнулся на куче песка с портфелем в руке. (Зачем я здесь?..) Коська насильно разжимает мне пальцы, восхищённо произносит:

— Ну, ты сиганул! Я бы так не смог.

Ребята подняли меня под руки, повели. (Мне было всё равно куда...) Я силится благодарно улыбаться в ответ.

В этот вечер засыпалось сладко. Счастье тихо убаюкивало: меня... приняли... в друзья! В друзья. (А всего-то нужно было — вымазаться вместе с ними.)

Рубашку и брюки мать долго отмачивала, затем шоркала на стиральной оцинкованной доске, несколько раз меняла воду. Полностью аромат «посвящения» покинул меня лишь после бани на Виданке, куда мы раз в неделю ходили всей семьёй.

Мыться я не любил: невыносимый жар в парилке, обжигающие доски с раскалёнными шляпками гвоздей, щипучее мыло, жёсткая мочалка! Отец натрёт

меня, не обращая внимания на хныканье, излущует венником да вдобавок окатит с головой чуть ли не кипятком. Не знаешь, как одеться: нижнее бельё противно липнет к влажному телу. Одна радость — буфет с круглыми высокими столиками. Себе батя покупал «Жигулёвское», а нам обязательно лимонад «Крем-сода» или «Крюшон» и коржик. Рядом стоит притихшая сестрёнка: личико пунцовое, волосы причудливо закручены в полотенце, блестящие росинки на носу. Блаженствуя, пьём с ней прохладный газированный напиток. Удовольствие растягиваем, следим друг за другом: у кого больше осталось.

В баню, под горку, шли быстро. Из бани — неспешно, распаренные, в истоме...

Раз в месяц, перед помывкой, мать водила меня в парикмахерскую. Советским пацанам никаких причёсок, кроме «чёлки», не полагалось. Всех стригли одинаково. У кого волосы редкие, ещё ничего: чёлка лежала нормально. А мои-то локоны пушистые, густые. И вот вся голова лысая, а на лбу уродливый пучок тёмных волос топорщится. Ходишь, как балбес. За лето, конечно, обрастали, но к школе приходилось лохмы корнать.

Банный день — в воскресенье, единственный выходной для школьников. А тут на неделе, ни с того ни с сего, Коська вызывает на улицу:

— Айда в баню!

— Это в среду-то?! Нипочём не пойду...

— Да я не за то... Не мыться.

Оказывается, пацаны из соседнего двора разнохали в бане закуток, откуда можно подглядывать за женской половиной. Эка невидаль! Обнажённых девчонок, если не считать сеструхи, я сколько угодно видел в садике. У нас была общая горшочная. Нянечка заводила всю группу в холодную комнату, доставала со стеллажа горшки один за другим. Горшки белые, эмалированные и тоже холоднющие... двух типоразмеров: мужиков усаживала на те, что побольше, девок — на маленькие. Пол кафельный. Сидеть неподвижно — наказание. Ногами отпихиваешься изо всех сил и, сидя верхом на горшке, елозишь с лязганьем — всяко интереснее, чем глазеть по сторонам.

— Пойдём, здоровски будет!

При этих словах у меня под ложечкой тревожно засосало...

Восемь лет — возраст бесполой. Мне нисколечки не хотелось идти. Разве что для расширения кругозора... Мать недоумённо пожала плечами, собрала полотенце, бельишко. Дала двенадцать копеек на лимонад.

Выскакиваю — во дворе Коська с бумажным пакетом. Мы вниз, дворами, напрямки. (Ни разу в кино так не спешили.) Покупаем билетки, мигом раздеваемся и ходом — в моечную. Мужское и женское отделение в бане отделялось маленьким техническим тамбуром, дверь туда на ключ не закрывалась, так,

скамейкой припёрта. (Коська сознательно выбрал будний день — народу меньше.) Для вида набираем в тазики воду, ждём, когда два мужика-балагура уйдут хлестаться в парилку. Отодвигаем скамейку и — шмыг внутрь. Тесно. Цинковые тазы сложены друг на друга, тут же швабра, вёдра, половые тряпки. Дверь за собой прикрываем. Темно. И луч света из проковырянной дырочки с рваными краями. Ожидание, что нас вот-вот застукают, становится невыносимым. (Зачем я пошёл на это мокрое дело?)

Коська прилипает глазом к отверстию:

— Во... дают!..

Я стою на холодном кафельном полу, зябко подрагиваю. Кожа становится как у ракетки для настольного тенниса. Причмокивания Коськи озадачивают, заводят.

— Дай позырить!

— Подожди!

Нетерпеливо топчусь: «Он так всё самое интересное один увидит!»

Толкаю в бок:

— Пусти...

Изумлённо цокая, Коська нехотя отрывается от глазка. Я припадаю к «секе», но навести резкость не успеваю. Дверь сзади шумно распахивается! Сделалось светло и страшно...

Чья-то мокрая крепкая рука больно хватает меня за ухо. Ну, так и знал!..

Истошный вопль работницы банно-прачечного хозяйства пустым опрокинутым ведром грохотал под высоченными сводами бани:

— Октябрыта-ко-бе-ля-та!!! Ишь, повадились! Вот я вам сейчас гляделки устр-ооо-ою...

Коська, перепрыгивая через скамейки, дриснул к выходу...

Рассудок мой смешался... Бабка в грязно-белом халате несла меня за ухо... Я надеялся: сейчас мужики одёрнут распоясавшуюся старуху... отобьют меня. Но они лишь осуждающе смотрели на неё.

Неожиданно у самой двери баушка опустила меня на пол, доверительно приобняла за плечи. «Извиняться начнёт...», — едва успеваю подумать я и получаю... энергичный пинок в попу. Синяя дверь — в гла-за!.. Бамм!!! Лбом распахиваю... Стара-ая!.. Карга-аа!..

Коська ждёт одетый. Хватаю пожитки, вдогон — за ним.

Одевался уже в буфете. Странно: лимонада совсем не хотелось...

...На полпути к дому пытаюсь вспомнить: где я? иду куда? откуда?.. Голова гудит. Рядом какой-то мальчик... Взахлёб рассказывает об увиденном.

Ах, да-ааа!.. Картинки кажутся мне бесцветными... скучными. Ухо и шишка на лбу горят огнём, в голове противно звенит голос старой швабры. Фамильярность её меня просто шокировала!

Наш первый сексуальный опыт Коська назвал удачным, однако повторять его мне почему-то не хотелось. Я твёрдо решил ограничиться полученным багажом знаний на всю жизнь...

С Коськой никогда никому не было скучно. Он на выдумку горазд.

Как-то играли в «кислый круг». Девчонкам приспичило в сортир. Коська дождался, когда они рассядутся по дырочкам, открыл крышку, где выгребная яма, и огромный булыжник туда — бултых! Брызги, визги!!!

Заигрывал так с девочками...

Мои приятели были дворовыми детьми, по домам не сидели. Постепенно двор и для меня становился главным «местом жительства», забавой, воспитателем, близким другом. Я чувствовал, что с каждым днём сила его, дух переходят в меня...

Только когда появился телевизор, мы временно сменили образ жизни на оседлый.

Отец купил телик первым. «Рекорд» — бандура большая, экранчик маленький. И вот вечерина наступает — полдома сидят у нас в гостях, не протиснуться. Передачи транслировали с двух часов дня. Мы с благоговением включали волшебный ящик и жадно смотрели всё подряд, программу за программой: диктор говорит — интересно; новости какие — интересно; фильм художественный... будешь баловаться — старшие убьют, не отрываясь от экрана. Телевизор стоял на журнальном столике о трёх ножках. Однажды мы с Коськой кувыркались, задели столик, телевизор упал и... разбился.

Я почему так живо помню? Спасибо папе!.. Он впервые меня не ругал. Молча порол...

Говорящего ящика не стало, и мы вернулись в лоно двора.

Между Тринадцатым и Пятым посёлком — Рыбка. Вдоль железной дороги — склад цветного металла под открытым небом. Территория огромная! Забираемся тайком через дыру в заборе. Кругом высоченные штабеля: двигатели от машин, электромоторы, спрессованные в кубы для переплавки. Поскольку подшипники изготовлены из прочной стали, они в алюминиево-медной массе остаются несмятыми. Поднимаемся на верхотуру, ворочаем брикеты. Найдём, где подшипничек запрессован с краю, скидываем понравившийся блок на землю и выковыриваем. А дальше — на самокаты, заместо колёс. Как сейчас, трогаю их масляную полированную поверхность... Ощущения эти живут на кончиках паль-

цев. У меня вообще обострённая тактильная память. Я могу из тысяч женских туфелек найти ту самую... стоптанную туфлю старухи-банщицы.

Нас и с Рыбки частенько гоняли. Какой-нибудь дядька заметит — и ну ругаться. Мы наутёк: «Сторож! Сторож!» А может, это просто рабочий?..

Самокат — две доски. В одной пропиливается окошко, ось — палочку делаешь, подшипники насаживаешь и — хоп! Самокат готов в шесть секунд. Чем больше диаметр подшипника, тем быстрее катишься. Как раз в ту пору начали перестраивать шоссе Первого Мая. Вместо узкой дороги, вымощенной булыжником из малинового кварцита, — Первомайский проспект с двумя широченными асфальтированными полосами движения. Ещё проезд для машин закрыт, а мы на самокатах по свежееуложенному асфальту гоняем вовсю. Такой простор!.. Подшипники при движении жужжат. Коська, Саня, Витёк, Гера... Кавалькадой как шуранём — гул стоит!

На самокатах ездили к железнодорожному тупику смотреть, как выгружают легковые автомобили «Москвич-407». Диковинка! В отличие от «броневичка» у новых — форма современная. Тринадцатый — район автомобилистов. Наши отцы технику почитали, в ней разбирались и тоже приходили оценить новую модель: «Да, хороша, но передок слабоват». Мы повторяем следом за старшими: «Слабоват!..»

Я мастерил вместе с ребятами самокаты, а ночью, закрыв глаза, видел унощящегося в небо воздушного змея. Детская несбытнная мечта не давала покоя.

Однажды я рассказал о ней Коське, а уже на следующий день он притащил из дому журнал «Юный техник». На обложке счастливый мальчишка запускал в небо бумажного змея. В журнале было всё подробно расписано и начерчено.

Я с завистью разглядывал иллюстрации:

- Здорово!
- Мы сделаем не хуже! Айда!
- Ты что, сумеешь?..

Никогда не видел, как строят воздушного змея, и не представлял: «Ну как он полетит?»

Следуя инструкции, от сухой сосновой доски без сучков мы отщипнули тоненькие реечки. (Чем легче деревянные детали, тем проще запускать.) Пропитали их олифой. Склеили столярным клеем каркас: реечки из угла в угол, крест-накрест, и по периметру. (Точно выдержишь угол, будет что надо парить, неудачно — может вовсе не взлететь.) Из центра протянули длинную-предлинную нитку. Саня принёс лист кальки: бумага тонкая, плотная, хрустящая. (Это вам не страничка «Ленинской правды», как у двоюродного брата.) Четыре дня мы всей «шарашкой» колдовали в сарае над птицей счастья. Рисовали акварельными красками узоры на крыле, сушили под грузом. Для хвоста Коська стащил у сес-

тры шиньон. Его распустили, распушили, покрасили в синий цвет. Хвост служит не только для красоты. Это балансир: чем он длиннее, тем лучше. (Так в журнале было написано.)

Смастерили. Два дня ждали подходящей погоды...

Вечерами я подолгу ворочался, не мог заснуть. А утром первым бежал в сарай к своей птице. Наконец ветер задул уверенными сильными порывами. Мы бережно понесли воздушного змея на пустырь. Солнце, нагревая землю, вызывало испарения, и это было нам на руку. Сильный упругий ветер, наталкиваясь на взгорье, превращался в восходящий поток. С пригорка и решили запускать.

...До моего сознания не сразу доходит, что именно мне Коська великодушно предлагает:

— Вовка, запускай ты.

— Я?..

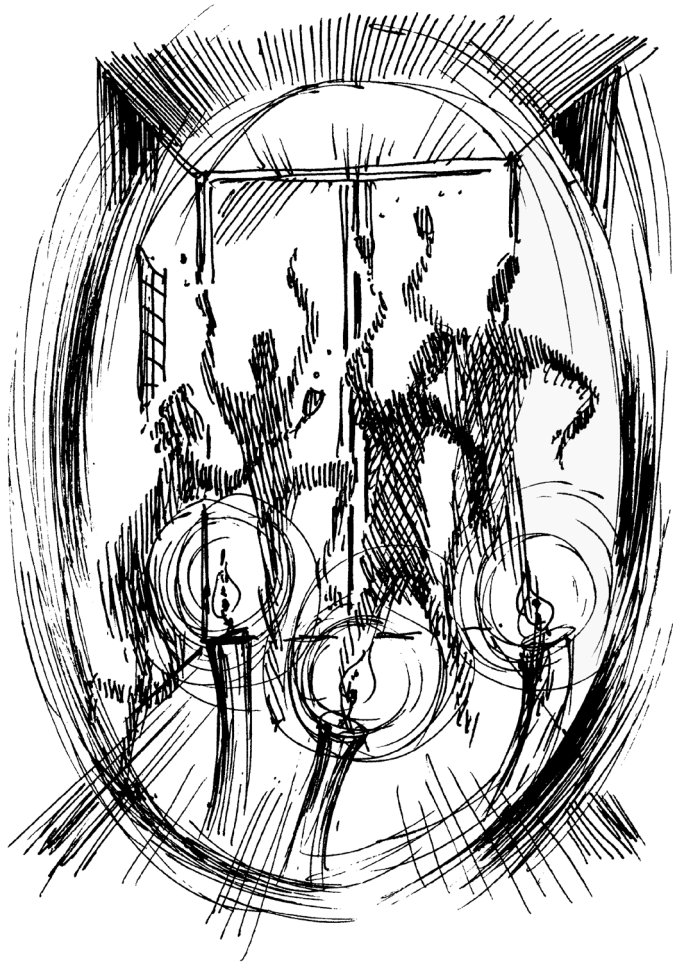
Он объяснил, как правильно держать катушку, сам кончиками пальцев взял змея. Дождавшись порыва ветра, мы побежали. Ветер пел у меня в ушах. Нитка натянулась, стала упругой. Коська, чувствуя, что змея подхватило вихрем, отпустил его.

Бумажная жар-птица решительно взмыла в голубое небо. Я отматываю катушку... выпускаю нитку... она поднимается всё выше, выше, выше.

Парит легко и свободно.

В третьем классе Коська с родителями переехал в другой город. Мы больше никогда не виделись, но я его запомнил навсегда и благодарен за то, что он помог моей заветной мечте расправить крылья и подняться высоко-высоко.

В самое небо.

Три аккорда

У каждого времени свои приметы, своя особинка.

Памятным знаком родительской юности служила гармонь. Без гармониста село не считалось селом... Под гармошку встречали и провожали, грустили и бесшабашно веселились. Гармонист широко растягивал меха народного инструмента — в ответ распахивалась русская душа.

А главная примета семидесятых — гитара. Что ты!..

Летние прозрачные вечера... Незатейливая оправа из деревянных построек, образующих двор, а изнутри — самородком чистой воды — лирический перебор или отрывистые аккорды шестиструнной гитары. Зачастую в них вплетается ломкий мальчишеский голос. Прохожие замедляют шаг, слушают.

Эти ритмичные звуки, точно папилярные узоры, придавали каждому двору неповторимый, свойственный исключительно ему колорит.

***

До повального увлечения музыкой мы занимались всем понемногу, в охотку. Зимой — лыжами на Стрелке, за Пятым посёлком. До Стрелки километров пять будет, не меньше. Вон куда таскались! У каждого наготове обрезанные укороченные лыжки: резина натянута к пятке, к носику, чтобы лыжа с ногой составляли одно целое. И на них... с верхотуры... Такая скорость! Старше стали, на коньки перешли. Хоккейные — страшный дефицит! Зима, мороз, а я каждый день мотался в «Спорттовары». Продавщицы узнавали в лицо. Как-то приезжаю — есть! Верх кожаный, скрипучий. Никелированный, блестящий конёк играет на свету. Красота! Коньки тотчас надел и — во двор. На улице темень. Между домами ледяная дорожка вниз. По ней до такой степени накался, так натрудил голеностоп — на льду стоять не мог, ноги разъезжались. Домой брёл по сугробам, до двери — на коленках полз...

Летом, сутки напролёт, резались в домино, в настольный теннис. Стол из ДСП под дождём набухал, расслаивался. Ракетки — советские, твёрдые, с пупырышками. Вьетнамские, мягкие, гладкие — по благу. Большим спортом мы не увлекались, к разрядам не стремились. Рядом ни футбольного поля, ни хоккейной площадки. Из нашего двора целенаправленно тренировался только Андрюха Осипов. Оборудовал себе в сарайке тренажёрный зал: две гири по два пуда. Метал их, как хотел. Та-ку-ю рельефную мускулатуру накачал... Мы его силы даже побаивались. Желание быть первым, во что бы то ни стало, не способствует дружбе.

А страсть к музыке нас объединяла...

В СССР в то время не было ярких групп. Везде распевали: «Мой адрес не дом и не улица» или «Не расстанусь с комсомолом, буду вечно молодым». Сплошная идеология! Мы пионерский-то галстук носить стеснялись. Доставали его, скомканый, из кармана перед самой школой, чтобы с порога не завернули.

Владимир Высоцкий — исключение из советской «плеяды» музыкантов:

Он не вышел ни званьем, ни ростом.
Не за славу, не за плату —
На свой, необычный манер
Он по жизни шагал над помостом —
По канату, по канату,
Натянutoму, как нерв.

Как не боялся такое петь?!

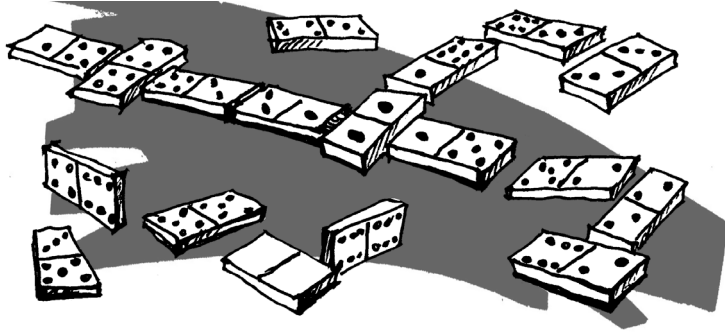
Высоцкий был нашим кумиром! Своими песнями он вселял веру, что можно пройти «четыре четверти пути» достойно.

Любимая музыка пришла к нам с магнитофонных бобин. Катушечный аппарат «Ригонда», размером с прикроватную тумбочку, отец притащил мне одному из первых. Ночами мы с Герой и Саней записывали на него с коротковолнового приёмника обрывки западной музыки.

Поймаем волну и сразу:

— Тихо, тихо! Пишем...

Минуту, две прорывается мелодия, затем её глушат. Накатывает шипение, треск, бульканье. Всё это через выносной микрофон записывается на ленту. А нам нипочём, лишь бы ритм угадывался. Магнитофонные плёнки «шестой тип» часто рвались. Тут же под рукой баночка с уксусом — раз макнул, хоп — склеил. Склеиваешь и восхищаешься: «Как удобно!»

Совсем салагами мы считали: если поют на иностранном — значит, непременно «Биттлз». Что к чему, просветил нас Роберт — единственный во дворе выпускник музыкальной школы.

Отличался он не только музыкальным образованием...

Прикид Роберт имел на зависть. Вечно модничал: брюки-небрюки; джемпер супер-пупер, светлый пиджак там в клеточку; ботинки на каблук; на шее шёлковая косынка или жабо с брошью. Раз приходит на танцы — у него кулон из карельской берёзы с надписью «The Beatles». Не самоделишный, настоящий! На кулоне сантиметров в десять — чёрная надпись и чёрные силуэты знаменитой рок-группы. Грифы гитар смотрят в разные стороны. (Пол Маккартни ведь отбивал ритм левой рукой.) «Битлз» — из другого мира, недоступное что-то... Нам приходилось довольствоваться суррогатом: кабацкие лабухи в местных ресторанах «Одуван» и «Берёзка» пели «Yesterday». Конферансье заученно объявлял: «Песня “Вчера”», — и благодарная публика переставала жевать, обращаясь в слух.

Семья Вашкевичей — необычная. Мать Роберта преподавала в школе английский. Имя у неё такое редкое: Римма. Сочетание имени-отчества «Римма Владимировна» звучало торжественно! Я с удовольствием произносил его вслух! В кримпленовом платье салатного цвета, элегантная, словно из журнала мод, она высоко несла свою божественную белокурую голову. (Я втайне любовался ею.) Во дворе её уважали чрезвычайно. Чтобы не поздороваться, прошмыгнуть мимо — исключено. Могли сделать вид, что кого-то не заметили, но только не Римму Владимировну. К ним в квартиру зайдёшь: полки с книгами, заморские сувениры, дорогие мебель, посуда. Мы любили встречать Новый год у Вашкевичей. Римма Владимировна наготовит всякой вкуснятины, накроет стол и уйдёт. Бутылочку достанем и давай отмечать...

Роберт умел красиво, долго говорить. Фразы моментально придумывались в его голове и вылетали, как из пулемёта. Раз стали придуряться, Роберт незаметно улизнул в другую комнату — выходит артистом: ши-кар-ней-ший костюм, блестящие атласные лацканы, из нагрудного кармана торчит уголок белоснежного платочка — смокинг отцовский напялил. Мы не знали, кто у него отец, но сразу подумали: где-то выступает, раз такой костюм. Глаза вылупили: ничего себе! Не смолкая, шпрехает по-английски. Настоящий артист перед нами! Мы аплодируем. А Роберт никак не угомонится... Приглашает в спальню, распахивает дверки гардероба настежь. А-бал-деть!.. Четыре костюма! У наших родителей один выходной костюмишко, тут — че-ты-ре. Шесть пар обуви. Всё новенькое!..

А Роберт продолжает показывать свои «фокусы», переходит на шёпот:

— Пацаны, никому ни слова: мой отец в секретной службе работает.

— Брось заливать!..

— Не верите?!

И достаёт из тайника фотоплёнки: на них отсняты не люди, не пейзажи — технические схемы! Приложил палец к губам:

— Ш-шш!.. Секретные материалы.

Мы притихли. (Отец — шпион!) Сделалось не по себе...

Только потом я узнал, что отец его на судне — радистом. В заграничку ходит. Снимки электрических схем делал по работе. А куда ему столько костюмов? Ума не приложу. Роберт к капитанам относился с симпатией. Если в хоккее мы всем двором болели за Советский Союз, он обязательно — за Канаду. Опять предупреждал: «Вы токо никому...»

Вот у Роберта водились настоящие пластинки зарубежных групп — «синглы». Маленькие в диаметре, по одной песне на стороне и «Apple» — фирменный лейбл невероятной ливерпульской четвёрки. Впервые мы услышали качественную запись, да ещё на прибалтийском проигрывателе «Эстония» — лучше аппаратуры тогда не существовало! Большие пласты-двойники болгарского производства появились позднее. (У фарцы из-под полы они шли по шестьдесят, по восемьдесят рублей — месячная зарплата моей матери.) Хиты мы переписывали на бобины, пускали по рукам.

Однажды зимой возбуждённый Роберт затаскивает нас к себе. До этого все разговоры о музыке крутились вокруг западных рок-н-рольных команд. А тут сообщает:

— Мужики, у нас появился свой «Битлз»!

Включает пластинку «Песняров», на первом треке — «Косил Ясь конюшину».

Это — что-то!..

В музыке мы разбирались слабо, направление определить не могли, но чувствуем: музыка другая, здоровская, созвучная с «Битлз», с «Ролинггами». Мелоч-

дичность песен на белорусском языке захватывала до головокружения... С тех пор, послушав «Запад», мы обязательно — на сладкое — врубали «Песняров». Зачастую именно любовь к музыке гнала на фильмы. А вскоре у нас появился свой «Элтон Джон». «Золото Маккенны» пересмотрели вдоль-поперёк, фильм знали наизусть, но отпраплялись в кинотеатр специально ради песен Ободзинского. Его голос и дома не отпускал: с голубых виниловых пластинок, вырезанных из «Кругозора», бередил наши юные души:

Что-то случилось этой весной...

В музыкальном отношении благодаря Роберту весь двор стал «продвинутым». Я тоже считал, что в теории музыки достаточно преуспел, но теперь мне этого было мало... Прямо как в сказке про золотую рыбку: уж не хотел я быть простым слушателем, хотел сам быть гитаристом! К этому времени из нашей компании ни в «прятки», ни в «старика-разбойники» никто не играл. Собирались вместе с девчонками. Пацаны пели под гитару. Я помалкивал. Знал: голоса нет. А к гитаре тянуло страшно. Брал чужой инструмент в руки, обнимал большой лёгкий корпус и тренькал. К Роберту приставал, канючил: «Научи да научи!» Долго за ним ходил.

Тот вроде согласился:

— В основе игры на шестиструнной гитаре — приём «баррэ», — прижимаем указательным пальцем левой руки на одном ладу несколько струн, расслабленные мы пальцами проводим по ним. Показываю!

Гитара радостно встрепенулась, ожила! (Ну, думаю, началось...)

А Роберт отложил инструмент в сторону, закатил глаза и стал втирать теорию:

— При помощи «баррэ» легко переходить из одной тональности в другую, извлекать звуки необычной, разнообразной окраски...

Я не решился его отвлекать, незаметно встал и ушёл.

Нет, педагог мне нужен другой...

Был во дворе ещё один гитарист, Колян.

Длинные жирные патлы до плеч. Вылитый Джордж Харрисон! Только без усов. Он тоже, как Джордж, месяцами не стригся и в школе дерзил учителям. А то, что отцы у того и другого водили автобусы, только усиливало сходство биографии Коляна с лидер-гитаристом «Битлз». Поверх замызганной майки Колян носил пиджак с «золотым» значком ГТО на лацкане и, как неукоснительно требовала молодёжная мода семидесятых, хипповал в брюках-клёш. Среднюю

школу Колян до конца пройти не сподобился, про музыкальную и говорить нечего, а вот «университет» за плечами имел авторитетный. (Так в революционных книжках называли места заключения.) Навыки игры на гитаре приобрёл «на химии» — своего рода «интернате» для взрослых, получивших срок. Играл мастерски. На слух моментально подбирал, без всяких там партитур.

Я понимал: набиваться в ученики нужно со своей гитарой. Однажды Саня шепнул: «Выкинули». Я — в универмаг. А там не «шиховские» — по семь рублей, а «ленинградские» — по шестнадцать, и хуже. Делать нечего, пришлось брать. (Невтерпёж!) Дома бренькнул, брень-кнул — нет музыки. Выхожу с покупкой во двор. На скамейке под тополями Колян интеллигентно потягивает бормотушку. Рассеянно посмотрел на меня, на гитару — с интересом:

— Ну-ка, ну-ка...

Он взял пару аккордов, подвернул колки, подёргивая струны. Контрольный перебор. Ещё чуть довернул, и гитара ожила...

— Коль, научи играть!

Колян взбодрился, приосанился, выдерживая паузу:

— А гитарка-то ничего звучит...

— Коль, научи!

Я умоляюще заглядывал ему в глаза.

— Лады, карифан! Научу, ...ля буду! Чуваку с гитарой тёлки охотней дают.

Я, не веря своему счастью, присел рядышком.

— Если тебя устраивает бренчать по-пьяни в окружении заливших хайло, смердящих сцаниной шмар, — за неделю настропалишься. А заточить пальцы под струны — жизни мало... Ты-то чё хочешь?

— Коль, хочу играть, как ты!

— Тады-ой!

Колян запрокинул «огнетушитель» в горло. Остатки «Агдама» с бульканьем перетекли в него, сочась тонкой струйкой по краю губ. И урок начался:

— Гитара, Вован, это такая х...йня, похожая на биксу без ног, — он любовно погладил корпус, — тока дырка в верхней деке не для тово, чтоб ты сувал туда свои гениталии. Пол?!

— !!!

— Начнём с прелюдии. Секи! — он оттянул толстую струну и, помедлив, отпустил. Гитара издала гудок, который постепенно стихал, растворялся, исчезая вдали. — Кода! И слегонца так ручкой помашем. Песня называется «Прощай, пароход».

— Здорово!..

— Тока не факт, Вован, что ты поймёшь мой базар. Я трезвею...

В тот вечер мы занимались допоздна.

Домой я летел не чуя ног! Маэстро снизошёл до меня... Завтра в дворовой студии очередной мастер-класс. Скорей бы «завтра»!

Я отказывал себе в мороженом, на сэкономленные деньги покупал Колянну портвейн «Три семёрки», чтобы, не дай бог, не иссяк его педагогический источник.

— Струны мацай четырьмя пальцами, пятым страхуй гитару, а то й...бнецца на пол! Дави сильно-сильно! Чтoб продавить, нах, гриф насквозь!.. Подкол! Так не стоит. Хотя зажимай струны плотно, иначе звука не будет, один гул. На первом ладу мы зажимаем вторую струну, на втором — третью и четвёртую.

Я пристально следил за пальцами преподавателя, богато расписанными татуировками.

— Папробуй-ка, ...ля, взять этот аккорд. Если струны звучат долго и счастливо — ставлю жбан! А ежели какие-то пукают, тихнут, значит, плохо зажал, либо своей клешней глушишь. — Колян показал ещё два аккорда. — Ну, лана... Играйся пака. Схажу пасцу...

Разбитыми кончиками пальцев я, прилежно высунув язык, ставил аккорды: ля минор, ми мажор, ре минор. Пальцы не слушались, попадали между струн.

Колян далеко не ходил. На манер римского императора Юлия Цезаря он занимался одновременно тремя делами: справлял малую нужду, пыхал «беломориной», прищурил глаз от едкого дыма, и продолжал вести урок:

— Ну что, кампазитор? Смузицирил? Ну и зае...ись! Ца объясняю, что за аккорды ты поимел: в народе они называются «блатными» или «лесенкой» малой, большой и «звёздочкой». Теперь, по мнению насоса-дембеля, ты знаешь о гитаре фсе! С помощью этих трёх аккордов ты ж — ходячий камерный концерт! Теперь смари и делай, как я!

Колян обтёр руки о пиджак, деформировал физиономию под грусть и хрипло затынул:

Синий, синий и-иней
Лёк на провода...

День шёл за днём, неделя за неделей.

Длинные летние вечера, пока мать не загонит домой, я проводил в «Школе музыки Коляна» — своей альма-матер под открытым небом. В конце урока получал домашнее задание и всякий раз прилежно выполнял его. Стараясь быстрее освоить музыкальную науку, я в исступлении рвал струны, отработывая «удары» и «броски». Младший брат Игорь с опаской поглядывал на меня. Когда его однажды спросили, кем хочет стать, он твёрдо заявил:

— Врачом... чтобы Вовку вылечить.

Спать я ложился с гитарой, с ней вставал. Чуть свет, в горячке тянулся к грифу и снова долбил, долбил основные аккорды. Постепенно кожа на кончиках пальцев огрубела, превратилась в мозоли, боль ушла. Корпус гитары уже не елозил по коленям. Женский профиль её устойчиво, словно литой, занимал положенное место. Мы становились с ней одним целым.

Колян — прирождённый учитель. У человека ни наград, ни званий, а материал раскроет живо, обстоятельно, доходчиво. На его вечернем отделении я преуспел: к концу лета уже сносно музицировал, исполняя замысловатые пассажи. И наконец услышал от педагога скупые слова похвалы:

— Ты стал крутым, Вован. Как варёные яйца! Теперь ты можешь подойти к сваему кирному другу-дембелю, который стряхивает пыль со струн, орёт благим матом песню про е...учую учебку под Ногинском, и чиста так, небрежно, через плечо бросить: «Ааа, корешок, гитарка-то у тебя нестроевич! Секи, в натуре, как настраивают гитару реальные пассаны!» Кент зауважает тя шопесец и при встрече будет всегда наливать.

Во дворе стихийно образовался ансамбль. На гитарах Гера, я и Кочкарь. (У Кочкаря гитара нарядная, цыганская.) Ударничек — Саня — на простеньком барабане типа пионерского.

Гере родители привезли инструмент аж из Ленинграда. А ещё он разжился двумя гэдээровскими «переводками»: в блюдечке с тёплой водой их размочил и, аккуратно отслоив овальные изображения бедовых девиц, налепил на корпус. Зависть тонкой едкой струйкой точила меня всякий раз, когда я бросал взгляд на его гитару. Гера — абсолютный музыкальный неслух, он силился копировать мои движения, слепо путался в струнах, пытался наносить на них отличительные пометки масляной краской и ободрялся лишь одной мыслью: «Ничего, мы себя в постели покажем!» Джуди переписывал из журнала «Кругозор» слова песен. Колян, отложив «бомбу», помогал подбирать аккорды. (Когда Гера бездействовал, у нас получалось недурно.) Рядом крутилась малышня, с восхищением поглядывая на наш ансамбль под тополями. Взрослые мужики выходили во двор покурить, подолгу слушали нас...

Гитара была центром всеобщего притяжения.

В школе намечался смотр художественной самодеятельности. Наша классная, Зинаида, предложила:

— Девочки, давайте споём «Гренаду».

Ну, давайте. Няпинин Валера играл на клавишных, мать его в нашей школе учительницей русского. Ему и поручили аккомпанировать. Но не звучит эта песня под пианино. Нет того ритма, той смелости духа...

И тут девчонки:

— Володь, можешь на гитаре подыграть?

Сами умоляюще смотрят на классную.

— Ну, не знаю... Пусть попробует.

Я подобрал: бац-бац — готово! На смотре девчонки нарядные, в укороченной донельзя школьной форме, в белых фартуках, с огромными белыми бантами. Пели всем классом, серьёзные, взволнованные. Я стою: взгляд поверх зала, аккорды ставлю уверенно, жёстко, выдаю ритм. У стихов прямо крылья выросли. Мурашки по спине...

Я хату покинул,
Пошёл воевать,
Чтоб землю в Гренаде
Крестьянам отдать.
Прощайте, родные!
Прощайте, семья!
«Гренада, Гренада,
Гренада моя!»

В смотре патриотической песни наш восьмой «Б» занял первое место. Директор долго аплодировала. Зинаида довольно улыбалась.

Директрисе даже захотелось организовать свой ВИА — школьный вокально-инструментальный ансамбль. У шефов выбили деньги. Купили ударную установку, усилитель «Умку», две электрические гитары. Вечером мы перетаскали всё это богатство в захламлённую кандейку за сценой.

Уходя, я нерешительно остановился на пороге, обернулся...

Лёгкая дымка пыли ореолом окружала гитары... В тусклом свете чёрные полированные корпуса их, никелированные накладки безмятежно отражали блики. Звукосниматели, ручки громкости и тембра на корпусе завораживали, ударная установка просто сводила с ума. Я не удержался, взял в руки ритм-гитару, нежно прижал к сердцу. Предстоящие репетиции, восторженные глаза девчонок сияющими миражами вскружили голову. Молчаливые струны ждали моих рук.

Обращаясь к гитаре, будто к живой, я, успокаивая, прошептал:

— Подожди до завтра...

Ночь прошла. Наутро с Саней идём в школу. В вестибюле необычно тихо, настороженно. Все молчат. Классная с порога мне: «К директору!» (Не могу врубиться?!) Захожу в кабинет, и там как обухом по голове:

— Ну что, дружок? Сам скажешь, куда гитары дел, или милицию вызывать?

— Какие гитары?..

— Ты дурачка-то из себя не строй...

Меня больше ни о чём не спрашивали. Классная куда-то долго звонила. Я сидел в приёмной, мимо взад-перёд ходили с бумажками. Приехал сержант, вывел меня на улицу и усадил в «воронок» за решётку, где возят преступников. Машина тронулась. Через металлические прутья я видел: вся школа наблюдала из окон.

Доставили в горотдел на Кирова.

Следователь мне:

— Говори по-хорошему, где гитары?

Оказывается, ночью кто-то залез через фрамугу в комнатку, где хранились инструменты, и сбондил их.

— Я не брал. Сам в школьном ансамбле собирался играть.

— Ну-ну...

Следователь выдернул из-под меня стул, поставил на ноги посреди кабинета и началось... По лицу не били. Следак ударял в живот, сержант сзади метил по почкам, по ушам... Метелили и приговаривали:

— Только пикни, убьём...

Я размазывал по щекам слёзы, сдержанно мычал, старался руками закрыть-ся от ударов. Не удавалось. Они работали слаженно...

...В протоколе написали: «Гитары украл я. Утопил в глубоком озере. Готов возместить материальный ущерб полностью. Прошу уголовного дела не заводить».

Я подписал всё...

На другой день чуть опоздал на урок. Зинаида прошипела:

— Ш-што, уголовник, сознался?!

Все: «Ха-ха-ха!»

Я молча прошёл на место, сел. Понимал: уже никогда не отмыться от этого позора, и училка тут ни при чём. (Разве стороннему человеку объяснишь, почему такую лажу сам подписал?) У родителей целый год высчитывали часть зарплаты. Мы не голодали, но первый батон белого хлеба мать смогла купить лишь следующим летом. Да что хлеб! Горечь свила в моей душе чёрное гнездо... Мне так и не удалось поиграть на настоящих электрогитарах на школьных вечерах. Теперь уж ничего не изменишь.

После восьмого класса я решил поступать в музыкальное училище. Дни считал до окончания учебного года. Подал документы в приёмную комиссию, но вступительные провалил. И стало мне тогда до лампочки, куда идти.

Надвигался сентябрь.

Мать ругается:

— Не поступил — иди в девятый!

— Не пойду...

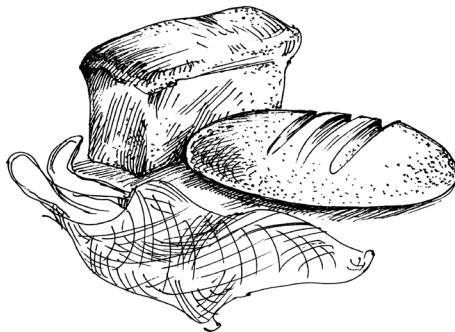
— Иди хоть куда-нибудь.

Мы с ней отправились в четырнадцатую хабзайку. Директор спрашивает: «На кого хочешь учиться?» (А мне всё равно. Думаю: год перекантуюсь, снова буду в музыкальное экзамены сдавать.)

Отвечаю нехотя:

— Запишите на электромонтажника.

В конце концов не я первый. Тот же Джордж Харрисон после школы поступил на электрика... Приняли меня. Втянулся. Увлёкся радиотехникой, электроникой. Друзья появились, так и закончил ПТУ.

...Сижу как-то во дворе, с гитарой по душам разговариваю. Подходят два сопливых хлюста, лет по десять:

— Вов, научи на гитаре бацать...

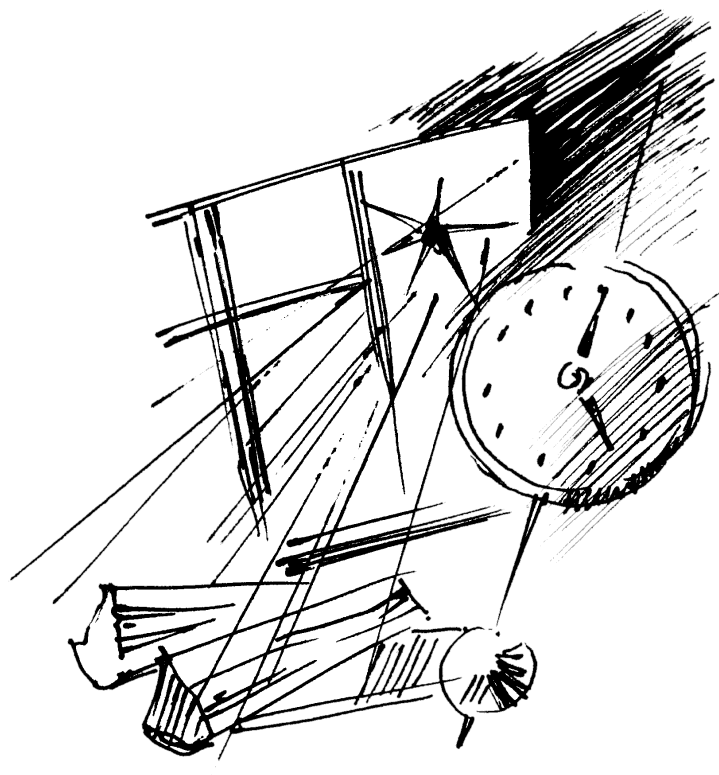
Усаживаются передо мной на землю, обхватывают руками колени и смотрят во все глаза, не моргая.

Я?! Почему бы нет?.. Приосанился, собрался с духом, вспоминая педагогические находки Коляна... И приступил к учёбе.

Вначале было слово:

— Короче...

Через два месяца мой «класс» вырос ещё на одного вольнослушателя...

Проводы

Завтра мои проводы в армию, а сегодня мы с Женей договорились встретиться у ЗАГСа в одиннадцать. Это была моя идея: подать заявление до призыва, чтобы потом, через три месяца, приехать на собственную свадьбу.

До встречи оставался целый час. Чего припёрся так рано?.. Какое-то неприятное беспокойство выпихнуло из дома. Вчера стали прикидывать, какие документы нести. Нужен только паспорт. И тут она огорошила: у тётки оставила! Хотел утром ехать вместе... Дурак, не поехал! Сейчас бы не томился, высматривая среди прохожих. Зачем порю горячку с заявлением? Себе нет смысла врать... Хочется «забить» эту девчонку, застраховаться на все «сто». Уходить в армию на два года без уверенности, что Женька дожждётся, я не мог.

Давно бы уж могла обернуться... Чего так долго?

Я припоминал детали нашего свадебного уговора, беспорядочно вытаскивал из памяти её взгляды, жесты, недомолвки, отговорки... Почему о паспорте сказала только вчера? Ведь неделю, как условились. Главное, спросила: «А нужно ли так спешить?» Месяц назад собирались — тоже что-то придумала. Да она... просто не любит меня! (Может, только и ждёт, чтоб ушёл?) Я вдруг почувствовал себя обманутым, выставленным на потеху всему двору... Самолюбие, подначивая, нашёптывало: «Ну и пусть, ну и подумаешь!»

Без трёх минут. Жду ровно до одиннадцати. Не придёт — не надо!

Прошло две минуты, ещё одна. Минутная стрелка нехотя накрыла цифру «двенадцать», переползла её. Я побрёл к троллейбусной остановке стопорясь, непрерывно оглядываясь. Тяжёлые ноги, словно их переставлял кто-то другой, насильно уводили меня от желанной судьбы всё дальше и дальше...

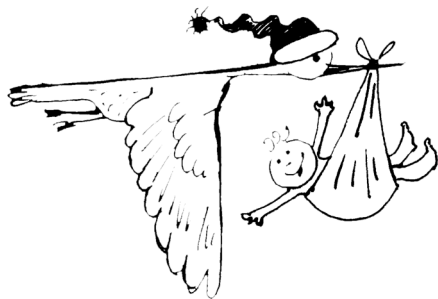
Если бы только она появилась сейчас...

Но Жени не было.

Всё!

Никакой свадьбы не будет. Пусть ищет себе другого дурачка!..

Девоч у нас — полон двор. Но ни один парень не ходил со своими девчонками. Всем чужих подавай! Мне — не требовалось никаких. До самого восьмого класса.

Гера поставил диагноз: «Задержка в развитии...»

Но потом разом всё перевернулось, будто съел чего...

У дяди Миши, брата отца, были фотокарты. Вместо тузов, королей, шестёрок — голые тётки. Раньше колода лежала себе спокойненько в столе, никому дела не было. А тут глянцевые чёрно-белые картонки точно мёдом мазнули. Манит взглянуть, хоть ты что. Мы с Саней, когда дядька на работе, придём, вытащим запретные фотки и да-авай смаковать. Карты эти для нас — окно в мир. Что ты!.. До того доглядим — дышать нечем. Голова кругом идёт, штаны трещат по швам. Дядюшка скоро догадался, хмуро сдвинул мохнатые брови и строго-настрого предупредил: «Ещё раз залезешь в мой стол...» Хотя мы укладывали карты аккуратненько. Может, он в определённом порядке их хранил?

А вот Гера на картинки не разменивался.

Причиной всему — имя. Известно: как человека назовёшь, таким он и будет. Богиня Гера в древнегреческой мифологии — покровительница брака и деторождения. Наш Гера не в силах был изменить судьбу, безответственно предначертанную ему древними греками. Всегда заряженный на позитив, он девочек любил не на шутку. Для него познакомиться — запросто. И сразу — кранты! Влюбился. Что ты!.. В понедельник влюблён, во вторник влюблён! В среду уже меньше. К концу недели любовь испарялась, и в субботний вечер после танцев Гера шоркал очередную зазнобу.

В воскресенье к полудню парни лениво подтягивались к скамейке под тополями, закуривали, перетирали вчерашнее... У Витяни никак не вытанцовывалось закадрить девчонку. Внешне нормальный, симпатичный парень. Секрет обольщения он стремился выведать у Геры, приставал: «Как? С кем? Чего?» А тот и рад стараться: по поводу лялек из него плескало через край. Любимая тема: как новенькую клеил, оприходовал.

Он не успеет всё обсказать, Витяня — наводящий вопрос:

— Ту высокую блондинку?

— ?.. В сиреновом трико!

Гера забывал имя, рост избранницы, габариты. Цвет волос и глаз начис-

то вылетали из головы... Память избирательно, бережно хранила только детали нижнего женского белья. Причём бабником его не назовёшь: пока с одной ходит, на других даже не смотрит. Скорее однолюб! Перед армией один раз он чуть не женился. Нежно взявшись за руки, молодые пошли подавать заявление в ЗАГС. Ну, думаем, пропал наш Гера... Возвращается оттуда один. С хохотом заваливается во двор, рассказывает:

— Сблизились в первый вечер, месяц ходили, а фамилию наречённой спросить не успел. Анкету стала заполнять, выводит: «Пу-пы-рыш-ки-на». Пупырышкина! Это что же? Я, Гера, наделаю маленьких «пупырышат»?

Помолвка разладилась.

К восьмому классу я сделался придирчив в одежде. Пошил в ателье пиджак на заказ; заузил в талии белую нейлоновую рубашку с длинным, разметавшимся по плечам острым воротником. Зинаида на весь класс высмеивала: «Как денди лондонский одет». (Хоть сквозь землю провались!) Зато в дворовой компании я хипповал свободно. В моду вошли плащи из болоньи. Жарища, дождя в помине нет, а ты в душном синем балахоне, ширк-ширк, ширк-ширк, нарезаешь. Рядом в таких же плащах с закатанными рукавами изнывают наши мужики. Яркие афиши по всему микрорайону зазывали на «Вечер танцев»: летом — в городской Парк культуры и отдыха, с сентября — в ДСК на Тринадцатом. На танцы отправлялись всей оравой. Сначала я полагал, что меня тянет музыку послушать да потрястись за компанию. Потом чувствую: нет! Безразличие к женскому полу сменилось неподдельным интересом.

Не ко всем напропалую, как у Геры... К одной девчонке.

Женька из соседнего двора вскружила мне голову посильнее дядькиных карт.

Я только подумаю о ней — по всей груди, по ногам идёт беспокойная горячая волна. Хотя целовался с ней всего один раз, когда в прятки играли... Случайно. А уж забыть про это не мог. Вечерами я проникал в Рыбинский двор и украдкой любовался, как она, украшенная ожерельем из деревянных прищепок, помогала бабушке развешивать бельё.

Эта Женька затмила собой весь свет...

Я забывал есть, беспокойно спал, не мог думать ни о чём другом. И поговорить об этом не решался ни с кем. Всё носил в себе.

На танцах стал Геру донимать:

— Научи приглашать на медленный...

— Подходишь к чувихе, спрашиваешь: «Можно Вас?» А сам не говоришь, что имеешь в виду. Если она согласная — тут у тебя руки и развязаны...

Заиграли тихий. В центре зала толпа стала рассасываться. Одна за дру-

Дрожь крупным градом била по моей спине, шла по всему телу и затихала на кончиках пальцев...

Танцы закончились — провожал.

Завести роман с девчонкой и сохранить отношения в тайне было невозможно. Не знаю, у кого как, у нас во дворе на то имелась Зойка Носова — наш дворовый трибунал. Дочка её — ровесница мне, а Зойка — ну бабка и бабка старая. Такое на себя всё напялит забытое, древнее. Вечно в штапельном тёмном платье, коричневом плюшевом жакете, суконных ботах с брякающей пряжкой, неопрятном платке. Робкие попытки жильцов утаить от неё свои интимные подробности она воспринимала как личное оскорбление. Гере «повезло» больше других: он был её соседом по площадке...

Зойка — «хочу Всё! знать».

Сутками на стрёме. Что случись: информация кому какая нужна, сомнения ли рассеять, любопытство удовлетворить — напрямую обращались к Носовой. Постоянный наблюдательный пункт её — у кухонного окна с геранью. Однако, если оперативная обстановка требовала, Зойка рикошетом перемещалась к вход-

гой возникали парочки. Женю с подружками я высмотрел в самом начале вечера. Идти, не идти? Вздыхнул поглубже, пошёл краем. Женя в белой водолазке, короткой облегающей юбке... Стоит у стенки, руки за спину. Подошёл, хрипло произнёс:

— Можно?..

Даже при тусклом свете заметил, как зарделись её щёки.

Преодолев секундное замешательство, шагнула навстречу, протянула горячую маленькую руку. Тут вся моя решимость куда-то делась... Боясь обернуться, повёл свою избранницу на середину зала. Не дыша, вытянутыми вперёд руками приобнял. Приобнял, как что-то легкоранимое, бесценное. Женя, смущаясь, положила мне руки на плечи и тоже не дышала. На пионерском расстоянии друг от друга, стараясь не встречаться глазами, мы стали тихонько, не в такт музыке, перетаптываться на одном месте.

ной двери. Незамеченным не проскочишь: обязательно из четвёртой квартиры высунется Зойкина голова с гуттаперчевым длинным носом — принохивается, вглядывается в сумеречный холод площадки. Для виду кличет: «Мурка-Мурка-Мурка!» (Легенда такая — кошку зовёт.) Частенько кошка выскакивала у неё между ног в коридор. Гера в долгу не оставался: громко хлопал дверью в подъезд и, едва Зойка открывала хлеборезку, слюняво заходиллся вместо неё: «Мурка-Мурка-Мурка!»

При наличии такой бздительной соседки никто девчонок домой не водил. Да куда приведёшь? Квартиры — размером с шифоньер: передом войти, задом выйти. Нас, к примеру, на шестнадцать квадратных метрах жило пятеро: мать с отцом, брат, сестра и я.

Выручал двухэтажный сарай...

Зимой там холодрыга. Что делать? Гера брал паяльную лампу, кочегарил её докрасна, нагонял тепло, пока девица томилась в ожидании, и только после этого — любовь.

Как не спалили сарай? Не знаю...

До армии я спал дома на раскладушке, а весной, чуть только теплом обдаст, перебирался туда. Сарай цивильный: застеклённые окошки, диванчик с откидными круглыми спинками. Всё как полагается. Летними ночами шлындаю — днём отсыпаюсь. Ништяк! Нижний Тринадцатый — частные дома. В садах натырим яблочек. В июле их, конечно, есть невозможно — не разгрызёшь, кислятина! Зато сам процесс добычи — приключение: одни на шухере стоят, другие лезут. Или подсолнухов нарвём. Торчат на виду, привлекают внимание. Надо сорвать, а то как же? Пощиплешь, пощиплешь мягкие зёрнышки, помусолишь, выплунешь, успокоишься на время. С вечера я приносил в кладовку батон белого хлеба и литровую банку с водой. Мать варила брусничное варенье и много яблочного повидла — отец из рейса привозил яблоки мешками. Хранились припасы в сарайке. За ночь аппетит нагуляю, вернусь под утро, разрежу батон по всей длине на два лаптя, сверху повидло грядой. Рубану — и спать...

Лишь по субботам мне было не до сна.

У шаловливого Геры на втором этаже апартаменты, через три кладовки от моей. Там в субботу «приём по личным вопросам»: сначала лёгкой волной накачивает таинственный стук каблучков, затем из-за тонких дощатых перегородок дотягиваются до меня смачные поцелуи, стоны, смешки. Жужжанием пчёлки растёгивается молния...

— Гер, я тебе нравлюсь?..

— Глаза боятся, руки делают.

Неприличный скрип панцирной кровати... Забываю дышать. Не успеваю слюнки слглатывать. Воображение смелой кистью малюет «летки-енки». Панорама одна масштабнее другой. Бородинской далеко... Что ты!.. Спустя несколько часов опять стук каблучков: совсем близко, кажется, прямо по моему сердцу. Отхлынув, удаляется, стихает, стихает, растворяется в белой ночи...

Моя пытка на сегодня закончилась. Сперва становится тихо-тихо, но уснуть не успеваю: Гера всерьёз принимается храпеть. Ворочаюсь один-одинёшенек, мечтаю о своей Женьке...

Грёзы плавно перетекают в сон, сладко смешиваются, предлагая расцеловать несмелые Женькины губы... Зачастую романтично-волшебную картинку сна нарушал грубый транспортный сюжет: на обильно вымазанной солидолом дрезине мчусь с гротом куда-то вдаль, ритмично качая рычаг... От себя — к себе, от себя — к себе.

Просыпаюсь в сараюхе, на куцем диванчике.

Приснится же такое... Почему именно дрезина?! В нашей семье сроду железнодорожников не было.

В углу паучок деловито плетёт солнечную паутинку.

Он — мой единственный гость.

Иногда подружка у Геры оставалась ночевать. Глядеть через щёлку в двери на то, как ранним воскресным утром на расстоянии вытянутой руки тёплые доступные девки проходят мимо, больше не было никаких сил...

С Женей я ни о чём этаким даже не помышлял.

Понимал: она не такая, как все. Между тем танцульки, робкие поцелуи на прощанье распалляли меня... каждый раз пронося ложку мимо рта.

***

Мои проводы в армию. Как необычно!

Наши дворовые мужики давно отслужили и демобилизовались. Один Саня — на Северном флоте. Немножко грустно призываться последним.

Вспомнились проводы Кочкаря. Летом у Круглого магазина на Кутузовском пятаке торговали квасом. Цистерну с нераспроданным пойлом оставляли на месте. Той ночью мы бочку покачали: плещется. Впятером: Гера, Витяня, Саня, Джуди и я — прикатили её прямо в наш двор. Замочек открыли, кран повернули и — только банки подставляй. Портвейн тоже тёк рекой: предварительно мы скинулись по «рваному» с рыла.

Громкие ритмы гитары. Хмельные песни. Звон разбитого стекла. Маты. Угар вымученного веселья.

Я тогда упился первый раз в жизни...

На мои проводы мать назвала соседей, пригласила родственников из деревни, накрыла стол. Из корешков только Витяня, Гера да мой учитель музыки — неподражаемый Колян. Саня служит в Заполярье. А Джуди и Кочкаря с нами уже не будет никогда...

Женьку встретил днём во дворе. Что-то хотела объяснить.

Не требуется!

И так всё ясно. Пожалеет ещё... Повернулся, зашагал прочь.

Надеялся: позовёт, кинется вслед.

Не кинулась.

Не побежала...

Не окликнула.

Я уходил, спиной ощущая неподъёмную тяжесть молчания.

На сердце у меня шёл чёрный дождь. Гостям невпопад кивал, силился улыбаться.

В разгар утомительного терпкого веселья уединился с гитарой на кухне, рассеянно перебирал струны. Вдруг дверь толкнули. Дядя Жора, Витькин отец, подпихивал вперёд незнакому девушку:

— Вовка, знакомься, моя племянница. Пристала: «Познакомь да познакомь».

Девушка кокетливо вспыхнула:

— Скажете тоже, дядь Жор.

На щеках у неё заиграли, заплясали ямочки. Маленькая родинка над верхней губой восторженно приподнялась... замерла.

— Лиза... — певуче произнесла она и протянула мне изящную руку.

В махонькой кухне сделалось просторней, светлей. Свежим порывом ветра она настежь распахнула окна в мой унылый затхлый мирок.

Я не мог оторваться от её притягательных карих глаз. Эти глаза — не против! Года на три постарше. Шёлковая лента в блестящих каштановых волосах. Стройная. В нарядном белом платье в малиновый горошек. Красное блестящее сердечко-ориентир жеманно покачивалось в ложбинке тяжёленьких грудей. Я скользнул взглядом в указанном направлении. Голова закружилась от такой пропасти...

Мы вместе вернулись к столу, сели рядышком, под озорные крики «горько» выпили водки. Она развернула фантик шоколадной «белочки». Жемчужные зубки легонько откусывали конфетку, розовый упругий кончик языка, выглядывая из ротика, слизывал остатки тёмного шоколада. «Лиии-за!» Такое аппетитное имя абы кому не дадут... Я молча таращился на неё. Она казалась мне неземным волшебным цветком среди бурьяна и крапивы. Откуда появилась эта фея?

Завтра отец пострижет меня наголо. Ветер понесёт по двору длинные тёмно-русые лохмы. С нехитрыми пожитками в рюкзачке, в сопровождении двора я уйду на Высотную, на призывной пункт. Но это будет завтра. Завтра...

А сегодняшние вечер и короткая белая ночь — у меня в руках.

На какой-то миг в сознании пронеслась Женька. Смурное серое облачко на секунду приглушило сияние полуденного солнца, однако светило не сдавалось. Последние белёсые ошметки унёс лёгкий приятный ветерок.

Под перестук гранёных стаканов, смачное кряканье мужиков, залиvistый Зойкин смех с прихрюкиванием, гулянье вместе с закусками, бутылками, посудой перекатилось во двор, шумным водоворотом обтекло стол под тополями.

Мы с Лизой, взявшись за руки, отправились вниз по Тринаге, туда, где в хмельной дымке поблёскивала лиловая гладь море-Онего.

Слышно было, как Зойка фальшиво затынула:

— Вон кто-то с го-рочки спустился...

Песню нестройно подхватили, высоко подняли и... бросили.

Лиза была игрива, возбуждая и заводя своей неуёмной бесовской энергией меня. По дороге она то забиралась на каменный бруствер, то её туфельки переступали по верхней доске случайного штабеля досок, то она поднималась на скамейку автобусной остановки и, балансируя одной рукой, едва касаясь моих пальцев, шла, устремив взор вперёд. Такая притягательно-легкомысленная и одновременно неуловимая. Я замороженно смотрел на неё снизу вверх, чувствуя, что держу в руках птицу счастья.

Мы долго гуляли. Влажный зыбкий туман белой ночи теснее прижимал Лизу ко мне. Я накинул ей на плечи пиджак, обнял за гладкую талию. Музыкальные пальцы мои жадно дотягивались до её груди, как бы невзначай опускались ниже пояса на платье, повторяя волнительный изгиб...

Где?!

В сарайку — не получится. Там сегодня родственники из деревни ночуют.

Завтра днём!..

Я повёл Лизу к себе домой. Хотелось перед расставанием побыть вдвоём, в

укромном уголке, надёжно спрятаться от чужих завидующих глаз, пусть ненадолго. Маленькая прихожая, где только и есть места, что для двоих, приютит нас.

Дверь не заперта... Я зашёл первым, она протиснулась следом. Дома беспробудно вповалку храпели, просматривая очередной сон. Через кухонное окно сюда, в глухой коридорчик, пробивался отсвет раннего летнего солнца.

Я прижал Лизу к вороху навешенной одежды, тычась неумелыми губами, ищущим языком ей в губы, шею, открытые глаза; нетерпеливо перетаптывался, захлёбываясь от желания. Она слабо сопротивлялась. Петельки-вешалки под натиском наших тел рвались одна за другой.

Я нашёптывал всё громче, громче:

— Люблю тебя, люблю... лю...

— Ч-чч! — Лиза прикрыла указательным пальчиком мой вожделеющий рот.

Не в силах совладать с застёжкой лифчика, не сознавая до конца, что происходит, рванул пласмаски. Вредные детальки щёлкнули, открыв путь.

— Дурачок... — хмыкнула она.

Я зачерпнул ладонью её ласковую грудь и никак не мог натрогаться соском. Приник к нему губами, долго пил. Лиза тихонько заскулила и вдруг!.. прижала гладкие пальчики к моему оголённому дрожащему животу, заскользила вниз...

...Весь следующий день я украдкой бросал на Лизу пытливые взгляды. В её глазах вспыхивали ответные бесинки. Теперь мы связаны общей тайной навек... Я ходил не видя, не слыша никого.

Младший брат Игорь недоумевал, «чему я весь день так дурацки лыблюсь».

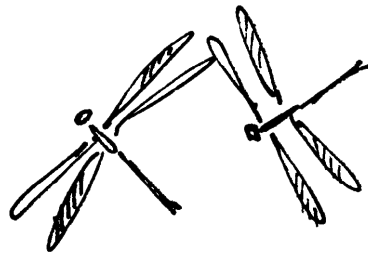
На вокзале мать безутешно всхлипывала, будто на войну провожала. Пьяненький батя просил, как приеду, сразу отписать. Отец Кочкаря сунул в карман «чирик» — «на всякий пожарный». А мы с Лизой вкусно целовались на глазах у всех.

В душе что-то заскребло, когда встретился взглядом с Женькой. Она тенью стояла в стороне.

Капитан воздушно-десантных войск скомандовал:

— По вагонам!

Я с трудом оторвался от сладких Лизиных губ, чмокнул в щёчку мать и запрыгнул в тёмный душный вагон.

Впервые невольно подумал: а у отца с матерью любовь?.. Наверное, да. Во всяком случае, мать отчаянно ревновала. Всякий раз, когда отец непроизвольно икал, она с горечью упрекала: «Вот! Опять какая-нибудь лява вспоминает!»

***

Свое первое письмо Лизе отправил с дороги...

От неё через неделю получил конверт «Авиа», на обратной стороне по точкам индекса жирно выведено «ПИШИ». Строчки прыгали, никак не выстраиваясь в связный текст. Уяснил главное: тоже любит. Сильно. И скучает. Спокойно прочитать это священное послание смог только ночью, в туалете. Второе письмо пришло через день. В уставное «личное время» накатал страстный ответ.

Ротного почтальона ждал, как родного, летел навстречу, едва заслышав: «Письма!» Сиделся угодить ему со всех сторон, понимая, что излишне навязчиво заглядываю в глаза. Перебирал вместе с другими стопку разноцветных посланий. Желанного письма так и не нашёл... Страждущие руки солдат тянулись за бумажными кусочками счастья. (В этот момент я их всех почти ненавидел.) Решил, что конверт наверняка в спешке пропустил. Дождался, когда всю корреспонденцию разберут. Нет ничего... От родителей, от Геры, Сани из Североморска — не в счёт. Ждал два дня и две ночи... Сорок восемь часов... После отбоя, казалось, не шариковой ручкой — оголёнными нервами, кровью своей, написал ей несколько обидных колючих строк.

Письмецо от Лизы получил лишь через три дня. Писала, что всё хорошо, была занята, любит.

Больше писем от неё не было...

Ни одного! За два месяца.

Я всё понял...

Как не свихнулся?..

Возможно, для «закипания» мозг должен сначала осмыслить случившееся и только потом перегреться. Достаточно каких-нибудь пятнадцати минут. А их-то как раз мне никто и не дал. Сразу после карантина направили в «учебку» и началось: укладка парашюта до мелькания строп, купола... до «белых зайчиков»; наряды по кухне; марш-броски, полоса препятствий, стрельба из автомата, прыжки с парашютом. Мы спали по три—четыре часа в сутки.

Это и спасло...

А тринадцатого сентября в весёлом розовом конверте от матери сухая весть: «Лиза вышла замуж за моремана из Мурманска». Мать написала об этом в череде прочих домашних новостей.

Не удивился. Даже ждал...

После «учебки» я вернулся в часть младшим сержантом, стрелком-радистом. Вернулся другим...

Через год на погонах добавилась третья лычка, а потом присвоили звание «старший сержант», назначили командиром отделения. За удачное десантирование с техникой, «умелое командование вверенным подразделением» объявили благодарность по полку. Мужчиной я стал не тогда, с Лизой...

Настоящего мужчину из меня сделала Армия.

Я несколько раз принимался писать Жене... бросал. И она молчала. Гера сообщил: «Женю вижу редко. Ни с кем не ходит, на танцах не бывает. Тебя дожидается».

Простила... Ждёт!

Я глотал эти буквы ночью в каптёрке «начкара».

Дурень! На пять минут не хватило терпежа, а она готова ждать всю жизнь...

Непроизвольно втянул голову в плечи, съёжился весь, закрыл ладонями глаза, задержал дыхание. Если б только мог... разорвал бы сейчас время, полетел через все леса, через сотни километров... к ней.

Хочу, чтобы все вернулось назад! Туда... обратно... в клуб... на тот первый медленный танец... Ещё можно исправить!

Белая эмалированная кружка с чёрным гнутым ободком, ленивая пилотка, щедрый укрой белого хлеба с маслом, «пирамида» с автоматами стали растворяться...

ОНА!.. Её добрые глаза. Заразительный переливчатый смех, длинные локоны цвета льна, рот, пахнувший карамельками.

Тревожно и сладко защемило глубоко в груди.

Чувства, которые я испытывал, не были похожи на прежние. Я касался в мыслях создания чистого, светлого, высокого. Не было обычного биологического

желания соития. Многогранный, богатый оттенками вихрь кружил меня. Полумистическое, почти религиозное чувство благоговения, о происхождении которого я раньше даже не догадывался, расправляло мне крылья: словно кто-то неведомый вёл меня сквозь время и пространство; вёл, не давая возможности допустить роковую ошибку; вёл, помогая познать разницу между землёй и небом; и, наконец, открыв глаза, указал недостающую Половинку.

Мы станем одним целым! Это подарок свыше.

***

...Поезд вёз меня домой слишком медленно, казалось, запаздывая. За два часа до прибытия я не выдержал, вышел в тамбур. Прижался к прохладному стеклу двери, смотрел, как бегут мимо железнодорожные станции, мохнатые или обгоняют друг дружку. Становилось всё «теплее», «теплее». «Горячо!» Людный перрон с ларьками, фонарными столбами ликующе бежал навстречу. Пожилая проводница ласково посмотрела на голубые крылышки моих погон, на плетёные аксельбанты, открыла входную дверь, подняла широкую подножку. Вагон последний раз дёрнулся, остановился.

Меня никто не встречал. Сам, до последнего, не знал, когда приеду. Спрыгнул на перрон, в несколько шагов пересёк его (он показался мне таким маленьким), сбежал по широкой лестнице на привокзальную площадь и, подлетев к остановке, нырнул в троллейбус.

Я ехал к Жене...

Дрожь тяжёлыми волнами шла по моему телу.

Родной дом. Не сейчас...

Придём к родителям вместе. Вот будет сюрприз!

Рыбинский двор. Знакомый подъезд с облупившейся краской. Шестая квартира.

Сердце стучало, выпрыгивая от счастья.

Эх, и свадьбу закатим. Столы накроем прямо на улице. Чтобы весь Кочкарёвский двор гулял, радовался за нас. Вся Тринага чтоб... Загадал: «Если откроет сама, значит, сбудется!»

Звонок протяжно, зауспокойно заныл...

Дверь отворилась. На пороге тёмной прихожей стояла девушка в чёрном. Наглухо повязанный платок, чёрная блузка, чёрная юбка до пят. Отрешённый чужой лик.

Живой мёртвый человек...

— Женья?.. Ты?

...Я сидел на скамейке под тополями, не в силах прийти в себя. Услышанное не уместилось в голове. Женя — «Христова невеста»... «Господь... Бог»... В наше-то время?!

Потерянный, зашёл домой. Весёлые крики, поцелуи близких... Сестрёнка, ликуя, повисла на шее. Счастливый батя побежал за бутылкой. Игорюхи дома не было. Мать за два года сделалась какая-то крохотная, потерялась в объятиях.

Испуганно глянула на меня:

— Сынок, на тебе лица нет. Что случилось?!

— Ма, ты знала про Женю?

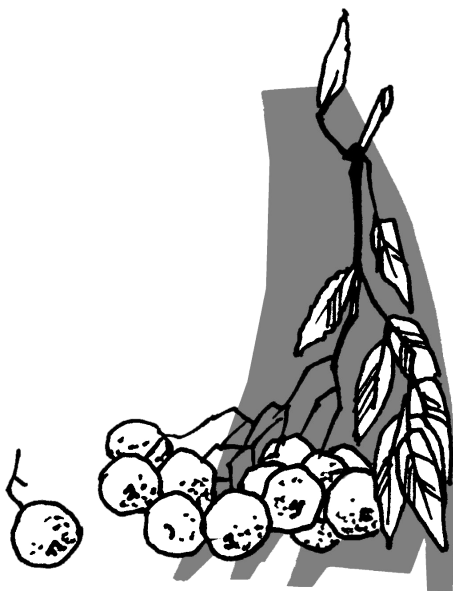
— Боялась писать...

Зачем это — церковь, кресты, иконы? Зачем — навсегда?.. Мир немых те-ней закрыт для людей. Закрыт для меня...

Что это за сила такая разом забрала всю мою силу? Всю радость.

Жизнь мою!

И как теперь быть с этим дальше, я не знал.

Младший брат

*В*осьмого декабря — заседание народного суда.

Игорю реально маячит новый срок. Срок серьёзный. Свиданку ему разрешили только со мной и Любой — родными братом и сестрой. Своей семьёй не обзавёлся, родителей в живых нет. Вот бы отец полюбовался... В детстве батя его вечно в пример ставил. Я не ревную, не завидую. Чему тут завидовать?.. Просто для себя пытаюсь понять: как так вышло? Почему?

Да разве жизнь поймёшь?..

***

Родился младший брат в сытные шестидесятые годы.

А ведь недавно всё было по-другому...

Дошкольный возраст, когда я часами простаивал в очередях за булкой, помню хорошо. В то время по всей стране сеяли кукурузу, а рожь с пшеницей похерили. Сколько раз бывало: стоишь-стоишь — и зря. Однажды батоны закончились прямо передо мной. Слезы!! В соплях, урёванный, с пустой авоськой пошёлёпал домой. Из дальнего рейса отец привёз три мешка пшеницы, и они с матерью пытались делать муку на мясорубке с дисковыми ножами.

Рядом с нашим двором два магазина: на Кутузовском пятаке — Круглый, около воинской части — Гарнизонный. Там ассортимент побогаче, нет-нет да что-нибудь вкусенькое подбросят.

Каким-то чудом Зойка Носова узнавала об этом первой... Старая кошёлка, позвякивая застёжками на ботах, вихрем летела через двор к себе домой, пулей — назад, на ходу процедив: «В военном... масло выкинули». Двор сразу оживал... Фразу на лету подхватывали, тиражировали, передавая по сотам социалистического общежития из одной ячейки в другую. Все обитатели двора поспешали вслед

за Зойкой. Моя мать работала в столовой, возвращаться домой с пустыми руками была «не привыкши», но коли продукт не завезли в магазины, в столовой его тоже не было. Поэтому с зажатым в кулаке трёшником поспешала и она.

Зато в год, когда родился Игорь, полки Круглого ломились от снеди. Колбáсы — горой! Заходишь в магазин — ноздри распирает, щекочет аппетитный запах... Сейчас колбаса так не пахнет!

Жизнь в стране в конце шестидесятых налаживалась на глазах. Казалось, с каждым годом будет только лучше. Отец уверял, что младший сын ни в чём не будет знать отказа: «Мы натерпелись, хватит!» В семье Игорь был любимчиком. Отец называл его на иностранный манер: Игорон. Никак иначе. Если не в рейсе, отец всегда ходил на родительские собрания в класс младшенького, гордился его успехами. А как-то под хмельком весомо заявил:

— С Игорона толк будет.

Младший брат — копия бати. На детских фотографиях — одна мордашка. У него всё отцовское: выходки, манеры, характер. Даже пальцы: такие толстенькие, коротенькие, наоборот загибаются. На гитаре аккорд не возьмёшь... Но отец — трудяга, семью содержал... Дальнобойщик, он крутился днём и ночью. У отца напарником — дядя Саша Цапенко. И вот на новенькой «Колхиде» они зарабатывали кучеряво. Цапенко — хохол! Подкальмить, перепродать — хлебом не корми. Отец перед отъездом все командировочные отдавал матери. В рейсе, при желании, на каждом километре могли подхалтурить. Отправляясь за длинным рублём, готовились обстоятельно: на свалке грузили шаланду пустыми боч-

ками из-под топлива — в Подмоскowie, в дачных кооперативах, тара уходила по червонцу за штуку; укладывали рядами бордюрный камень; забрасывали в кузов пару ящиков с гайками. Порожняком не гоняли. Плюс ко всему делали приписки... Отец любил быть с деньгами. У него всегда полная «заначка» — тайничок в дверце машины. Откручиваешь болтик и на тебе — бери, сколько хочешь... Игорон только и ждал, когда отец с работы придёт «на бровях». Батя утром:

— Игорон, что за дела? Где деньги?

А тот внаглую:

— Я не брал. Ты помнишь, какой вчера пришёл? Небось, выронил где...

На том «следствие» и заканчивалось.

Отец его за это серьёзно не ругал, не наказывал. Да только ли за это? Ни за что не ругал. Меня выпорет, сестру в угол поставит, его — никогда. Помню, родители решали, кого из нас троих отправить в пионерский лагерь в Анапу. Мне до того хотелось! Море, мы ж не видели его. Поехал он. Игорю в детстве было слаще, чем нам с сестрой. Забот у него по дому никаких. Он же маленький... Печку протопить — моя обязанность. Дома прибраться, посуду помыть — сестра. Чуть что не по нему, губы надует сковородником, насупится, молчит. Дождётся, когда родители пойдут на попятную. Ждать приходилось недолго... Игорь сызмальства привык, что земля вертится вокруг него. Мы с Любкой на подарок матери денежки от завтраков экономим; принесём ей вкусенького, радуемся, а она сама не ест, потихоньку Игорю сунет... Так обидно!

Дедушка в Сулажгоре болел сахарным диабетом. Мать доставала ему конфеты из заменителя шоколада. Пахли вкусно, как настоящие. Дед никогда не угощал ими. Мы понимали: нельзя так нельзя. А Игорь, ему лет пять было, втихорька к деду в стол залез... Не одну стырил, чтоб незаметно, — все. Разом!

Дед:

— Кто взял?

А у братца моська, руки в шоколаде. Молча жуёт.

— Игорь!.. Ты?

Тот в ответ с набитым ртом:

— Не я!

Честными лягушачьими глазками смотрит на дедушку. Конфеты у него из кармана вытаскивают:

— Как не ты?..

— Не я...

Публично уличили, всем неловко.

Ему — хоть бы хны.

Врал он всегда убедительно, вдохновенно, с невинным выражением на лице.

Первый класс Игорь закончил на круглые пятёрки. Ко второму году обучения октябрятский задор подостыл. Новый материал он схватывал на лету, поэтому одноклассники, которым приходилось повторять по нескольку раз, раздражались: «Чё тут непонятного?» Ему стало скучно... Вначале Игорь старался найти развлечения в школе: первым забегал в столовую на завтрак, окунал немыйтый палец в стаканы с компотом, «забывая» себе, и под нытьё одноклассников спокойно вышивал; открыто смолил в туалете, когда даже десятиклассники старались не попадаться педагогам на глаза: уходили за угол школы. Наглый, самоуверенный, он тонко чувствовал людскую слабость. Его не обманывал ни возраст, ни рост. С ехидной улыбкой он цеплялся к верзилам. Знал, что Саня, который учится в этой же школе в десятом, ни за что «Игорька» в обиду не даст. В третьем классе Игорь разгуливал по школе некоронованным королём. Родительская защита сменилась надёжной силовой поддержкой Кочкарёвского двора. Эта привилегия распространялась на всех мелких. Им было дозволено на Тринадцатом всё. Но при этом остальные салаги видели край...

Не чувствуя сопротивления, не сталкиваясь с отпором, он нагел больше и больше. Всё заметнее терял интерес к учёбе и уже не хотел становиться врачом. Начал часто прогуливать. Утром для вида складывал учебники в портфель, надевал школьную форму, брал у матери деньги на завтрак и уходил из дома...

Уходил не в школу.

...Свежерастерзанная чайка.

Я обнаружил её на пустыре, далеко за сараями. Чайка висела, подвешенная за горло, невысоко над землёй. Прямо под ней лежала прозрачная кишечная оболочка, набитая мелкими гвоздями. Рядом — пёстрая скорлупа от яиц. Одна лапка отрезана...

— Вот уроды! Наши точно не могли.

Маленькое пуховое пёрышко, испачканное кровью, прилипло к дощатому забору.

— Не могли наши!

Эта картина долго не выходила у меня из головы. А тут мать, подметая пол, выгребла из-под кровати засушенную, сморщенную птичью лапку. Взял в руки... От чайки. Я оторопел, никак не мог поверить... Игорь? Пусть циничный, ершистый, пусть так, но не живодёр...

Сунул ему улику под нос:

— Твоя работа?!

— А чё?.. Нельзя?..

— Она ведь... живая, ей тоже страшно, тоже больно...

— Да ладно...

Я хотел дать стервецу затрещину, но он увернулся и выскочил из комнаты. Игорь...
Неужели действительно он?..

***

...В середине мая небо сделалось безумно-голубым, бескрайним. Солнце рассыпалось по молодой траве жёлтыми одуванчиками.

Голые монохромные тополя втайне завидовали отзывчивым на тепло веткам берёз. У них из почек дружно высунулись наружу и теперь расправляли плечики маленькие ярко-зелёные листочки с зубчатыми краями. Птицы строили на деревьях уютные семейные гнёздышки, заботливо облагораживая их в ожидании желанного потомства. Деловитый пернатый гомон, пересуды, задорный щебет и амурный клёкот праздничным гулом висели над округой.

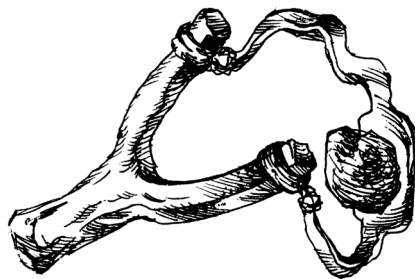
Забросив портфель в дровяник, Игорь, в поисках развлечений, пересёк Тринагу до самого озера. Белоснежные чайки парили над ослепительной гладью, сложив крылья, камнем падали в воду, поднимали кучи брызг, а затем уносились к островкам розовых ивовых кустов на окраине пустыря. «Вот бы поймать одну и проверить: летают ли самолёты с бомбами?»

Он притаился на пустырь кусок сетки-рабицы, один край её приподнял, подперев палкой, привязал верёвку, накрошил крупными кусками белый батон и, притаившись внутри обветшалого сарайчика, стал ждать...

К разбросанным хлебным кускам стайкой слетелись воробьи. Пичуги задиристо чирикали, расталкивали друг друга. Взрослые, бывалые — в ярко-коричневом оперении, молодые — в неброских сереньких пальтишках. Они не столько клевали, сколько спорили. Осторожная вездесущая ворона сделала над ловушкой круг, сердито каркнула и взгромоздилась на телеграфный столб. Она наклоняла голову то на один бок, то на другой, с подозрением разглядывая необычное сооружение. Появились две чайки. Заинтересованно кружа над приманкой, энергично отталкиваясь сильными крыльями от воздуха, они зависали над землёй, хриплыми гортанными криками приглашая сородичей на пиршество.

Одна чайка спикировала вниз и взмыла с рыжей горбушкой в жёлтом клюве.

Игорь напрягся, сжимая в руках конец верёвки.

Вторая чайка камнем пала в центр хлебных кусков. Игорь дёрнул бечеву, подпорка соскочила... Воробьи с шумом вспорхнули. Тяжёлая металлическая сетка придавила белую птицу. Она беспомощно забилась под проволочной западнёй, старалась поднять, сбросить гнёт... И не могла. Чайка в воздухе тревожно заплакала: «Ай-ай-ай!»

Игорь подбежал, придавил сетку ногой, выдернул за шею через крупную ячею перепуганную насмерть птицу. Прыснул жидкий белый помёт.

— Попробуй только обхезать, вмиг голову сверну!

На земле в бумажном свёртке лежали приготовленные сапожные гвоздики. Игорь одной рукой брезгливо прижал птицу к себе, второй начал закидывать гвозди в раскрытый клюв. Чайка пронзительно кричала, вырывалась, царапалась, потом лишь хрипела и билась всё тише и всё слабее. Теперь в глотку покорной птицы он закидывал гвоздики не щепоткой, по два—три, а сыпал прямо с ладошки.

Пакет опустел.

Игорь разжал пальцы, птица неуклюже подпрыгнула, завалилась на бок, с трудом поднялась и стала пьяненько прихрамывать, склонив голову.

Игорь пнул её:

— Лети!

Чайка безвольно перебирала крыльями. Он поднял её на руки, забрался на крышу низенькой сарайки, подкинул птицу вверх.

— Орлята учатся летать...

Чайка, кувыркаясь, нелепо упала на землю.

— Ну, не хочешь летать, как хочешь...

Игорь сделал петлю из верёвки и подвесил птицу на перекладине телеграфного столба. Чайка некрасиво болталась... Сперва из клоаки показались два пятнистых сереньких яичка в податливой скорлупке, а следом тяжёлый мешочек из прозрачной кишечной оболочки. Под своим весом он постепенно вылезал, вылезал, пока не шлёпнулся на землю. Кованые сапожные гвозди лежали в нём, точно упакованные...

***

Игорь как будто впитал жестокость с рождения, с молоком матери.
Но ведь мать у нас одна...

Теперь я смотрел на младшего брата другими глазами. Переосмысливал многие его поступки, слова. Раньше они меня забавляли. Я лишь недоумевал,

зачем он циркулем проткнул зрачки на моей фотографии, где я стою с гитарой на школьном смотре-конкурсе? Садистские стишки, которые Игорь целой охапкой притаскивал домой, потешали:

Дети в подвале
играли в гестапо.
Зверски замучен
сантехник Потапов.

Или:

Я лежу в своей квартире
весь от крови розовый.
Это с папой мы играли
в Павлика Морозова...

Скажет тоже...

У нас во дворе считалось неприличным у кого-то что-то отбирать. Это было, как выражался Джуди, «западно». А тут узнаю: оказывается, Игорюша наш, вот такая мелюзга, повадился гуливанить в строительный техникум, что по соседству, отбирать у студентов деньги. Салапет! И никто ему хвост не прищемил... Покорно выворачивали карманы. Но потом всё-таки стукнули: накатали заявку в милицию. Чуть до суда не дошло... Отец отмазал. Подключил знакомых, нужным людям «сунул», ходил к родителям студентов, к директору техникума, унижался, просил-лебезил. Дело спустили на тормозах.

Плюгавый шкет — ни силы, ни здоровья, на перекладине ни разу подтянуться не мог. Плюнь в задницу — башка отвалится, но на Тринадцатом его боялись.

Дальше — больше.

Исполнилось ему восемнадцать лет. Однажды зимой шёл на танцы. Навстречу — бывший одноклассник в овчинном полушубке: новеньком, белом, офицерском. Тогда мода была такая... Что ты!..

Игорон останавливает:

— О-оо! Какой на тебе фасончик! Запачкаешь! Дай-ка мне на танцы сходить!

— ?..

Игорь замахнулся, сделал вид, что ударит:

— Саечка за испуг!

Парень безропотно снял шубу. А наш говнюк всучил ему свою старую болоньевую куртку:

— Поношу — отдам...

Паренёк домой вернулся, отец военный — шуток не понимает:

— Где шуба?

— Дал поносить...

— Не юли, правду рассказывай!..

И — заяву в милицию. Выходило, уже повторную. С одной стороны посмотреть: детская шалость, баловство. А по сути — грабёж с разбоем, «стоп с прихватом». Игорю руки за спину, и вместо армии — тюрьма. Пять лет дали.

Мать одно твердила:

— Хорошо, отец не дожил...

Мы с матерью ездили навестить его в Сегежу. Посмотрели: недурно устроился... В детстве он любил художество, на зоне таланты пригодились. Мастрячил под заказ «стирки» — самодельные игральные карты с портретами уркаганов и охраны, «набивал картинки». Я не ожидал его увидеть в довольстве, сытым. А тут — репа лоснится. На фаланге безымянного пальца татуировка перстня: чёрный фон из угла в угол пересекают белые полосы, а в середине череп. Знак уголовный — «судим за разбой». По всему было видно: брательник чувствовал себя в своей тарелке... алюминиевой.

Отсидел «от звонка до звонка». Мама не дождалась. Доконал он её...

Когда освободился, я с ним много говорил. Игорь молчал, прихлёбывал «чифир», вроде слушал. Мне казалось: что-то понял.

Помог ему оформиться водителем на грузовую. Он — за старое: бензин на лево-направо толкнёт, утром ехать — бак сухой. С работы его культурно попросили. Ещё несколько раз пристраивал, но всё заканчивалось одинаково.

Наш двор всегда был силён общинным духом, коллективизмом, взаимовыручкой. А тут — волк-одиночка... Хотя даже волки стаями держатся. Человеку третий десяток, у него ни семьи, ни друзей...

Я — с упрёками, он в ответ:

— Вован, не гони порожняк! Думаешь, в натуре, буду ишачить, как ты?

Нам солнца не надо —

Нам партия светит!

Нам хлеба не надо —

Работу давай!

— Тьфу, ёпт! — Игорон зло сплюнул сквозь зубы.

— А как другие?..

— Вот пусть другие и горбятят.

— Из-за тебя стыдно людям в глаза смотреть.

— Кто тут «люди»?! «Дружба!..» Сам шестерил у Кочкаря. Ссыкун...

Я понял: разговор бесполезный...

Первое время он всё одалживал у меня. Но сколько можно? Я ему напрямик:

— Встанешь передо мной на колени, будешь упрашивать, что «с голоду умираю», скажу: «Садись, ешь». Но денег наличных больше не дам.

У меня перестал просить, а Любаша, медсестрой работала, сама вечно на подсосе, выручала младшего брата. Там «зелёную», тут «синенькую» выкроит.

Проходит полгода, сестра приезжает ко мне:

— Игоря забрали...

Что случилось? Да то же самое... В шалмане с бичами пристали к мужику. Дали по ушам, забрали что-то из вещей. У Игоря нашли перчатки. Прихватил, видимо, до кучи.

Я ходил к нему на свиданку, спрашиваю:

— Как теперь?..

— Всё в ажуре...

Лишь посмеивался:

— Что мне будет за перчатки?

Из ребят нашего двора «сидели» только он и Сикося. Все остальные парни достойные, порядочные. Засранцев не было. Каждый к чему-то стремился, хотел в жизни чего-то достичь.

А Игорь с малолетства во дворе тянулся к Сикосе, выпитывал законы уголовного мира: «Кто сильней, тот и прав», «ЧЧВ: человек человеку — волк», «Не верь! Не бойся! Не проси!». Весь расписной, в татуировках, Сикося бахвалился, обнажая металлические фиксы, травил бравые уголовные байки — слушать противно. А у Игорюши глаза блестят. Наблатыкался от него воровского жаргона. Романтика. Что ты!.. Они с Сикосей даже внешне стали походить друг на друга: те же сутулые настороженные лопатки, будто спиной глядят; та же вечная кривая ухмылка и холод в глазах. Я заметил: все уголовники чем-то неувовимо похожи. Им точно одно клеймо ставят.

Любу спрашиваю:

— Зачем помогаешь? Его не переделать.

— Как не помогать? Он брат. Бог даст, образумится. А то, что вор... Господь учил: «Не нужно собирать богатств на земле». В Заповедях-то десяти, думаешь, зря Он воров увековечил?.. Воры — слуги Господни. Они нам правильный выбор помогают делать. Без них никак!

Хоть стой, хоть падай! Вроде, толковая баба... Если бы Игорон только воровал... Разбой — преступление против человека. У него ничего святого не осталось.

Разрешают свидание.

Не пойду!

Толковал с ним не раз. Не слушает. Ухмыляется.

Я и на суд не пошёл.

Люба плакала: «Когда прокурор объявил срок четыре года, у него и слёзы потекли». Досмеялся, храбрец! Огрёб целиком. Теперь об амнистии можно не мечтать. Статья тяжёлая, повторная. Рецидив.

Выбор есть у каждого. Мы сами избираем свой путь.

Вот пусть и мыкается... один.

***

...Время шло. День за днём.

Судьбину брата, его непутёвую, неудобную мне жизнь я мысленно пытался отрезать от своей. Силился навсегда вычеркнуть его из памяти, души, судьбы.

Стереть.

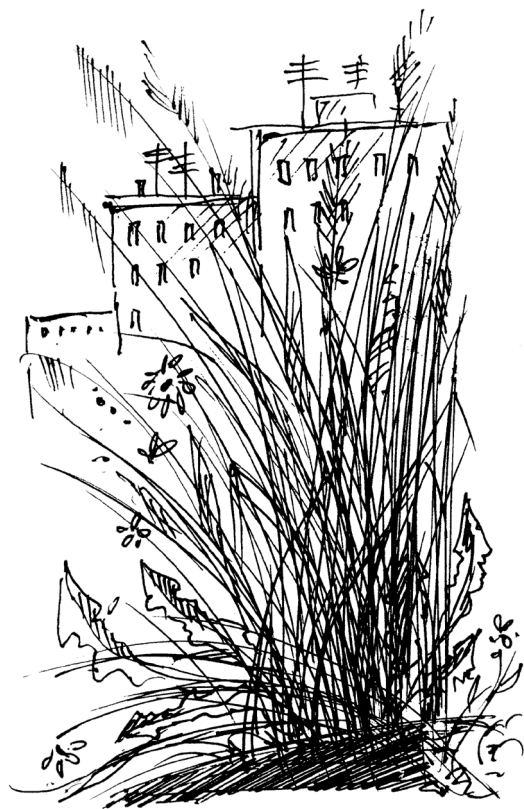
Забить.

Не получалось...

Словно горемычная часть меня самого бродила где-то неприкаянно. Страдала. Сносила боль, унижение, голод-холод, страх, разлуку, потерянность, одиночество. Я места себе не находил...

Не находил себе места.

В субботний вечер я собрал брату новые шерстяные носки из овечьей шерсти, связанные ещё матерью, свой тёплый мохеровый шарф, десять пачек «Беломора», чай со слоном и, облегчённо вдыхая полной грудью морозный воздух, зашагал по заснеженным улицам на ночной поезд...

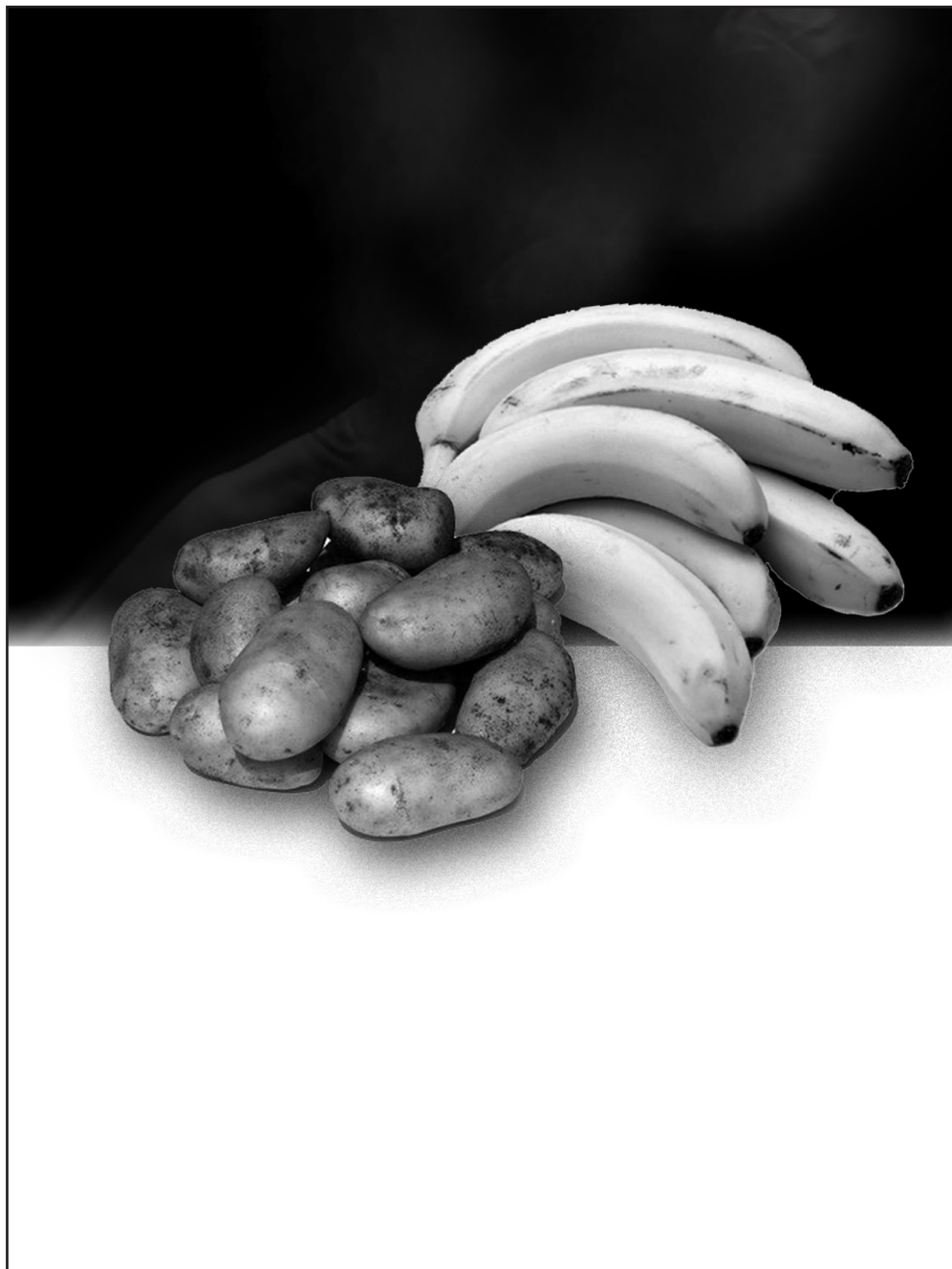

Вместо послесловия

*На... златом... крыльце... сидели...
царь... царевич... король... королеви...
сапожник... портной...
Кто... Ты... будешь... такой?*

Петрозаводск, 2009 год

Баян

Знание — орудие, а не цель.

Л. Н. Толстой

*М*аев уверял, что учителем русского языка он стал исключительно по слабости характера:

— В понедельник, как на грех, прохожу мимо своей кафедры. В недобрый час... Вдруг из деканата вылетает наш Паша, затаскивает, главное, к себе... Выплёскивает мне на голову последние международные события в университете и умоляет разобраться с «этим негодяем».

— Я-аа?!

— Иванович, ты хоть не нервируй!.. Всё! Баян твой! Можешь не усыновлять, а на поруки взять придётся. Свози его в Кижы...

— В январе?

— ...На лыжах прогуляйтесь. Окружи традиционным северным радушием, теплотой. Подтяни по предмету. Думай сам! Руки у тебя развязаны...

***

Лета, считай, в тот год не было. Солнце неделями «прогуливало». Потому купаться не хотелось, а вот в баньке похлестаться веничком — тянуло.

Отправился к Маеву Володе. Давно звал...

Аккуратная рубленая банька на песчаном берегу, мосточки к самой воде.

Сказка! Тихая гавань...

Подхожу... Нарастающий визг?! Ба-ммм!!! Дверь — настезь! Густое облако пара, крика... Кубарем выкатываются два смуглых юноши и без оглядки — к озеру. Следом на пороге вырос счастливый Володя. Тело полное, в красных пятнах и свежих листьях берёзового веника:

— Давай скорей! Опаздываешь!

Он натянул на лысину суконную шапку, надел рукавицы и шагнул в жар. Я — за ним.

— Когда твои гости успели так загореть?

— А-аа! Это мои подопечные студенты-арабы, в карельской бане первый раз. У нас на сельхозе учатся. Постигают специальность «учёный агроном». Рафат — из Палестины, на третьем курсе, а Баян — на первом: с филфака зимой перевёлся. Иорданец, правильный такой. У них столица Иордании — Амман. Наберёт полные лёгкие воздуха, выгнет грудь колесом: «Амм-мма-на!» Как с минарета пропоёт. И поглядывает на всех свысока, беркутом. Будто он — самая последняя инстанция, а все остальные, хоть и говорят «Амман», но это далеко не так.

Володя подкинул в топку дровишек.

Стрелка термометра решительно пошла на второй круг.

— На одном только нашем факультете четырнадцать заморских студентов, но их не видно, не слышно. Такое впечатление: университет посещает один Баян. Его соплеменники сами руками разводят, изумляются. Не случайно у него имя такое. Я не поленился, вычитал в энциклопедии: оказывается, на Руси «баяном» называют «разновидность большой гармоники со сложной системой ладов». О, как!

В предбаннике раздалось шлёпанье босых ног, и в парилку бочком проскользнул высокий юноша с утончёнными чертами лица.

— Рафат, забирайся к нам. Знакомься.

Молодой человек настороженно протянул мне узкую двухцветную кисть:

— Да!

Я легонько её пожал и тоже представился:

— Александр.

Володя окликнул:

— Баян!

В ответ — гробовая тишина.

— Баян! Ты опять в предбаннике хочешь отсидеться? Бегом сюда!

Я с нетерпением ожидал подданного Иорданского королевства...

Дверь закрипела натужно, совсем не по-королевски, нехотя приоткрылась, и внизу, над самым порогом, нарисовалось закопчённое лицо с широко раскрытыми от ужаса глазами.

- Ты чего невесёлый, Баян?
- Жарко... я так нэ могу!
- Интересно, всю жизнь в пустыне прожил, а тут не можешь. Забирайся к нам.
- Нэ-э-эт, жарко.

Он на четвереньках перебрался через порог, уселся на пол и прижал уши ладонями.

Мы основательно пропотели, затем Володя натянул шапку поглубже и плеснул на раскалённую каменку. Обжигающий пар под давлением заполнил парилку. Уши скрутились.

— Э-ээх, крра-ссота! Красота ведь?! — допытывался хозяин, радушно подливая шипящий кипяток. — Баян, давай наши познания закрепим: «О-оо...»

Обречённым эхом отозвалось:

— О-ой...

— Ози-мы...

— О! Мы...

— Молодец!.. Озимые... Ну! Ещё буковку... к... ку... культуры.

Я не вытерпел:

— Зачем тебе это «Поле чудес»? Дай человеку попариться!

— У нас экзамен в понедельник. Баян, умоляю, просто повторяй за мной... человеческим языком: «О-зи-мы-е куль-ту-ры».

— О-ууу!!! — Баян задрал руки вверх и с диким воем метнулся прочь из «преисподней».

— Ну вот, сам видишь: учёба мало-помалу даётся, а дисциплина... — Володя с подозрением глянул на Рафата, подбирая слово помягче, — а вот дисциплинка у нас... хромает.

Мы с азартом отходили тела душистыми вениками и затрусили к озеру. А вода, считай, осенняя. Быстро окунулись: «У-у-ух!» Свежо. Ещё бухнулись и опять на полók. Сидим, отгаиваем.

Палестинец встревоженно:

— Баяна нет!

— Наверно, тихонечко идёт.

Снова хорошо прогрелись. Жарко! Спешим купаться. Смотрим: Баян сидит по грудь в хмурой воде. Плавать не умеет, сидит и дрожит. Рябь гонит. Весь в каких-то жутких пупырышках. Б-ррр! Губы у них и так чёрные, тут — иссиня-чёрные. А кожа, наоборот, побледнела. И даже зрачки белые. Портрет-шарж от Пабло Пикассо!

Володя участливо:

— Баян, ты чего?

— Здесь лучшэ, чэм там...

— Раз лучше, давай здесь: «бан-ный день».

В ответ прилежно, тоже по слогам:

— Э-бан-ный дэн.

— Ну... это уже антоним. Растёшь!..

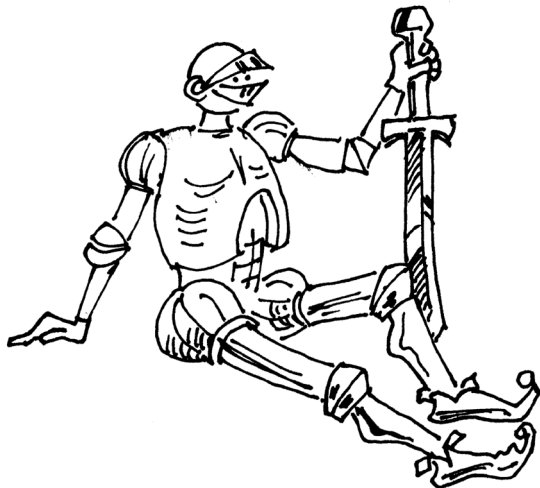
Когда чужестранцы оделись и пошли по приглашению хозяйки в дом отвезать чайку, я поинтересовался:

— Они что, сами к тебе напросились в баню-то?

— Да, нет. Сейчас расскажу... Баян ведь сначала поступил на строительный факультет. Его единственного из студентов заинтересовало деревянное зодчество, хотя в Иордании, как ты знаешь, дерева нет. Отучился один год. Заявляет: «Нэт! Буду выучить русский, как Лэнин. Знать языка, который говорить хорошо, надо очэнь!» Ну, «надо», так надо. Перевели на филологический. Однако от скучных учебников его воротит. Орфография с пунктуацией нагоняют зевоту.

Хочется живого дела...

Получила очередную долю независимости Организация освобождения Палестины. Вроде как сказали им, что ещё один кусочек земли сектора Газа — «ваш». По этому поводу все арабы, независимо от гражданства и политических симпатий, ликуют. Выпустили стенгазету, нарисовали свой край, красным отметили отвоёванную территорию: «Поздравляем всех палестинских студентов. Ура! Ура! Ура! Вперёд и дальше!» Плакат закрепили кнопками на стенде у деканата.

Мимо, ступая по-хозяйски, вышагивает профессор Рабин, который, как ты знаешь, не за Россию, не за ФАТХ и не за ХАМАС, а за свою обетованную родину. И видит он... прикинь! почти весь его Израиль оказался по этой карте Палестиной. В сердцах срывает газету, съёт вахтёрше. Та — к декану филфака: «Куда девать?»

В ответ простое решение:

— Выбросьте!

Эти приходят на следующий день: «Оппа!»

— Где наша родная Палестина?

Делегацией к декану. Хотят новую карту рисовать, где вообще нет Израиля.

Баян громче всех негодует:

— Кто посмэл?!
Но Рабина не выдали. Вместо этого объяснили, что вахтёр газету сняла сама: расписание занятий вешать некуда. Боевой листок им отдали, и они успокоились.

...И вот «юный лэнинэц» на филфаке.

Сам по-русски говорит «мало-мало», а там программа — ого-го! Не каждый наш осилит. Его земляки — молодцы. Есть у них напор, настойчивость. Стержень! А этот — размондй!.. С «хвостами» и зимнюю, и летнюю сессию закончил. При этом убеждён: язык знает достойно. Просто учителя придираются! Рафат, из чувства солидарности, потекает ему. Готов пособничать. И отправляются они на пару в деканат. Искать свою правду. А для чистоты эксперимента прихватывают в карман диктофончик.

У нас декан филологического факультета занятный мужик. Горячий, заводной. Ма-тер-шинн-ник... страшный. Ага! Всё любит повторять: «Пролетарское происхождение и низкий культурный уровень — наши главные козыри!»

В деканате гости России у секретаря спрашивают:

— На мэстэ?

Молоденькая сотрудница тряхнула кудряшками. Они вваливаются в кабинет, дверь нараспашку.

Декан по телефону разговаривает и им недовольно:

— Подождите!

Баян против:

— А чэго ждаль? Ты тут всё равно ничэм нэ займаэшся...

— Выйдите!

— Нэт. Мы к тэбэ!

Вены на шее декана угрожающе набухли, лицо побагровело.

Он бросил телефонную трубку мимо аппарата, не мигая уставился на Баяна... А сам по столу судорожно шарит пальцами, комкает служебные бумаги.

И рождается у декана в состоянии аффекта дипломатический спич:

— Мать... вашу... ети!!!

— Ах ты так?! А здэс всё записано...

Товарищи с братского Востока демонстративно достаю́т диктофон и, кривляясь, поддразнивая, крутят им на недосыгаемом расстоянии. Декан вскакивает, стул с грохотом падает. Интервьюируемый галантно подлетает к иностранным корреспондентам, силится политкорректно дотянуться до записывающего устройства. Рафат с Баяном сопротивляются, брыкаются. С этого момента формат общения можно скорее охарактеризовать как «встреча без галстуков». Или, говоря по-нашему, завязывается маленькая свалочка, потасовочка. Представитель принимающей стороны оказывается «в партере». Диктофон падает на пол. Студенты его хватают, выскакивают за дверь.

Декан истошно орёт им вслед на великом русском языке...

— Говорят, эхо по коридорам целый час металось.

— Ёперный театр!..

— А то... Мне всё это секретарша нашептала. По большому секрету. Ты тоже, смотри, никому!

Итак: свой «визит вежливости» иностранные студенты нанесли утром; вечером того же дня, в качестве ответного реверанса, зарубежным гостям объявили выговор. На том дело и кончилось. Баян, разумеется, шумно возмутился, что их как бы все, всегда и везде... «гнобят». Обзывался нехорошими словами.

У него осторожно интересуются:

— Дальше будешь учиться здесь?

— Нэт! Типун вам на ваш вэличий могучий язык. Баян хочэт учиться на агроном, гдэ Рафат. Он всё сдаёт на «прэкрасно», мнэ остаю́тся одни двойки, а учимся одинакава.

Володя вытер пот со лба и, словно оправдываясь, продолжал:

— В итоге откосить мне не удалось. Пришлось сделаться русистом. Без русского языка ему ведь, один хрен, ничего не вобьёшь. Пока без акцента произносит только «мать вашу...»

— Все с этого начинали, — подбодрил я.

— ...Сейчас перешли с ним на интенсивный метод «глубокого погружения в языковую среду». Заодно знакомяю иорданца с карельскими традициями, выдумываю культурно-развивающую программу. Сам видишь: веселю, как умею. Может, ты чего подскажешь?..

Я в досталь напарился в баньке, всласть попил чайку с мятой и, прощаясь, поинтересовался у Баяна:

— Как выучишься на агронома, здесь у нас будешь бананы разводить или там, у себя, — картошку?

Баян не удостоил ответом.

Позже, я слышал, он уехал на родину.

После учёбы на трёх факультетах ему открыты все дороги.

Петрозаводск, 2007 год

ПОЛИТБЮРО ЦК КПСС

М. С. Горбачев, А. Я. Акулиничев, Ю. В. Андропов, С. С. Степанов, В. М. Чернышев, В. А. Кириленко, В. С. Крюков, В. И. Лукин, В. М. Мухоморов

С. В. Суслов, В. М. Колосов, В. М. Семичев, В. М. Яковлев, В. М. Мухоморов, В. М. Мухоморов, В. М. Мухоморов, В. М. Мухоморов

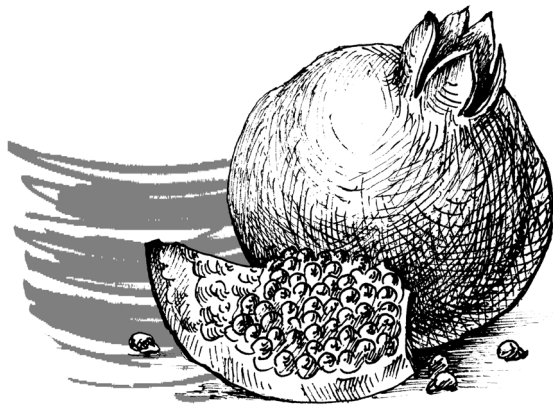
В. М. Мухоморов, В. М. Мухоморов, В. М. Мухоморов, В. М. Мухоморов, В. М. Мухоморов, В. М. Мухоморов, В. М. Мухоморов, В. М. Мухоморов

ОФИЦЕР ЗАПАСА

Афганские очерки

Посвящается
Офицеру КГБ СССР

Айбак

*В*ойна — всегда только горе и страдания. Только раны.

Не пойму, почему же тогда Моя война запомнилась мне заурядными, житейскими ситуациями?

Военный 1981 год.

На почтовых конвертах, приходящих из дома, вместо Афганистана указывали узбекский город Термез: «вэ че» такая-то. А стояли мы в городе Айбак, в двухстах километрах от Мазари-Шарифа.

Город этот — сплошной непрерывный кишлак с домами, выложенными из сырцового, саманного или обожжённого кирпича, с голубым куполом мечети, с сетью арыков и лабиринтом троп. Единственное достояние местного дехканина — жёлто-красная, твёрдая, как гранит, земля.

Двухэтажная вилла, в которой размещалась наша оперативная группа, раньше, при шахе, принадлежала финансисту. Здесь иначе. Вокруг сад. В марте начинает цвести миндаль, обливая стену белым, и только к ноябрю созревают орешки. Рядом висят на тонких веточках плоды граната размером с гандбольный мяч, зёрна сочные, сладкие.

Не военная база — прямо Эдем. Только без женщин.

Как там моя Светлана?

Дома и представить не мог, что внутри будет так щемить при воспоминании о ней. Вот дела... Мой «март» давно прошёл. Виски седые. А мысли в голову лезут совсем не военные. Домашние мысли...

Домашней была и наша экипировка.

Мы ходили по-гражданке, кто в чём приехал. Советско-крестьянский по-крой предполагал практичное, немаркое, на вырост. Может, поэтому Федя, стар-

ший лейтенант из Гомельского управления, с первой же полочки и купил себе в дуكانе американские джинсы. Да не какие-нибудь — «Wrangler»! Плотный материал цвета индиго, лейблы, аккуратные медные заклёпки. По карманам красивой строчкой вилась крепкая оранжевая нить. В СССР купить такую модную одежду в то время можно было либо у фарцовщиков, либо в валютном магазине, куда простым смертным вход заказан. Целая тысяча боевых афганей ушла на заветную покупку.

Старлей сразу же напялил их и вышел во двор. Картинно продефилировал из края в край по утоптанному земляному подиуму. Цветастая этикетка покачивалась при ходьбе. Ладная фигура в штанах вероятного противника привлекла внимание всей группы. И офицеры, и бойцы из отделения связи невольно прервали свои занятия, дивились на него.

И тут неожиданно из кунга — нашей радиорубки на колёсах — выпрыгнул офицер связи:

— Старший лейтенант и вы, майор! Приказ старшего зоны: засечь огневые точки моджахедов в ущелье, по ходу выдвижения колонны на Таш-Курган. Местный товарищ уже в вертушке.

Лейтенант по-бабьи засуетился:

— Я сейчас, только джинсы переодену.

— Отставить! Бегом к машине!

На ходу запрыгиваем в уазик, мчимся к вертолёту. Двигатель военной птицы запущен, ныряем внутрь, лопасти начинают набирать обороты.

Старший лейтенант безутешен:

— Не хватает ещё испачкать их в первый же раз. Чёрт дёрнул надеть...

В поисках сочувствия он посмотрел на меня. Я понимающе кивнул.

Места в кабине хватало только двум пилотам. Поэтому приспособились: открыли дверь, и на высоком пороге примостился наводчик, пуштун; над ним, заслоня дверной проём, навис старлей. Проводник-наводчик ориентирует — лейтенант тут же пилотам переводит. А пока всё спокойно, этот афганец Ахмад, знай себе, поёт на фарси единственную весёлую афганскую песню:

Мо мирим бэ Таш-Курган, Таш-Курган.

Мо мирим бэ Таш-Курган, Таш-Курган.

Мо мирим бэ Таш-Курган, Таш-Курган.

«Мы едем в Таш-Курган, Таш-Курган».

По фюзеляжу защёлкали пули.

Попали под прицельный огонь...

Вертолёт — это вам не стриж. Это скорее поднявшийся на крыло динозавр среднего размера. Идеальная мишень, особенно при наборе высоты.

Залетаем в извилистое узкое ущелье. В иллюминаторах по обе стороны — отвесные базальтовые стены. Считанные метры отделяют лопасти несущего винта от рокового касания. Вниз — не видно, какая под нами глубина. Вверх — не видно неба.

Судя по всему, лётчики-то с горами на «ты».

Отчётливо слышно, как свинцовые пчёлы кусают машину. Вдруг пулей пробивает брюхо нашего Ми-8 и по касательной задевает лейтенанту штанину на заднице. Кожу едва царапнуло, крови нет. Но на новых... фирменных... американских... джинсах — дыра!

— Да ну, на хер... с вашим Афганистаном! В гробу я видел эту братскую помощь. Чтобы я ещё раз...

Лейтенант разгорячённо жестикулирует и, перекрывая рёв моторов, кричит всё это в лицо афганцу. Ахмад боится шелохнуться. Часто моргая, он в страхе глядит на «старшего русского брата». Ни слова не понимает, лишь вздрагивает от каждой новой тирады.

На крик оборачивается второй пилот:

— Что тут у вас? Ранило кого?!

— Да идите вы все в ...опу!!!

Обстрел кончился. Проскочили!..

Открылось далёкое пространство; сверху, снизу — везде ласковое голубое небо. Меняя высоту и скорость, Ми-восемь всё больше удалялся от тёмно-бурых, опалённых огнём скал. Полной грудью вдыхаю горячий воздух. С каждой минутой горы раздвигаются вширь, распадаются на пологие кряжи, холмы, словно разводят свои ручищи, нехотя выпуская нас. Облачная пелена исчезла, рассеялась, и горизонт открылся с видимостью «миллион на миллион», как говорят лётчики. Горбатая тень Ми-8, то падая, то взмывая вверх, стремительно скользила по сине-оранжевым предгорьям. Под нами тут и там рассеянно зияли чёрные пасти каньонов с разбитыми, сгоревшими машинами на дне, и, поблёскивая, пенилась своенравная река. Копируя изгибы её, к обрыву прижалась белёсая лента дороги.

Мы засекали все огневые точки духов, вернулись живые, невредимые, однако старший лейтенант считал этот вылет неудачным.

Ахмад был согласен.

Подобрать квалифицированного проводника-наводчика крайне трудно.

Местное население тропы знает распрекрасно, но, куда уходят бандиты, умеют показать только пешком, от базара. Проводить к нужному месту по воздуху — не проси. Крутят головой. Путаются. Таджики, узбеки, хазарейцы, пуштуны и эти... новый отец народов-то... туркмены. Языки кругом: пуштунский, фарси, дари.

Из кишлака взяли по наводке молодого парня. Первый раз летит, боится, дрожит. А в вертушке и без того тряска, грохот. Русского, естественно, не знает. Не сразу и поймёшь, что бормочет. Языковой барьер — серьёзная проблема.

Неожиданно встрепенулся, тычет рукой вниз...

Пилот решил: «Вражий штаб!» Переспросил для верности:

— Точно, штаб?

Тот радостно кивает, лопочет по-своему.

Ракеты — в цель. Прямой наводкой. Внизу разрывы, дым, пыль. Нету хижины.

— О-оох!

Оказывается, это его родной дом. Похвастаться хотел... Замолкает навеки. Теперь на него рассчитывать не приходится.

И победить без помощи аборигенов нельзя. Поэтому в работе с местным населением мы старались, как могли, придерживаться особой деликатности и такта.

А нашим постоянным гидом сделался Ахмад.

Его в составе трёх афганцев из подразделения царандоя — тамошней милиции — прикомандировали для обслуживания и охраны нашего пункта.

Ахмад прекрасно готовил. Всегда на открытом огне: на плите не умел. Затаит себе под нос заунывную восточную песнь, мечтательно прикроет глаза и давай шинковать в салат перцы, помидоры, зелень, промывать рис, печь лепёшки, жамкать кусочки мяса в маринаде на шашлык.

Мэро бэбу-ууу-уууууу-с, мэроо-оо-о бэбус.

Мэро бэ-э-э-бусс, мэроо-оо-о-о бэбус.

«Меня целуй!»

Бароййе охарин бор
Тора хода негох дор
Ке миравам бэ суй-е сарневешт.

Бахорэ ман гозаштэ
Гозаштэхо гозаште
Ке миравам бэ суй-е сарневешт.

Дохтарэ зибо
Эмшаб бо то мимонам.
Дохтарэ зибо
Эмшаб бо то мехмонам...

У нас бы сказали: «Давай сблизимся и разбежимся». Там по-другому: «Красавица, я сегодня с тобой останусь. Я сегодня твой гость. Весна моя прошла. В жизни всё проходит. Поэтому поцелуй меня в последний раз, и я уйду в сторону своей судьбы».

Ахмад частенько баловал нас отменным пловом.

Возьмёт огромный, будто банный котёл, казан. Нальёт на дно растительного масла. Масло своё, какое-то особенное, исключительно вкусное. Сверху морковь, репчатый лук — крупный, сладкий. На овощи — мясо: телятина или баранина большими кусками. (Такого мяса как «свинина» для них в природе не существует.) Дальше — рис горой. Закроет тяжёлой крышкой казан — и на костёр. Часа два, два с половиной всё это дело на огне стоит. Крышку открываа-а-ает... Ду-ух невероятный!

Рук своих Ахмад никогда не мыл. Раковину, кран с холодно-горячей проточной водой, кусок душистого мыла — всё это разом заменяла ему бурая тряпка, которой не давал он ни покоя, ни продыху. Утирка впитывала в себя соки и запахи каждого блюда, соки смешивались, на жаре доходили. И уже следующее кушанье в его волшебных руках приобретало какой-то особый цимус, неповторимую пищевую формулу. Каждый из нас тоже пытался готовить, но так вкусно не получалось. Мы гадали: «Он специи какие особые кладёт или шепчет над едой чего?» Не может быть, что всё дело в тряпке. К ней все потихоньку привыкли. Тем более, на приёме у губернатора я видел такие же. Их подавали на десерт, к чаю. Каждому свой чайник, блюдечко с восточными сладостями и, в качестве салфетки, для утирания губ, рук — тряпицу...

Хуже другое: у Ахмада постоянно был насморк.

Прозрачная, словно из горного источника, капля всегда висела у него на кончике носа. Он никогда не шмыгал, не втягивал её дыханием внутрь. Только стряхивал пальцами или ждал, когда упадёт сама. Пальцы оботрёт о тряпку и дальше готовит.

Однажды он шёл с огромным блюдом плова. (Мы принимали местных партийных вождей.) Обе руки заняты. Капли из носа, будто из неладно пригнанного краника, летели одна за другой на парящую баранину с рисом и овощами...

Наше обращение в местную кулинарную веру на этом закончилось.

Уволили мы афганца за эти сопли.

Сами стали готовить.

Однако допекали нас и другие заботы.

Изнуряли не только жара, нехватка кислорода, но и постоянное напряжение.

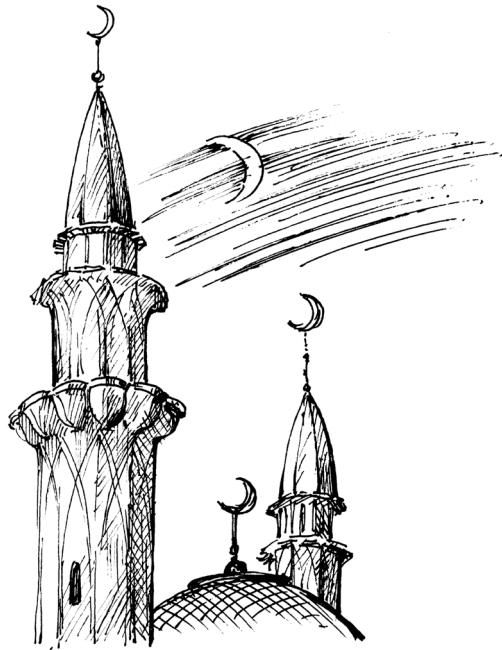
Город Айбак — место беспокойное.

Три года, сотни дней и ночей на войне, в чужой враждебной стране, под пулями.

Днём — мирная жизнь. Всё тихо, спокойно, замечательно. Солнце светит. А где-то с полвосьмого, только начинает смеркаться, первые, отдельные: «Бук! Бук!» Стемнело. И — сплошная канонада. Трассирующие пули. Всю ночь. Не прицельно, просто так. Я удивлялся: кто в кого? На хрена это нужно? С рассветом — стихает, стихает. Всё. Стихло.

Хотя стреляли не всюду.

В Кабуле, при посольстве, под охраной было покойно. Доходило до курьёзов. Один офицер из центрального аппарата в рапорте так и написал: «Прошу разрешить мне остаться в Афганистане ещё на один срок, потому как у меня в Подмоскowie сгорела дача, а другого способа заработать на её восстановление я не вижу».

Фархад

*П*олитическая обстановка в Афганистане складывалась крайне сложная. Шла затяжная гражданская война...

Бандитствующих группировок насчитывалось более ста. Из них две, ну совсем одиозные: одна воевала за Исламскую партию Афганистана, где главарём Гульбуддин Хекматиар, другая — за Исламское общество Афганистана, где — Бурхануддин Раббани. Все они против народной власти, а эти две ещё против всех. Мы были не особо щепетильными и пытались сотрудничать с каждой.

Прибежит человек от Раббани:

— О!!! Банда Гульбуддина пришла! Выручайте! Надо их вашими силами погрозить.

Мы собираемся. Мчимся. Грохаем.

— Ташакор! — Спасибо!

В следующий раз наоборот: уже посланник от Хекматиара. Нас опять долго упрашивать не нужно. Опять едем, помогаем бандитам уничтожать друг друга. (Стараемся перехитрить всех.)

Загадка: почему при такой тонкой дипломатии мы постепенно остались без друзей, а количество «бородатых» прибывало, прибывало?..

Война велась кяризная, тайная. Кяризы — подземные ходы, устроенные когда-то для орошения. Люди возникали из них днём и ночью, как призраки... С китайским автоматом, с камнем в руке. Победить в такой войне без агентурной работы нельзя.

Местный губернатор Себгатулла Мухаммади ни к одной из правящих партий не принадлежал. У него свои подконтрольные банды. Мы снабжали Мухаммади советским оружием, — он подобострастно заигрывал с нами и, стараясь угодить, знакомил с нужными людьми.

Одним из самых полезных оказался Фархад.

Губернатор представил его как своего человека, на которого можем рассчитывать. Фархаду шёл девятый десяток. Весь благообразенький такой, с белой окладистой бородой. Ходил с «кольцами» на голове, как в Иордании. Сам родом из Узбекистана. Его родители ушли оттуда во время войны с басмачеством. Он не видел ни советской жизни, ни жизни при царе. Знал только: Узбекистан — его родина.

Старик относился к нам с интересом, уважением. Каждую неделю приносил огромный поднос жареной маринки, укрытой белой тряпицей. Эта азиатская рыба смахивает наружностью на нашего сига, но наштигована костями хуже леща. Однако у советской рыбы им есть хоть какое-то обоснование: эти нужны для поворота хвоста, те для поддержки спинного плавника. В маринке кости натканы бессистемно, под разными углами, в каждом миллиметре. Как будто специально. Все косточки мелкие, острые. Хотя на вкус рыбёшка бесподобна.

Мы старались отвечать добром на добро: щедро снабжали старца боеприпасами, соблюдая местную традицию «бадал хистал», усаживали гостя на почётное место, подавали в красивой пиале зелёный чай с конфетами. Старик каждый раз с интересом разглядывал портрет Ленина на стене и степенно приступал к трапезе. На Востоке голова, убелённая сединами, — символ мудрости и богатого жизненного опыта. Судя по Фархаду, — так. Четверо сыновей, здороваясь с ним, скрестив руки на груди, почтительно кланялись, а затем целовали отцовскую руку. Год назад двоих убили в междоусобицах. Фархад готов был моджахеddeинов голыми руками рвать. Через него мы получали о бандах наиболее ценную информацию.

Войсковые командиры и по сей день не догадываются, скольких ребят удалось сохранить благодаря информации, доверительно полученной от этого тихого старца.

***

Дислоцированный по соседству с нами десантно-штурмовой батальон из состава полка в Мазари-Шарифе охраной не занимался. ДШБ проводил боевые операции. То в составе группы войск, то отдельно.

Как-то раз у десантников ночью с поста в карауле ушёл солдатик. Ушёл, оставив и автомат, и подсумок с рожком. Прошло трое суток. На четвёртые к нам приезжает их капитан Зобов из особого отдела на бронетранспортёре. (Нигде особистов не было, а в этом ДШБ был.) Интересуется:

— Не слышно ли по вашим каналам, не проявлялся ли где боец? У нас мотодой пропал.

— Когда?

— Четыре дня назад.

— А что же вы, миленькие, четыре-то дня?..

— Хотели своими силами.

— Ну, допустим: сутки своими силами. Ни в части, нигде его нет. Почему после этого не раскнуться совместно? У нас, слава Богу, связи ого-го: от Маза-ри-Шарифа до Кундуза. Люди к нам сами тянутся с гор.

Это было утром, часов в одиннадцать, а вечером, с наступлением темноты, пришёл к нам Фархад с сыном и сообщил:

— Объявился в банде советский солдатик.

Ясно: тот самый дезертир, другого нет.

Чтобы не наскочить на патрули, ненужные проверки, агенты заночевали у нас. На следующее утро, до рассвета, опять особист заявился. Связи мобильной не было. Хочешь не хочешь, чтобы расспросить или рассказать о чём, способ один — ножками притопать. Ему навстречу из ворот — Фархад с сыном. (Плохо, когда осведомители попадают на непосвящённым на глаза, но всего не предусмотреть...)

Я капитану сообщаю:

— Ваш солдатик в банде. Завтра в восемь вечера его передадут в ХАД, они — нам, мы — вам. Без всякой стрельбы.

— Откуда узнали?

— Пресс-конференция закончена...

Развернулся, уехал недовольный.

В батальоне нам выделяют БТР и двух бойцов.

Сажусь на панцирь, держусь рукой за ствол пулемёта. Федя — рядом. Машина идёт плавно: то поднимаясь в гору, то опускаясь, повторяя ходом рельеф местности. Через корпус передаётся вибрация бронетранспортёра, напоминающая воинственную дрожь. К тяжёлому запаху выхлопных газов примешивается солоноватый привкус иссушенных стужей и ветром кровоточащих губ. Волнение сначала захватывает, потом постепенно отпускает. Каждой клеточкой ощущаешь ровную работу сердца боевой машины. Рокот двигателя успокаивает. Луна прямо по курсу. Жёлтая, с оранжевыми прожилками. Огромная, выпуклая, близкая. Она висит над гребнями гор, касаясь вершины. Под ней ярко освещённый склон хребта. Чем дальше от луны, тем слабее просматривается рельеф гор и, наконец, сливается с непроглядным небом. Но я знаю, что эта чёрная зубчатая гряда проходит за моей спиной и замыкает круг, образуя огромную чашу. По дну её мы и двигаемся.

Свет фар выхватывает впереди маленький клочок дороги, и от этого кусочка

жёлто-серой земли ночь вокруг кажется ещё темнее. Проходит час, втягиваемся в ущелье. Маленькая речушка, что бежала вдоль дороги, резко уходит вниз. Справа — бездонная пропасть. Слева — отвесная скала. Приезжаем в условленное место. Глушим двигатель. Ждём... В восемь — нет никого. В полдевятого — нет. Луна спряталась за тучи, и ущелье, словно паранджой, накрыла пустынная беззвёздная ночь. Стоим в крошечной темноте. Рядом овраг. Слышим цокот... То ли лошадь в поводу ведут, то ли верхом едет кто.

Внезапно в той стороне, откуда должны привезти беглеца, — автоматная трескотня. Пять минут, десять... Сначала унялась пальба, затем разбуженное горное эхо.

Вообще всё стихло.

Подождали ещё недолго. Делать нечего, развернулись — и обратно, в Айбак.

Наутро прибежал работник ХАДа. Глаза — по пять копеек: в конкурирующей банде узнали, что захвачен в плен советский солдатик, собираются сдавать, — пошли на перехват. Естественно, столкнулись, популяли друг в друга в темноте и успокоились. Местные товарищи обещают: «Через сутки мы вам приведём его на то же место».

Мы — десанникам: «Не дёргайтесь, он в Карачабулаке».

— Ах, в этом кишлаке...

И командир ДШБ майор Деревский, не предупредив никого, повёл туда всю свою танковую армию: двадцать бронетранспортёров. Окружили кишлак, захватили в заложники тридцать уважаемых старцев, привезли в свою часть на броне и усадили под дулами автоматов на землю. Старики по-своему что-то: «Бур-бур-бур». А стратег Деревский поводит у них перед носом дулом автомата и ультимативно заявил:

— Не выдадите солдатика — мы вас кончим.

И над самой головой у аксакалов от пояса — очередь.

***

Вечером, со второй попытки, мы забрали-таки солдатика у хадовцев, привезли к себе на виллу и приступили к дознанию: «Откуда родом? Почему ушёл? Где содержали в плену?»

Он из деревни, молдаванин, фамилия Пержу... Если к этим трём бедам добавить неполное среднее образование, затюканность и забитость ещё до службы — картина будет полной! Бумажку какую-то в местном военкомате заставили подписать и забрали. Железную дорогу, паровоз увидел первый раз, когда в армию везли. Мать с отцом, сёстры живы. Все с малолетства батрачат.

Мы ему доверительно:

— Ну, сынок, и чем бы ты стал у них заниматься?

Еле шевелит опухшими губами:

— Пас бы овец. Афганцы бы меня кормили.

Короче, то же самое.

И, бросаясь от меня к Феде, умоляет:

— Не отдавайте им. Не надо!.. Иначе я и «дедов» постреляю, и... себя.

— За что?!

Оказывается, в ДШБ старослужащие развлекались, отдавая непонятливым и нерасторопным «сынам» приказ: «Душу к бою!» Услышав его, рядовой Пержу выпячивал грудь и получал от «дедушки Апрельской революции» удар кулаком по второй сверху пуговице.

— Раздевайся!

Дезертир обречённо стащил с себя хэбэ, грязную нательную рубаху...

Мы оторопели: грудь была изуродована иссиня-бурыми гематомами, так называемыми «орденами дурака». Он стоял перед нами голый, щуплый, истерзанный, приговорённый на такую судьбу за несуществующие грехи... ещё совсем ребёнок... и добавить к этому было нечего.

В этот момент я мысленно простил ему всё!

Никаких идеологических мотивов для побега не существовало. Выдать военные секреты он был не в состоянии. Устройство БТР для него — чёрная дыра. Просто пареньку с сослуживцами не повезло. Ведь в Афганистане нередко случались и «неуставные отношения», когда «деды» в бою прикрывали собой молодых.

Доставили мы его в родную часть. Зобов с порога встретил беглеца чуть ли не мордобоем.

Я офицеров предупредил строго:

— Та-ак. Специально узнаю: если кто ударит или что другое... Не обижайтесь!

Деревский, его замы сразу попритихли, приуныли. Они, видно, планировали разорвать парня на куски и доложить, что таким и нашли.

Пленные аксакалы сидят в пыли, в дрожащем мареве. Держатся с достоинством. Степенно переговариваются. Что они думают о нас? Как теперь убедить их в благородстве помыслов «шурави»? Среди заложников наш помощник — дед Фархад. Глазами встретились, разошлись.

Я собрался уезжать, пошёл к машине. Особист вызвался проводить, чуть отстал.

Вдруг слышу сзади:

— О! Дед! Знакомая борода! Ты что ли тогда к «комитетчикам» приезжал? Чё молчишь?..

Холодный пот выступил у меня на спине. Я резко повернулся. Капитан Зобов навис над Фархадом. Тот сидел, невозмутимо устремив взгляд вперёд. Дехкане беспокойно зашевелились и с гневом разглядывали старика.

— Капитан, подойдите ко мне...

Скомкав беседу с Зобовым, едва выдавив на прощание приличные слова, я уехал.

Но непоправимое случилось...

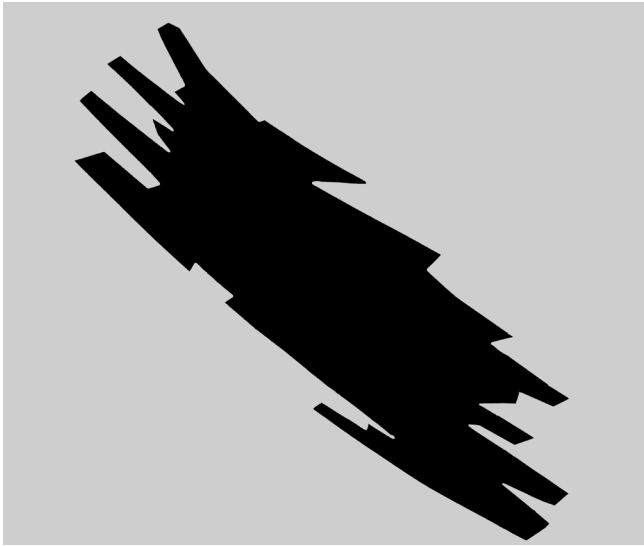
На следующий день сын Фархада принёс нам страшную весть: «Отца убили моджахеды за то, что якшался с советскими».

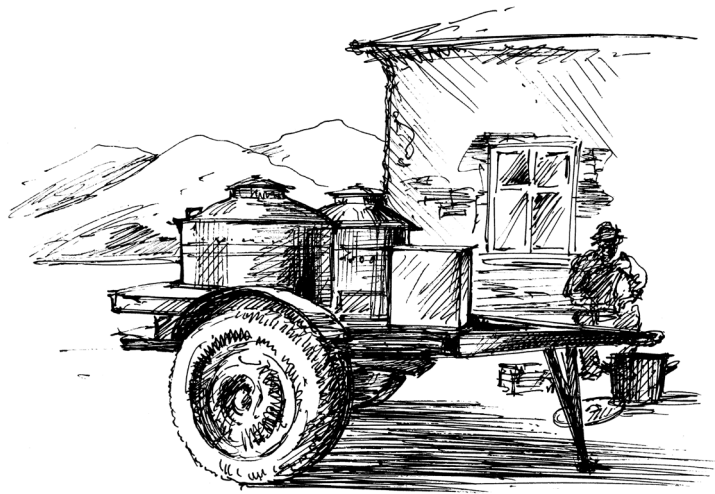
Такого обвинения для смертного приговора было более чем достаточно.

***

Парня-солдатика отправили в Союз, в стройбат. Майора Деревского после этой операции прозвали Дубовским и направили в академию. Контакты с ДШБ мы свели к минимуму, но полностью исключить их не могли. Служба есть служба.

Своих не выбирают.

Глаша

Когда ветераны вспоминают войну, сквозь расстояния, годы вырастают перед нами в исполинский рост бойцы-герои; вновь звучат сухие приказы командиров; с коротких привалов слышатся заученные, будто молитва, строчки письма из родимого дома; в часы затишья между боями тревожит душу нестройная песня.

Но однополчане бывают разные...

Целые легенды слагают фронтовики о своих безмолвных спасителях и верных друзьях. Грозных или заботливых, в зависимости от задач, на них возложенных. Гвардейский реактивный миномёт и трудяга-грузовик, дивизионная пушка-говорунья и отполированный мозолистой ладонью штатный автомат. Эти стальные сослуживцы хлебуют лиха по полной. Даром, что без плоти-крови. Металл ведь тоже имеет свойство уставать... Присваивают тогда благодарные бойцы бездушной единице вооружения имя личное. Величают ласково: «Катюшей», «Максимом», «Макаром», «Лебёдушкой». И становится серийный образец с заводским номером близким фронтовым другом.

Никаких «Катюш» в нашем подразделении КГБ не числилось, однако и у нас была своя стальная колёсная подруга — полевая кухня.

Звали мы её ласково — Глаша.

***

Расформировывали команду «Скат», скомплектованную из представителей МВД. Вороватая была структура... Возможно, поэтому аббревиатура их министерства всегда звучала в транскрипции сотрудников «конторы» уменьшительно-ласкательно — «мэндэвэ».

Идёт из Союза новая техника в Кабул. Они её сопровождают, стерегут и одновременно, когда что понравится, берут себе. Изымают, к примеру, автомобиль «Волга», немножко простреливают и героически докладывают:

— Во время транспортировки попали в засаду душманов. Одна машина серьёзно повреждена. Простите. Извините. Слава Богу, остальные целыми доставили, и сами живы.

А машину отгоняли обратно в Союз и по отработанным каналам всё шло, как положено...

В Афганистане они как бы служили в составе отдельных частей, как бы советниками местной милиции — царандоя. Обеспечение автономное: при себе полевые кухни, электростанции, радиостанции. Командование — человек двадцать. Старшим — чин не ниже заместителя начальника УВД.

В части, расположенной в Айбаке, командир — с Украины. Он считал себя дважды полковником. Первый раз ему звание присвоили, когда уезжал в Афганистан. Прибыл — вслед реляция пришла повторно.

И вот расформируют этот «Скат». Всё мало-мальски ценное они увозят обратно в Союз, а с полевой кухней не знают, что делать. (Сейчас в таких гудрон варят; снаружи чёрная, страшная, внутри — два пищеварочных котла.) Передвижная кухня была смонтирована на базе одноосного прицепа, но в первый же месяц службы в Афганистане колёса удачно «толкнули». С тех пор кухня сиротливо стояла на самодельных деревянных полозьях. Попробовали перед отъездом «втюхать» её соседям в мотострелковый полк за бутылку технического спирта. Не удалось! Решил тогда отец-командир, на правах посланника Великой державы, подарить походную кухню губернатору тамошней провинции в целях дальнейшего укрепления международного сотрудничества.

Принайтовали они кухню тросом к уазу, воткнули пониженную передачу и потащили по пыльным улочкам Айбака на глазах изумлённых мусульман. Полозья оставляли после себя глубокие борозды, печка на ходу топилась, дымом попыхивала, точно в сказке про Емелю. (Мы с Федей оказались невольными свидетелями этой «презентации».) Когда въезжали во двор, зацепили ворота. Страшный грохот разбудил мирную резиденцию. Створка сиротливо повисла на одной петле и застыла. На крыльцо выскочил губернатор с гаремом. Широко распахнутыми от ужаса глазами хозяин взирал, как гости уничтожают цветочную клумбу и победоносно продвигаются к парадному крыльцу, сея разруху, ужас... всё ещё считая, что делают подарок. В полную силушку демонстрируя мощь Советского Союза. И — гвоздь программы! Перед виллой напыление асфальта — взрывают. Наконец разочарованно останавливаются. Упитанный дваждыполковник выкатывается из машины, хлопает дверкой. Едва удостоив Федю вниманием, бросает:

— Переведи! — и на одном дыхании, с пионерским задором рапортует. — Дорогой Себгатулла Мухаммади, спасибо вам за службу с нами вместе, вы

нам много помогали. Мы хотим отблагодарить вас. Примите от нас бакшиш! Знаем, готовите на открытом огне по причине беспросветной вашей феодальной отсталости.

Он решительно шагнул к главе провинции и троекратно обнял его по-афгански. Губернатор знал, что по правилам международного этикета нужно изобразить на лице признательность, счастливую улыбку, высокопарно поблагодарить, а у него на глаза непрошено навернулись слёзы, руки мелко задрожали.

Наконец он стоически выдавил:

— Спасибо... уезжайте!

Я мысленно охарактеризовал такое поведение губернатора «маниакально-дипломатичным».

Милиционеры подались восвояси. Мы с Федей заинтригованы. Предательски подталкивая друг друга, с опаской приближаемся к дымящейся кухне. Открываем крышку. В котле, что побольше, жидкость какая-то закипает. Поддаём черпаком... После «второго» бак отмачивали и не помыли!.. Жара. Вонь жутчайшая...

Губернатор чётки перебирает быстро-быстро. Ему плохо, еле стоит, а туда же... Под вой гарема подходит следом, берёт черпак, на ощупь зачерпывает со дна... вытягивает шею... видит горячую бурю жижу. Бледнеет. Безвольно разжимает пальцы. Черпак со шлепком падает. Лицо высокопоставленного афганца сводит непротокольная гримаса.

Когда речь вернулась, он жалобно, убитым голосом произнёс:

— Пусть они уедут, совсем. Вы, пожалуйста, заберите это... Я вам мм-мандаринов, ап-пельсинов... (Типа: озолочу!)

И вот, словно переходящий вымпел, настоящая армейская кухня: от милиционеров — губернатору, от него — нам. У всего личного состава приятных ожиданий, связанных с трофеем, радужных прогнозов — выше нормы.

Притащили мы беспризорную полевую кухню к себе, отдраили, отчистили её, через тыловиков достали колёса, установили и откатали под навес, в тень. Теперь ей предстояло стать кухней пустыни. Может, изловчимся сготовить на ней чего-нибудь жиденького, горяченького? Две недели на сухпайке. Извелись вконец.

Дровишек у нас, слава Богу, хватало — горы ящиков от снарядов. Без них бы — беда! Дров в Афганистане, в привычном смысле этого слова, нет. В долинах редкие ивы и тополя. Полукустарничек терескен — единственное топливо.

Но ведь сама кухня готовить не будет. Шеф-повар нужен...

Утром, пока не жарко, построил я четверых солдат из отделения связи.

— Та-ак, первый вопрос. Кто умеет готовить?

Молчат безответные существа...

— Та-ак. Хо-ро-шо... — я произнёс это таким тоном, чтобы было понятно всем: «ничего хорошего молчание не сулит». — Кто из деревни?

Все из деревни. Я самому долговязому, белобрысому:

— Как звать?

Тот, перетаптываясь с ноги на ногу, нехотя признаётся:

— Лёха...

— Как служба, Лёха?

— Ничё... Лучше песок на зубах, чем иней на яйцах.

— Мудро. Дома готовил?

— Ну, готовил... Но у нас всего-то, картошку сварить...

— Ты давай дурака не валяй! Откуда в пустыне картошка? Будешь кашу варить.

Так Лёха прошёл кастинг.

Солдатики, подтрунивая над ним, разошлись.

Когда солнце нехотя сползло с зенита, Лёха обречённо напялил выданные поварской колпак и передник. Открыл кулинарную книгу. Затем немотивированно-тревожно гремел пустым ведром, принёс из арыка воды. Долго растапливал печь. Движения бойца были замедленными, неуверенными.

Я, не привлекая к себе внимания, пас его.

Новообращенец, вцепившись двумя руками в длинный черпак, размешивал тягучую горячую массу; подливал, при необходимости, воды из ведра; захлопывал крышку котла, когда «афганец» — ветер пустыни — поднимал облако белой раскалённой пыли. При сильных порывах и Лёха, и поварская машина угадывались силуэтами, точно в пургу.

Блюдо было анонсировано как «манная каша на воде» — самое простое из того, что дебютант мог. В алюминиевой кастрюле он принёс для офицерского состава богатую порцию с добавкой. (Кто-нибудь из вас ел нечто подобное? Будет возможность — не ешьте...) От Лёхи никто ничего не ждал, но даже такой настрой оказался радужно-оптимистичным. Тёплые синюшные разводы настораживали, манная смесь пригорела, на зубах хрустел песок. Не спасло биомассу даже то, что шеф-повар щедро умаслил её комбижиром.

Но как бы там ни было, завтрак состоялся. Лиха беда — начало!

Я испытывал за Алексея тихую гордость...

Однако возрадовался я рано. На следующий день личный состав любовался восходом и закатом солнца через дуршлаг пулевых пробоин в стенах сортира.

Причём главной задачей стало не добежать туда — донести. Вокруг не утихали разговоры о брюшном тифе и холере, о малярии и гепатите. Только медсанбата здесь не хватало! Военная медицина — она ведь чудеса творит в хирургии, а прочие болезни... Как повезёт.

Назначаю в наряд по кухне другого. Опять не то... Следующего. Всех солдатиков перебрал. Примерно на одном уровне — хреново.

В итоге всех выручил наш шифровальщик Володя из Смоленска. Смотрел он, смотрел на этот аттракцион — и вызвался кашеварить. Его поварское искусство граничило с шаманством. Кухню он любовно нарёк Глашей. Гладил горячие дородные бока её, что-то интимно нащёптывал. А та в ответ за доброту-ласку — аппетитный плов или макароны по-флотски. Чудо — не печь!

Когда случались крупные праздники, мы устраивали застолье вместе с Мухаммади и подшефными руководителями по направлениям. Домами дружили! В годовщину Саурской революции (с чего вся эта калобуда началась) губернатор устраивал приём у себя. День Октябрьской революции или Первого мая отмечали у нас. Местные загодя приносили на праздник свежее мясо, овощи, в изобилии гранаты, арбузы, дыни. С нас — спиртное.

Накануне Великого Октября губернатор привёл к нам птицу. Что за порода? — не знаем. Внешне походит на страуса. Такая же здоровая, голенастая. Выше человека. Серая. Клюв мощный. За четыре дня до праздника с ней пришёл. «Пусть, — говорит, — она у вас в саду попасётся». Ну, пусть... Крупы ей насыпали — не хочет. Ходит себе, деликатно листики на кустарнике щиплет. Молча таращится на нас. Мы три дня — с автоматом следом. Не знаем, на что решиться. Но делать что-то нужно, раз мясо само пришло. Мы опергруппа или как? Завтра званый ужин.

Федя передёргивает с лязганьем затвор, патрон — в патронник:

— Я мигом её. Крякнуть не успеет...

Картинно выцеливает, нажимает спусковой курок: «Та-та!»

У птицы полголовой снесло, но такое подозрение, что ей об этом никто не доложил. Как подхватилась, как рванула по двору, расщеперив короткие жидкие крылья. Солдатики от такого змея-горыныча, точно куры с кудахтаньем, врассыпную. Я подпрыгнул и, уцепившись за край дувала, повис на руках. Федя — на походную кухню; приплясывает на крышке, злорадно матерится на фарси. А пегасу катрены и слушать нечем, знай себе носится по двору. Да всё больше иноходью норовит. Ноги длинные, мускулистые. Пыль столбом! Грохот посуды...

Куда?!

Птица метнулась к дальней стене, зигзагообразно проскакала по минным заграждениям. Хитроумные мины-ловушки и система сигнализации растерянно молчали.

Федя вновь вскидывает к плечу автомат. Дуло широко рыскает по воздуху, не поспевая за мельканием неумённого афганского птеродактиля.

Хрипло кричу:

— Не стрелять! Живьём брать...

Бойцы растянули пеньковый канат и пошли цепью. Страус, повалив солдат, прорвал строй. Со второго захода окружили вражину плотным кольцом, навалились оравой. В схватке наметился перелом. Птица последний раз дёрнулась, затихла. Одолели! Бойцы поднимаются с земли: хэбэ в пыли, в крови, в крупных пуховых перьях. На лицах радость. Хороши!

Федя, войдя в раж, растолкал солдат и от всей души пнул пернатого. Дичь оттащили волоком на кухню, а он ещё долго не мог успокоиться...

Была джума — пятница, выходной день на Востоке. (Тяница — по-нашему.) На праздник собралось всё руководство Айбака: партийное, армейское, милицейское, наш аппарат — вместе со своими «воспитанниками». Советские войска ведь не в одиночку воевали с бандитами. Из сторонников Саурской революции мы создавали подразделения по своему образу и подобию: посланники КПСС «нянькались» с партийными функционерами из Народно-демократической партии Афганистана; армейские советники из СССР формировали отряды «сарбазов» — правительственных войск; МВД — местную милицию «царандой»; «контора» по аналогии создала афганский КГБ — Хадаматэ Аттэлоатэ Довляти, ХАД. (Сотрудников этой службы мы величали «хадовцы», а их детей «хадёныши».) Советские специалисты для подшефных структур были советниками, «мушаверами». Не зря же мы приехали из страны Советов. Но поскольку наши щедрые советы редко приводили к успеху, аборигены постепенно перестали к ним прислушиваться, хотя водку за компанию распивали охотно...

Столы накрыли прямо во дворе.

Из бешеной курицы Володя приготовил плов. Вкуснотища!!!

Спиртным руководство зоны обеспечило щедро, но на таких массовых мероприятиях водка почему-то заканчивалась быстрее, чем хотелось...

Вечер двигался к концу. Тосты за мир-дружбу, за сотрудничество и победу сказаны. Водку разлили по бокалам, осталось полбутылки. Все понимают — последняя. И тут Себгатулла Мухаммади важно встаёт. С головы до пят в парадном облачении: длинная, до колен, рубаха-каμισ; широкие штаны-партут, плотно подпоясанные золочёным кушаком; вышитая безрукавка «садрый», с четырьмя карманами и огромной чеканной застёжкой. В белоснежной чалме. Орёл! Губернатор торжественно берёт в правую руку полный бокал, левой пододвигает бутылку к себе... и... указательным пальцем... затыкает горлышко... («Моё!»)

Федя толкает меня коленкой под столом:

— Как в том анекдоте: «Наху!.. наху!.. — закричали гости. — Водку оставьте на столе!»

Губернатор окидывает всех долгим пронизательным взглядом и обращается к дорогому собранию:

— Рафакое махтарам!.. («Товарищи уважаемые!»)

Высокопарно. Вдохновенно. Весомо. И пальцем горлышко бутылки страхует...

Его можно понять. Восточные речи красивые, длинные. Мало ли что за это время в такой разношерстной компании с водкой случится? (Укоряй себя потом за беспечность.) А тут — без вариантов... Можно, не отвлекаясь, полностью сосредоточиться на докладе.

— Уважаемые товарищи! Мы благодарны за вашу помощь нам. Советский Союз — лучший друг Афганистана. Он первый заключил с нашей страной договор...

Ленина вспомнил, Аманнулу-хана. Того-то, кстати, как звали?.. Да, Аманнула и звали. В девятьсот девятнадцатом этот Аманнула провозгласил независимость Афганистана от Великобритании и — бегом к Ленину. Тоже не признанному руководителю непризнанной Советской Республики. Брататься. История умалчивает, кто кого первым признал, но именно в этом заключалась дружба между нашими народами, что друг друга мы признали. Судя по всему, государственные отношения между лидерами строились по формуле: «Ты меня уважаешь — я тебя уважаю. Мы с тобой уважаемые люди!»

Праздник закончился на высоком идейном уровне. Губернатор до уазика добрался на своих ногах, тела его соратников традиционно пришлось относить на руках.

Ещё один кирпичик в фундамент дружбы народов был заложен.

А в свою передвижную кухню мы единодушно влюбились, в минуты благоговения уважительно величая Глафирой. Лёха изобразил на борту с одной стороны красную звезду, с другой — гвардейский значок. Не кастрюля на колёсах — машина боевая!

В оперативной группе отсутствует знамя части, как в строевых подразделениях. Поэтому при расставании, на память, мы снимались у родной походной кухни. До сих пор у моих сослуживцев в домашних альбомах, как реликвия, хранятся снимки, где все мы, устремлённые взглядами в объектив, а чуть поодаль Глаша — наша боевая подруга-кормилица. Полевая кухня, которая разделила с нами судьбу и, как могла, скрасила военные будни и торжества.

Афганская ёлка

Заканчивался тысяча девятьсот восемьдесят третий год.

Скоро новогодние праздники. В этот раз мы решили раздобыть ёлку любыми правдами-неправдами.

Только какое празднество без женщин...

Мужчины — воины. Так. Но если нет возможности пройтись перед самкой, развернув во всей красе своё опалённое боевое оперение, и бросить к её ногам поверженный штандарт — вкус победы теряется. Да и нести службу здоровым, энергичным мужикам без женской ласки-тепла тяжело. Ведь помимо воинских уставов существует ещё закон природы. Ему подчиняются и слоны, и мышки.

Нашего старлея Фёдю сексуальная озабоченность не отпускала ни на минуту. У него был гормональный склад ума... Худой, с длинной шеёй, выпирающим кадыком, он не просто ходил — рыскал по сторонам, будто двуглавый дракон. (А вдруг?) С ним говоришь, однако полной уверенности нет, что управляет им та голова, которая под фуражкой. Чувствуешь: сосредоточен он не на интернациональной помощи братскому народу Афганистана, не на запоминании паролей и явок — другое Фёдю томит.

Мне контролировать эмоции было легче. Никогда не забывал: первым делом — долг, присяга, приказ. Без таких понятий в «конторе» не служат. Окинь взглядом старушку Землю — где-то обязательно идёт война. А мы боремся за мир. Боремся с оружием в руках. В точках «горячих» и самых «холодных» — сотрудники наших спецслужб. Там благодать, где мы! Если мы будем везде, везде будет любо-дорого поглядеть.

Но влияние «правильных» мыслей к вечеру слабело и у меня. Дни слагались в недели, месяцы. Месяцы — в годы... И всё один. А так мечталось, если не потрогать женщину, то хотя бы посмотреть на неё. Издали... одним глазком... краешком глаза.

Хотелось сладкого!

За два года службы в Афганистане нам с Федей удалось полакомиться лишь однажды. Это случилось в Кабуле, самой близкой точке от Айбака, где служили вольнонаёмные советские женщины. Находились они там под жуткой охраной, за высоченным забором.

В тот день всё как на грех складывалось против нас: и весна, которая полонила восточный город, и волшебный воздух, который дурманил, и даже бело-снежные вершины близких гор, которые, точно невесты в подвенечных нарядах, выстроились под солнцем...

Мы ни на что и не рассчитывали... Так, нехотя поинтересовались у своих кабульских коллег... А те всерьёз... Вот, чудак! Нашли нам дивчину со спорной внешностью, пояснив, что «красивых они берегут для мужчин без воображения».

Деваться некуда...

Вывезли мы эту отзывчивую царевну-лягушку с территории воинской части старым шпионским способом — в багажнике «Жигулей-копейки». Маркитантку нам отдали под честное офицерское на три часа...

Федю после свидания я не узнал: он впервые, ни с того ни с сего, сам завёл разговор о службе. Горячился — и говорил, говорил... А я молчал.

Тихо угасал весенний день. На закате солнца малиновый жар окатил скалы и ветки цветущего граната тревожно-багровым. Песчаный афганец студил лицо, охмуря терпким запахом саксаула...

Неужели это и есть запах жизни?

***

Позже выяснилось, что совсем близко, в десантно-штурмовом батальоне у майора Дубовского тоже служили по контракту наши гражданские девчата. Да не одна — две. Целых две!

Молодые девицы. Одной лет двадцать, пермячка. Она заведовала секретной частью и библиотекой. Стихи писала. Всё в белую рифму, заумно:

Родина далеко,
А я вот здесь в горах Афганистана.
Солнце садится, мне кажется — на моей родине...

Вторая — работник военторга, чуть постарше, но тоже детородного возраста. В магазинчик завозили какие-то продукты, промтовары. Она отпускала их за чеки Внешторгбанка.

До этого мы отоваривались на кишлачной площади, в дукане — местной лавочке вроде кибитки, слепленной когда из картона, когда чёрт знает из чего. При всём том товары там японские, западногерманские, американские: «Sony», «Panasonic», «Sharp», «Wrangler»... Первый раз видели, как одетые во что попало, сопливые, чумазые мальчишки жонглируют дефицитной продукцией. (Совсем маленьких в Афганистане не моют вообще: по местному поверью, слой грязи сохраняет от злой напасти.) Тут же кучки дров: их продают на вес, укладывая кривые сучья на чаши самодельных рычажных весов. «Бочата» ругаются по-русски без акцента: «Русские, уезжай домой».

— Цц-щас!

Узнав про советскую торговую точку — «чекушку», мы единодушно решили не носить свои «боевые» в дукан. К тому же появилась легальная возможность регулярно бывать в ДШБ, разбавляя тягучее суровое мужское одиночество женским обществом. Мы приносили девчатам сувениры, подарки. Я, когда удавалось, собирал для них среди камней букетики жёлтой ферулы и голубоватых мятликов. Они удивлялись такому вниманию и смущались.

Однажды Маринка-продавщица, дождавшись, когда десантники выйдут из магазинчика, бросилась в слезах мне на шею. Вся взъерошенная.

— Марин, что случилось?

— Всё, я больше здесь не выдержу-уу... Наташка помоложе, раньше сломалась. Я тоже больше этого выносить не могу. Через неделю сменщицы, прилетает борт. А пока можно мы у вас поживём?

Оказывается, их имели право пользоваться командир Дубовский, его зам, замполит и начальник особого отдела. Остальные — уж как по-лучится... Если, к примеру, замполит «прорабатывает», то низшие терпеливо ждут. Только командир может вклиниться без очереди: «Ну-ка, давай её сюда!»

Переехали девчата к нам, а всё успокоиться не могут.

Маринка в отчаянии призналась мне:

— Ещё бы месяц жизни с «рембовиками», я бы или покончила с собой, или свихнулась. Это ж невозможно.

Я с задержкой дыхания в ответ:

— Марин-нн... У нас тоже народ т-такой... озабоченный... годами не обихоженный!

Ребята молча перетаптываются в сторонке, пожирают глазами сказочную гостью, слюной захлёбываются. По губам Феде читаю... поэтические строки: «Как увижу я Маринку, сердце бьётся о ширинку!»

— Да я всё понимаю. Я с удовольствием. Вы милые, вы мне нравитесь,

власть не показываете. Цветы дарите. Но не могу... Как вспомню эти... ужасы афганской войны. Бррр! Дайте денёк-другой в себя прийти. Оклемайтесь.

Договорились. Время пошло. Стрелки вперёд не подгоняли. Ровно два дня, минута в минуту, дали ей отоспаться, подкормили. Всё по-честному.

Проходит неделя. Ми-шестого нет. Штурмовики-десантники на «бэтээрах» вновь нарисовались: в полном боевом, амуницией брякают, глаза шальные, голодные.

Капитан Зобов запальчиво:

— Мы их забираем назад!

Надо было видеть, как начальник особого отдела с замполитом гонялись по двухэтажной вилле за девушками. С этажа на этаж. Прятки — не прятки, догонялки — не догонялки. В особняке куча закутков, два входа, два выхода. Сапоги с металлическими подковками: цокот, топот, визг. Они то туда спрячутся — то сюда. То туда — то сюда.

Офицеры избегались, обыскались, запыхались. Не поймали.

Особист с раздражением:

— Вы сами их прячете. Выдавайте!

Редкие рыжие усы его от возбуждения нервно топорщились.

— Ребята, зачем их сильно насиловать? Вы же видите: не хотят женщины возвращаться. Тем более, они рассчитались с вами вчистую.

— Нет. Мы вам их сдали — вы нам верните.

Душевного разговора не получилось. Тараканьи бега закончились. Пыль осела. Утихло. Девчонки, дрожащие, пунцовые, повыползали из щелей и жалобно, с надеждой:

— Уехали?

— Уехали.

— Фу-у-у...

После этого — пару дней тишина.

Снова прикатывают. С угрозами. Хоть бы в шутку, ан нет, всерьёз.

— Не отдадите по-хорошему — мы технику подгоним, разваляем всю эту малину!

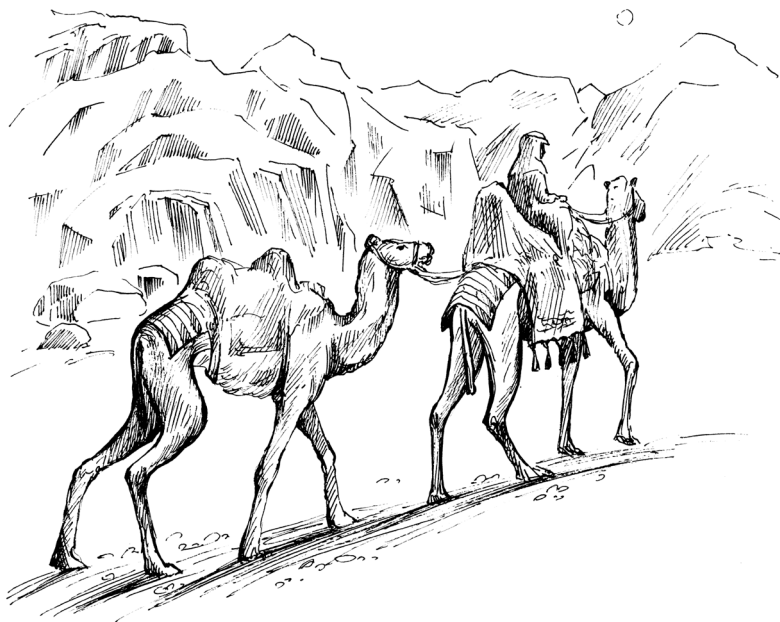
— Я вам разваляю. Сейчас радиogramму в Кабул отправлю, чтобы вас вместе с вашей частью, со всем вашим б...ядством убрали из Афганистана.

Примолкли. Ретировались.

***

К встрече Нового года мы стали готовиться загодя.

С продуктами, благородной выпивкой проблем не было. Алим, вольнонаём-

ный таджик из Союза, ездил на автолавке, обслуживал воинские части. Продавал на чеки. Полный фургон: «дипломаты», чешская-румынская обувь вместе с крабами, паштетами, печеньем, шампанским. Только где достать ёлку?

Опять он выручил.

— Спасибо, Алимущка!

Нормальную лесную красавицу найти не удалось, зато из тугая, приречного леса, он привёз афганскую сосну Жерара. Хвоя крупная, редкая. Промеж себя эту хвойную породу мы упрямо величали ёлкой. Так привычнее и родней. Иначе забудешь: «Как правильно?» (А то у афганцев ведь даже Новый год не 31 декабря, а 16 июля — по календарю солнечной Хиджры.)

Алим любил останавливаться у нас: под охраной, отдельная комната, кровать, постельное бельё. В этот раз он приехал с таким расчётом, чтобы встретить Новый год вместе.

До праздника оставалось четыре дня. Но какой праздник без победы, хотя бы локальной? И решили Руководители войны, под ёлочку, провести общеафганскую войсковую операцию. Как-никак воевать приехали, в смысле интернацио-

налить, а не только шампанское разбрызгивать. Полководцы народной армии, со своей стороны, на таком «вздрыге» тоже настаивали. И сошлись широкие красные стрелы генштаба на карте у Таш-Кургана.

Таш-Курган — вход в горы. Ниже, на уровне реки Амударьи, предгорье. Аму — река капризная, своенравная. Её песчаные берега легко размываются течением, русло непрерывно меняется. Вдоль реки тянутся пески с дикими верблюдами, равнинки, зелёнки с кишлаками. От Таш-Кургана начинается подъём в горы. Горы эти, неприступные, с угрюмыми ущельями, наштигованы базами мятежников, их пещерами, схронами.

Операция спланирована. Обязанности распределены. Народу армейского понаехало немеренно: наше начальство и представители оперативного управления генерального штаба ДРА из Кабула, войска из Кундуза, авиация из Баграма, полк из Мазари-Шарифа. Подтянули технику, какую только возможно, чтобы встряхнуть всю эту мятежную провинцию, показать мощь и силу «шурави». Чтобы откинуть, наконец, бандформирования, а может, и совсем погасить сопротивление. О предстоящих крупных боевых действиях желающие могли узнать загодя потому, что в медсанбат Айбака приехала дополнительная группа врачей.

Колонна, растянувшись на несколько километров, тяжело извивалась по скалистому гребню. В воздухе барражировали вертушки. Шум винтов то стихал, то усиливался: машины огибали крутые изломы ущелья.

Обледенелая, со снежными заносами дорога уходила всё выше и выше. Вырубленная в скалах, она то исчезала среди острых мёрзлых скал и колючего кустарника, то нависала над обрывом. Жаром дышали двигатели боевых машин десанта, артиллерийских тягачей. На подъёмах колёсная техника буксовала, на спусках гусеничная шла юзом. Временами траки многотонной БМД, балансируя на поворотах, рвали лёд, зависнув над пропастью.

Громадные ледяные пирамиды гор стояли на страже в безмолвном величии.

Из тёмных каньонов прядями выползал туман.

Хмурился Гиндукуш...

Ну, ничего.

В километре за городом, перед огромным ущельем, плато. На нём разместилось командование. По сведениям агентурной разведки, именно за этим ущельем укрылся вражина! С отрогов гор в нас постреливают из «буров» (винтовки такие английские с шестигранным стволом): «Бак-пак, бак-пак». Им в ответ советские крупнокалиберные пулемёты мощно и грозно: «Ду-ду-ду... ду-ду-ду...»

Для прикрытия перед фронтом развернули бронегруппу. Но и с тыла раздаются одиночные выстрелы. Ладно. Бронетранспортёры поставили по кругу. Снаряды проносятся над нашими головами с гулом, свистом, грохотом.

А здесь, за бронёй, мирное пространство. Солнышко греет. Время обедать. Генерал командует:

— Товарищи офицеры, война войной — обед по расписанию.

Солдатики устанавливают раздвижные столы, бегают с мисками, ложками. Щедро накладывают первое, второе. По желанию — добавка. Плотно откушали. Генерал обтирает жирные губы. Расщеплённой спичкой ковыряет в зубах, осоловело посматривая в небо. На тринадцать ноль-ноль по сценарию запланирован подвиг: назначен бомбоштурмовой удар.

— Ровно через две минуты наши соколы-орлы прилетят, дадут врагам жару.

Время «Ч». У кого-то непроизвольно отрыгнулось, и снова тишина. Десять минут прошло. Генерал встал, грудь колесом, руки за спину, ходит взад-вперёд.

— Что же они опаздывают? Что за разгильдяйство?! Всё должно быть чётко по времени.

Задержка непредвиденная. Обед закончился, война должна идти дальше, а она не идёт. Он командует, а ничего вокруг «не командуется». Ещё полчаса прошло.

Далёкий гул...

Со стороны Кабула появляются самолеты-штурмовики СУ-25. Идут высоко, красиво, делают большой разворот над театром военных действий и заходят на «капельку», точку сброса смертоносного груза. Все упрёки позади. Генерал разваливается в широком походном кресле и, точно из правительственной ложи, вполголоса комментирует ход батальной сцены:

— Вот сейчас краснозвёздные герои шарахнут «пятисоткой»! Тошно будет гадам.

Глядим: от короткокрылого «Грача» отрывается фугасная авиационная бомба ФАБ-500 весом полтонны и... летит к нам.

Слышен нарастающий грозный вой.

— Ё-о-опш!!!

Генерал вскакивает, фуражкой об землю. Хребет Гиндукуша дрожит от смачного армейского мата. Я по привычке, чтобы сравнить давление на барабанные перепонки снаружи и изнутри, слегка приоткрываю рот.

— Куда?! Куда стреляете?! Куда мешаете?! Куда спускаете?!

Кудахчет, топают ногами, мелко и часто плюётся. Бежать бесполезно. Тут хоть куда «бежи»: эдакая дура — если попадёт, от плато ничего не останется. Но бомба, будто посмеиваясь над нами, с рёвом перелетает ущелье и где-то в горах: ба-ба-ах! Децибелы пожиже, чем от мата, но тоже знатно.

— Так, — удовлетворённо подводит итог генерал, — нормально легла.

Начинает темнеть. Сворачиваем базу — и в Айбак.

Только добрались до кроватей, улеглись — как долбанёт. Стёкла зазвенели. Мы повскакивали, звоним дежурному.

Тот с хохотом:

— Да, ребята, сегодня вам не поспать.

У артиллеристов это называется то ли «блуждающий», то ли «будоражащий» огонь. А может, «беспокоящий». Якобы с целью не дать противнику заснуть. Каждые пятнадцать—двадцать минут залп: ракеты «земля-земля». Через Айбак, через ущелье, куда-то в горы, опровергая старую афганскую поговорку, утверждающую, что «с Гиндукушем не спорят». И так всю ночь.

Не знаю, как душманы, — мы точно заснуть не могли.

Утром на завтрак — фрукты и опять война.

Карты нет. Спрашивают: «У кого есть?» Царандоевцы по рации: «У нас!» Мы на узике к ним. А обстрел из пушек уже начали. (Не простаивать же «богам войны» без дела!)

Заранее по мегафону объявили: «Женщины и дети, покиньте населённый пункт!» Один раз сказали. Два. Не выходят. Всё, начинаем. А что делать?.. Военное искусство тоже требует жертв. Пушки, ракетные установки обрушили шквал огня на хижины бабаев... Кишлак горит. Ветром дым пригибает к земле. Не бой — аутодафе. Привезли карту. Чуть скорректировали огонь. Ещё два часа перепаживали.

Вдруг видим: из горящего кишлака идёт по полю женщина в чёрном. Длиннополье одежды её разметались по ветру. На голове белый платок.

Вокруг гроыхает. Дым. Осколки. Шальные пули.

Ад.

Женщина идёт прямо на нас по открытому месту. Идёт — не сгибается.

Афганские правительственные воины-сарбазы в тревоге.

Стрельбу прекратили.

Подходит.

В безумном состоянии...

На руках ребёнок. Из носа две тонкие струйки крови. Ещё живой.

Быстренько машину. Быстренько охрану. Быстренько в больницу.

В воздухе раздался протяжный крик, и низко над головой скользнула боль-

шая чёрная тень. Гриф-ягнятник. Я будто бы даже разглядел его готовые к пиру жадные когти и приоткрытый клюв.

С кем воюем, кого защищаем?! Бред...

Благо, научили не сомневаться. Не дрогнув, не рассуждая, исполнять любой приказ, а то бы — труба... Снайперской пуле сомнения ни к чему.

Генералу по радиации идут доклады: «Прошли тот кишлак, этот. Зачистили. Старинного оружия изъяли столько-то единиц. Молодёжь вытащили из подвалов в количестве... и в армию призвали. Главарей банд или людей, признающих себя бандитами, ни одного не нашли».

«Работа» закончена... Разъезжаемся по местам дислокации. Вот теперь можно и Новый год встречать.

По-афгански «победа» — «нагр». Думаю, итог данной войсковой операции можно охарактеризовать как «полный нагр». Когда советские войска входили в Афганистан, их встречали тепло и радушно. Теперь отношение менялось. Пройдёт несколько лет, и весь афганский народ, объединившись, отвергнет шурави.

***

Командование, отмечая нашу доблесть, проявленную в бою, за два часа до звона курантов наградило группу ценным подарком — телевизором «Sony».

В фойе, на солдатской тумбочке, неподъёмным монолитом уже громоздился цветной ламповый «Рубин». Однако он даже на заводе-изготовителе, под телевизором, при стабильном напряжении, никогда чётко не показывал. Здесь, в воюющей родоплеменной стране, напряжение мало того, что прыгало, оно в прыжке едва касалось ста восьмидесяти вольт. Для чего тогда этот комод с экраном стоял? Непонятно. (Задавать лишние вопросы у нас в «конторе» не принято.) Вот на такой монумент-этажерку мы установили японский телеприёмник. На выходе: идеальные яркость, чёткость, звук.

Праздничный вечер.

Суетимся, накрываем стол, наряжаем ёлку. Хрустально позвякивают бокалы. У меня в комнате легонько постукивает дверка нашего металлического шкафа-сейсмографа.

В этих краях повышенной сейсмической активности нужен собственный датчик. Частенько головой к стенке прижмёшься и чувствуешь: земля дышит. Хотя других внешних проявлений нет. Но ведь не прикажешь бойцу из подразделения царандоя держать голову прижатой к стенке постоянно. Неправильно поймут-с.

Вот мы и придумали: у металлического шкафа верхнюю дверку оставлять приоткрытой. Земля только ещё начнёт дебелировать — дверка просигналит. Сейчас она по-праздничному нетерпеливо дринькала.

«Дринкнуть» давно пора! Сколько можно терпеть?..

Ещё Антон Павлович Чехов прозорливо писал: «Нет ожидания томительнее, чем ожидание выпивки». Сели за богатый стол: снедь — от края до края. Маринка вплотную ко мне... Налили по первой: за победу! Закинули в рот зелень, тут же — по второй. Третью, не чокаясь, за погибших. Маринкина коленка случайным касанием, обожгла мою ногу, и от того места горячие волны хлынули по всему телу. Как теперь слушать застольные речи, делать умное лицо, к месту поддакивать? У неё надето такое платье с блёстками. Не так чтобы совсем короткое, но и не длинное. Когда за столом сидит, коленки не прикрыты. (Опять всё складывалось против меня.) Подходит очередь тостовать, а голова — точно ракета с самонаводящейся тепловой боеголовкой — цель себе уже выбрала: знойные Маринкины коленки.

Неугомонный Фёдор, закусывая хрустящим огурчиком, взял гитару:

— Мариш, может, спо-ёом?

Она повернулась к старлею, и нежные её... светло-русые... локоны призывно щекотнули мне лицо.

— Согласуй репертуар! — насторожился я.

— Про разведку. Высоцкого...

Меры в женщинах и в пиве

Он не знал и не хотел...

Дам, дам, дарам-дам... О!

Враг не ведал, дурачина,

Что под гнусной той личиной

Жил чекист, майор разведки

И прекрасный семьянин.

— Федь, опять сглазишь!..

Всей компанией вышли во двор проветриться, и больше мы с Маринкой к столу не вернулись...

Ночью в порыве страсти меня пробивает мысль: «Почему дверка металлического шкафа так стучит? Неужели я кроватью раскачал?!» Не может быть! Кровать-то не касается его. Однако дверь сейфа гремит настойчивее, громче. Переглядываемся с Маринкой, слышим: угрожающий гул.

Откуда-то из-под земли...

Начинает лопаться штукатурка, в образовавшиеся щели будто кто-то курит пылью. Дом ходуном ходит: уже не надо головой замерять. Трещат дверные коробки, оконные рамы. До первого этажа не добежать. Успеваем накинуть одежду, хватаю автомат, с Маринкой — к окну. Битое оконное стекло хрустит под ногами.

Первой, не робея, прыгает она, следом я.

Во дворике офицеры, солдаты, кто в чём. Вроде, все тут.

Напряжение в чреве планеты долго накапливалось, сдерживалось, и вот земля пробудилась. Пробудилась в гневе. Терпение её кончилось.

Густая непроглядная ночь. Чёрное восточное небо рвут бордовые сполохи зарниц. Вздыхается грунт, раскачивается дом. Алимкин фургон пошёл впрысдаку. Фруктовые деревья яростно хлещут ветвями тугой воздух. Невозможно стоять. Сбивает с ног. Хватаемся друг за друга. Рёв давит. Девчонки в ужасе воют. Да и у меня сердце беспокойно колотится. Конец света?!

Какой-то сердитый разбуженный великан схватил землю «за грудки» и тряс так, что вот-вот разверзнется... Думал, не бывает ничего разрушительнее советских ракетных залпов, грозной силы человеческого разума.

Нет, отдача страшнее!

Пик прошёл. Стихает. Стихает. Стихло.

Глиняный дувал, толщиной два метра у основания, лежит истолчённый в пыль. Здание выдержало.

Маринка, измотанная до крайности, пошла спать, я её проводил, а сам накинул мундир и вышел во двор. Над головой чужое небо в редких крупных звездах. Неприятный озноб сводит тело. Глубоко затянулся горячим табачным дымом.

Утихала тряска земли, но внутренняя дрожь не отпускала...

***

Глаза его словно повернулись внутрь. И увидел он пустоту.

Пустота оглушала.

Он сидел в полной растерянности, подставив полуночному ветру заострившееся небритое лицо, с удивлением понимая, что сделался другим. Будто этот дувал: если лопатами в кучу собрать, объём глины тот же, но форма, прежняя конструкция, нарушены. Для офицера война — состояние привычное. Ни пуля, ни сама смерть никогда не страшили его. А тут — как острый осколок в мозгу: ханум — афганская женщина — в развевающихся чёрных одеждах, бледное обескровленное личико ребёнка и две алые струйки.

Он впервые ужаснулся.

Вопросы, один тяжелее другого, мощными толчками прорывались откуда-то из глубоких недр наружу. Сверхсила поднимала у него в душе целые пласты, которые со стоном вставали дыбом, передвигались, не оставляя камня на камне.

***

Кому нужны эти жертвы?! Что делаю в этой чужой стране я? Исполняю приказ? А если он ошибочный? Зачем прирезать новые земли, когда чертополохом забивает свои? Зачем прирастать новыми народами, если сразу после того, как они становятся «нашими», интерес к ним пропадает? У меня сын растёт. Растёт без отца...

С рассветом сообщили: «Эпицентр семибалльного землетрясения находился в десяти километрах от Айбака». За количество баллов не поручусь, а вот эпицентров было два, это точно. Второй находился в моём сердце... Я стал выкуривать по две пачки в день. Ходил чёрный. Не мог я тогда, да и не пытался ответить на все вопросы. Но, обозначившись, они больше не исчезали, не расплывались, наподобие пустынного миража. Наоборот, постепенно проступали в сознании всё отчётливей. Превращаясь в догадки и ответы.

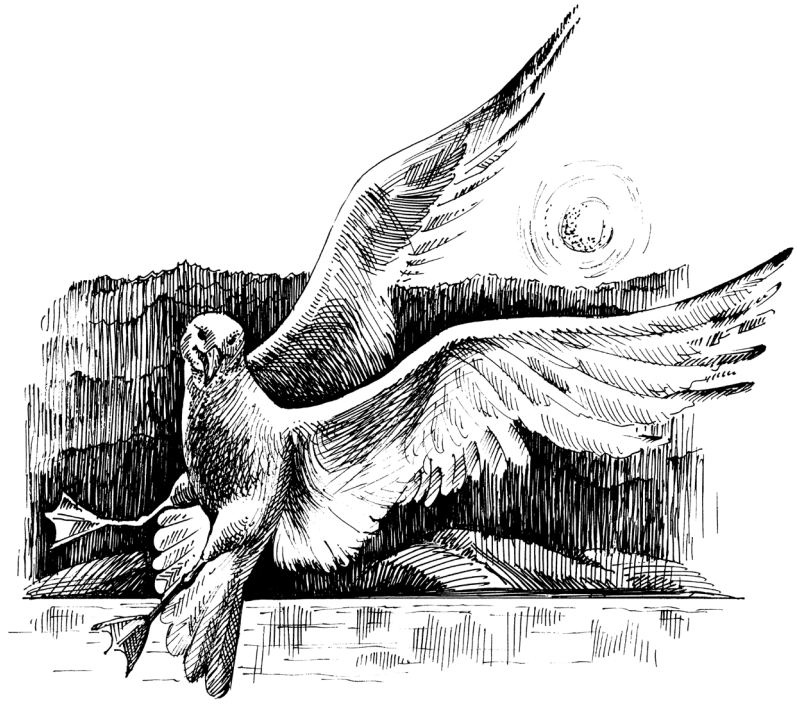
Ясные. Чёткие. Больные, как сами вопросы.

Спустя год я впервые отказался исполнить приказ, по моему твёрдому убеждению — преступный. Знал, такое не прощают, но сделать с собой уже ничего не мог. Решение не было спонтанным. Оно формировалось и вызревало долго. Первые сомнения появились именно в ту, судную, ночь.

...«Пчёлка» за нашими девушками прилетел через неделю. Прощались, как с родными. Маришка подарила мне кулинарную книгу: богато оформленную, с цветными иллюстрациями на плотной бумаге. Подарила просто так, на память. На добрую память о встрече Нового года под афганской ёлкой.

Много позднее я обнаружил между страницами две хрупкие рыжие хвоинки и сухой цветочек жёлтой ферулы.

Офицер запаса

*А*фганские горы — царственные, грозные, неприступные.

Поднимающие на тяжёлых пиках бездонное голубое небо, окрашенные восходящим розовым солнцем или тающие в восточной ночи, усыпанной каратами мерцающих близких звёзд.

Горы, которые сначала приводили меня в немой восторг, я затем проклял.
Они не отпускали...

Афганистан позади. Мирная жизнь.

Сколько раз я пытался представить её там, среди враждебной пыли. Никак. Только желанные образы жены и сына неясными миражами вставали над раскалённым дневным песком.

Сушь.

Расплавленное солнце.

Оно слепит глаза, как на допросе.

Мелкий вездесущий песок проникает всюду: в рот, под воспалённые красные веки, на затвор автомата — сколько ни чисти. Были моменты, когда желание освободиться от противного хруста на зубах заглушало всё остальное...

Всё, даже страх перед шальной пулей.

В такие минуты, когда человек осознанно, устало глядит в глаза смерти, для него всё просто и понятно.

Просто, как приказ. И не выполнить его нельзя.

Просто и надёжно, как боевые друзья.

Просто, как жгучая жажда и мечта о глотке стылой ключевой воды.

Просто, как Родина. Невозможно поверить, что она способна отказать от тебя...

Как всё просто и как сложно...

Почему моя память не хочет вычеркнуть их навсегда, отчего зачастую старается приукрасить время службы, которое наши кадровики учитывали «день — за три»? Почему даже под пулями, зная, что дома ждут и за спиной надёжный тыл, мне было проще?

Может, оттого, что здесь, в мирной жизни, всё оказалось трагичнее. Незримый фронт был повсюду. Война шла без правил.

Не с чужими — со своими

У каждого своя война.

Как-то разом всё закрутилось.

Страна в одночасье сделалась другой.

Светлану с работы деликатно, но настойчиво попросили. В глаза прямо не говорили, за что. Давали понять: из-за меня. Теперь позорно, видишь ли, в «органах» стало служить. Так считали уже не только на кухне. Не только на улице.

Для того чтобы избавиться от старой гвардии, чтобы провести нужные им изменения, «контору» несколько раз переименовывали. И кадры зачищали, зачищали. Когда это не помогло, после девяносто третьего, сверху в каждое управление пришла разрядка: сколько сотрудников должно быть уволено в первом квартале, во втором... Сколько за год. Людей убрали сотнями.

На их место набирали новичков.

По знакомству. С улицы. В спешке...

В этой ситуации оставаться на работе я не мог, подал рапорт. Хотя служить нравилось. Предлагали повышение. И нужно-то было всего ничего: сдать людей, с кем работал.

Своих сдать?!

Ну уж — дудки!

Во время обеда, подгадав, чтобы никого не было рядом, сжёг папки по своей агентуре в нашем «мартене».

В диссидентских материалах мне как-то попала на глаза фраза: «Честь воина — не в покорности государству, а в заветах рыцарства». Помню, смеялся от души.

Оказалось, государства-то разные бывают...

Вот превратился в пенсионера. Это я... Ещё сегодня марш-бросок, в полном боевом, для меня не вопрос, а тогда и многим молодым нос утирал. Незаметно остались без денег. Ну да хватит об этом.

Пока меня не было, вся нежность доставалась сынишке. Он рос обласканным, зализанным.

Чтобы не снимать сына из бассейна и английской школы, Светлана продала сначала свои серёжки, затем обручальное кольцо. Тянулись из последних сил. Ведь не кукушонок, свой. Выучили не хуже, чем у других. А запросы у него всё растут и растут... Сын переменялся. У него девки, одна за другой. Приводит их сюда. Куда ещё?! В двухкомнатной квартире не сильно размахнёшься. Напьются. Ночами песни горланят, визжат в детской, ржут, голые пробегают в туалет. Утром пытаюсь завести с ним разговор, он в ответ: «Я не хочу ждать вашего проклятого «завтра». Не хочу вообще ждать. Я жить хочу. И буду. Сейчас. А вы провалитесь пропадом вместе с матерью!!!»

И, выскочив из своей комнаты, зло бросил мне в лицо:

— Ты видел картину «Сын Ивана Грозного убивает своего отца»?

Жена не выдержала. Сорвалась. В себя ушла. Стала заговариваться. В поликлинику возил, говорят: «Кладите в стационар». Это в психушку, то есть...

Теперь четыре года так.

Перед Афганом не успели выехать из коммуналки. Пообещали: «По возвращении». Раз вернулся живым, деваться некуда — дали «двушку». Хотя без людей хуже. Дома её не оставишь одну. Ходит в забытьи. Волосы неприбранные, куделью. Взгляд бессмысленный. В туалет или что ещё — сама пока. Или вдруг заговорит быстро-быстро. Не понять половину. Взгляд безумный. Сына перестала узнавать. Меня несколько раз называла — Света...

На днях Володя Зайков (в одном подразделении служили) пригласил на рыбалку. Я решил Светлану на недельку отправить в больницу. Может, подлечат заодно. Захотел отдохнуть. Не могу уже. В бабу превратился: и стирка, и уборка, и варка на мне. Пока жена была здоровая, я иногда к девчатам подваливал. И хотелось, и могло. Даже интересно было: вроде на оперативной работе. А сейчас не пойму, что со мной. Скрываться не от кого. Никому отчёта давать не надо. Рад бы отчитаться, да не нужен мой отчёт никому...

С медиками договорился. Пока бегал в магазин, приехали. (Ни раньше, ни позже.) У подъезда «скорая помощь». Крест, будто алой кровью по белому. Беда явилась не чёрным вороном — тревожной чайкой. Дверь в квартиру приоткрыта. В оторопи остановился. Помедлил. Захожу. В прихожей санитар с носилками. Фельдшер с саквояжем.

Светлана...

Она сидела на пуфике в большой комнате. Некрасивая. Бледная. Голова безвольно наклонена набок. Тёмно-русые волосы до плеч. Длинные худые руки с неухоженными ногтями плетью лежали на коленях. И всё это — моя жена.

Она заметила мой приход. Голова дёрнулась. Глянула отрешённо снизу вверх, затем глаза усталились в одну точку, чуть выше моей переносицы.

Фельдшер «скорой», женщина лет сорока в мятом колпаке, дымила, закинув ногу на ногу. Увидев меня, затушила папиросу в блюде и с видимым облегчением поднялась:

— Вы кем больной доводитесь?

— Муж...

— Ну вот и славно. Госпитализируем в стационар. Ей самой будет полезней. Да и вам, думаю. Вы мужчина ещё молодой... Давайте грузить. Петя, сделай укол.

При этих словах жена как-то сжалась вся, сделалась меньше, беспомощней. Пальцами вцепилась в края пуфика.

— Не нужно. Она сама. Светлана, вставай. Пойдём.

Жена посмотрела сквозь меня и глухо произнесла:

— Куда?

— Пойдём.

— Куда они меня ведут?

— Светлана, пойдём. Я с тобой.

Попытался ей помочь. Она тихо поднялась и, слегка покачиваясь, молча пошла к двери.

Лифт был заранее вызван. Она шагнула в него, будто в пропасть. Я следом.

— Свет, всё будет хорошо, — я погладил её по плечу.

Приёмный покой. Бумажные формальности. Медсестра, открыв спецключом дверь, заученно придерживая за локоток, увела её вглубь.

Она ушла, даже не посмотрев на меня.

На рыбалке были вдвоём. В Подмосковье не остались, уехали в соседнюю Владимирскую область. Набрали водки. До рыбы дело не дошло. Просидели у костра и одну, и вторую сентябрьские ночи. Пили, вспоминали, поминали, молчали.

В Москву вернулись в среду. Светлану нужно было забирать лишь в следующий вторник. Опять пил. Уже один. Ходил в магазин. Ещё пил. От водки и вина только чернело на душе. С сыном в квартире расходились краями, словно чужие. Просил ведь навестить мать в больнице, пока меня не было. Спрашиваю: «Ходил?» Не отвечает. Да чего спрашивать?! Вижу: не ходил. Яблоки как лежащие приготовленные на кухне, так и лежат.

Началось в четверг. В пятницу больше. Такая тоска взяла. Никогда и на день не оставлял я её одну. Как она там без меня?

В субботу места не могу себе найти. Нет, чувствую, до вторника мне не дожить.

Принял душ. Выпил крепкого чаю. Тщательно побрился. Погладил костюм.

Надел белую рубашку, галстук. Начистил туфли.

Поехал. Волнуюсь.

У метро купил букет поздних цветов.

Приёмный покой. Дежурный врач:

— Раньше решили? Ну, забирайте. Её лекарства уже не помогут. Запустили вы больную.

Я томился в ожидании на кушетке. Её долго не приводили. Сколько же можно переодевать?! Привели бы сюда, я сам.

Слышу: в коридоре за дверью шаги. Замок открывают. Дверь настежь. Медсестра заводит Светлану — тихую, отрешённую. Под глазами чёрные тени.

Увидела меня. Остановилась у порога. Мы смотрели друг на друга и молчали.

Я не знал, куда деть руки, куда сунуть букет, не мог двинуться с места.

Пронзительная пауза повисла между нами.

Напряжение возросло. Обманчивая тишина сгущалась, накапливая невиданную энергию, готовую, словно мощная электрическая дуга, соединить нас.

Вдруг лицо у неё как-то странно переменялось. Глаза широко раскрылись, наполняясь слезами. В них возник свет сознания.

И с воем она кинулась мне на грудь.

— Я думала, не увижу тебя больше... Родной.

Мы с жаром обнялись. Она громко рыдала.

У меня на скулах ходили желваки. Я закрыл глаза. Уткнулся лицом в её растрёпанные волосы. Смешанные чувства изумления, восторга, миновавшего горя, внезапно свалившегося счастья захлестнули меня.левой рукой я крепко прижимал её к себе, а правой гладил, перебирая пальцами пряди волос. Сердца наши часто бились. В тихой радости приоткрыл глаза.

Волосы её сделались седыми.

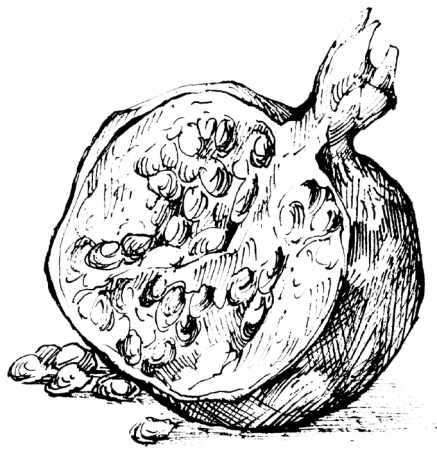
Незнакомое прежде, тектонически сильное чувство переполняло меня.

Я не знал ему названия.

Но оно владело мной нераздельно.

Вместо послесловия

Полководцам в высоких штабах война грезилась скоротечной, победоносной, романтической. Игрушечной. На деле война оказалась настоящей.

Болезненной и совсем некрасивой.

Она терпко пахла свежей человеческой кровью...

По секретной терминологии, принятой среди советских военнослужащих в Афганистане, люди — «ягоды». Щедро надавили...

Прошло много лет, но их густо-красный гранатовый сок ещё и сейчас тяжело, мрачно хмелит.

Давайте, не чокаясь, помянём погибших!

Товарищи офицеры! Да не уменьшится ваша тень...

P.S.

В начале двадцать первого века Россию не удалось втянуть в вооружённые конфликты на территории иностранных государств. Ни в Афганистане, ни в Ираке.

Как ни пытались...

Историческая справка:

Потери среди советских военнослужащих и специалистов, принимавших участие в оказании интернациональной и военно-технической помощи другим странам:

- Алжир — 1962 — 1964 гг. и последующие годы — 4;
- Объединённая Арабская Республика — 18 октября 1962 г. — 1 апреля 1974 г. (Египет) — 10;
- Йеменская Арабская Республика — 18 октября 1962 г. — 1 апреля 1963 г. — 0;
- Вьетнам — июль 1965 г. — декабрь 1974 г. — 3;
- Сирия — 5—13 июня 1967 г. — 6—24 октября 1973 г. — 5;
- Ангола — ноябрь 1975 г. — ноябрь 1979 г. — 3;
- Мозамбик — 1967, 1969 гг., ноябрь 1975 г. — ноябрь 1979 г. — 1;
- Эфиопия — 9 декабря 1977 г. — май 1990 г. — 16;
- Венгрия — 1956 г. — 2260;
- Чехословакия — 1968 г. — ?;
- Афганистан — 25 декабря 1979 г. — 15 февраля 1989 г. — (включая безвозвратные потери Советской армии и санитарные) — 480 258 (!).

«Гриф секретности снят». М., Военное издательство, 1993 г.

Владимир Корнилов

Бой на стороне больших батальонов.

Вольгер

БОЛЬШИЕ БАТАЛЬОНЫ

Они во всём едины,
Они не разделёны,
Они непобедимы,
Большие батальоны.

Они идут, большие,
Всех шире и всех дальше,
Не сбившись, не сфальшивя:
У силы нету фальши.

Хоть сила немудрёна,
За нею власть и право.
Большие батальоны
Всевышнему по нраву.

И обретает имя
В их грохоте эпоха,
И хорошо быть с ними,
И против них быть плохо.

Но всю любовь и веру
Всё ж отдал я не Богу,
А только офицеру,
Который шёл не в ногу.

Москва, 2008 г.

НЫТИК

Сослагательное наклонение (лат. modus conjunctivus или subjunctivus) выражает намерение, осуществление которого зависит от известных определённых обстоятельств.

Википедия

*П*о-настоящему его кличка Брайт, хотя зовут все Малыш.

Маша, дочурка, просила братика. Будто не понимая, о чём разговор, мы с мамой купили щенка. Но назвать собаку «брат»? — Не поймут. Добавили букву «й».

Была и ещё одна причина завести четвероногого друга.

Есть дети — всюду шлындают с родителями, уши греют. Племянш у меня, тринадцать лет парню, всё-оо за папой-мамой хвостиком. Мы сидим, водку пьём — он ушничает. Лишнего не скажешь. А дочка ни в какую не желала с нами в гости ходить. И оставлять её без присмотра страшновато. Срочно требовалась заботливая нянька плюс отважный охранник — в одном. Причём, чтобы это была самая умная, самая красивая, самая преданная на свете собака. Как знаменитый Мухтар!

Восточно-европейская овчарка.

Мы, когда увидели щенка, поняли: он никогда не станет медалистом. Узкомордый, узкогрудый, с длинной шерстью. Постав лап узкий. (Балерина, шестая позиция.) Зато какой славный, ласковый! Пушистый-пушистый! Медвежонок. Моя щекой к нему прижалась и оставить уже не смогла. Наш Малыш!

С появлением щенка мы надеялись заодно выковать у дочери чувство ответственности. Мамка взяла с Маняши долговую расписку, что та «обязуется

убирать за ним, выгуливать по три раза на дню». Доча читать-писать не уме-ла: срисовывала буквы с образца. Старалась. Но клятва что? — Формальность! Составили так... для порядка, ребёнка помыть. Разве ей углядеть за крупной псиной? Столько хлопот.

Весной — грязюка. Вымажется по уши. Лапы ему вытру, а толку-то? Рыжая вода с живота течёт, прячется за открытой дверью, чтоб не выгнали на улицу, сплющится, словно борзая. В глаза просительно смотрит: «На холод не гоните». Брошу коврик к порогу — не знает, как и благодарить. Засмущается, хвостом завяляет.

Ложимся спать.

Выжидает, когда засопим... Потихоньку, потихоньку щемится в спальню.

Моя грозно:

— Куда лезешь?.. (Затаится. Может, не ему...) Тебе, тебе говорю.

Крутанётся. Растает в темноте.

Минута проходит, две... Опять — к нам, к нам, к нам. Приползёт, вытянется вдоль кровати, тяжело-полно выдохнет: «М-ммуу». («Вся семья вместе. Заботы позади. Можно спокойно заснуть».) Я руку опущу, почешу за ухом. Полная идиллия...

Как-то раз забыли прикрыть дверь в спальню: он стянул плед, отогнул одеяло, расправил хозяйскую кровать! И — на белую простынку. Дрыхнет на спине, храпит: «Хх-ррррр!» Мужик-мужиком. Брюла набок, язык завалился, слюнка — на крахмальную наволочку. Моя застучала. Как гаркнет! Он спросонья подхватился — и к окну, лапы на подоконник, на пустую улицу:

— Ы-рррр!

Типа: «Бдю!»

А у самого морда заспанная, мятая. До чего клоун пёс...

Вначале сомневались: как его возьмём в общий дом? Будет лаять. Не-ет. В дверь позвонят, постучат, если он в квартире один — пасть на замке. Молчит. Носом воздух втягивает, прислушивается: «Будут ломиться или уйдут?»

Мебель царапать или грызть? Даже не пытался. Единственное — испоганил уголок дивана. Я наложил заплаточку и поймел шикарную возможность его попрекать:

— Это кто сделал? А?! Брайт?

В таких случаях я обращался к нему официально, показывая своё «фэ».

— Спрашиваю, кто сделал?

Голову опустит. Уши заложит, виноватый такой. Я дово-о-олен... Пристрожил.

Ведь все Мальша только баловали, сюсюкались.

Ему конфетку дадут, проглотит и станет всем своим видом показывать, что не распробовал. Начнёт демонстративно в зубах ковырять, причмокивать, облизываться, сиротливо оглядываться. Какое тут сердце выдержит?! Машуня исполняет команду «Апорт!»

Тёща приходит, садится в кресло и сразу берёт «внучка» на руки. Он привок. Пока на руки не возьмут, будет следом ходить. Будет пищать, ныть, канючить: «Всё плохо. Меня тут не любят. Бабушка на ручки не берёт». Такой слюняк! Такой нытик! В детстве залезал целиком. Позже, когда вымахал кобыляка и весь не помещался, клал ей на колени передние лапы.

Ещё бы ему не вымахать... Ел — без меры.

Мамка из детсада ведро жорева притаранит — сметёт зараз. Разляжется, лобуется надутым животом и всё равно печенюшку бы ещё съел. Шлифанул.

По воскресеньям пёсик любил с мамкой блины печь.

Она что? Лишь тесто замесит, на сковородку наливает, блинчики переворачивает и стопочкой складывает, а уж дальше всё он. Сам! Каждый блин сосчитает, взглядом проводит. Румяный блинчик ему на нос положишь, без команды не съест. Сидит, затаив дыхание, масло сочится по морде, слюна течёт. Сначала выполнит обязательную программу: «Сидеть!», «Лежать!», «Стоять!». Подряд, без напоминания. Ползать вот не умел. Башку опустит, передвигает по полу передние лапы, а задница торчит. Такая корма плывёт!

— Взять! — эту команду обожал...

Хоп! — нету блинчика.

Считается: свою еду овчарка никому не отдаст. (Дай, думаю, проверю!) Моя угостила пса сахарной косточкой. Я руку медленно тяну... Он растерялся: то на кость глянет, то на меня. Занервничал. Вопросительно зарычал. Велюровые щёки, вибриссы подрагивают.

— Да подавись ты! Жадюга! Исчо «братом» хотели назвать...

Повернулся к нему спиной. Сел к печке, закурил. Пауза. Слышу, крадётся. Голову под руку пихает. Глаза виновато прижмурены, в зубах кость. В ладонь мне её суёт, дескать: «Бери, угощайся. Мир!»

Моя каждое утро ворчит на кухне:

— Чувствую, крыса ходит.

Как-то видим: пёс гонит... серая лощёная крысина. Пузо толстое, хвостяра длинный, голый. Коготки по крашеному полу: «цик», «цик». Загнал в угол. Та резцами стрижёт — никак не схватить. Кочергой её поддеваю, подкидываю. Пёс в полёте: «Чвак!» Готово.

— Ай, молодец!

Ему так понравилось весёлый кипиш наводить. Охотиться! Да ещё при этом хватят. Как scomандуешь: «Крыса!» — он давай искать, всё переворачивать, шерстить.

Собака есть собака. Кто для чего держит: кто для охоты и охраны, а кто для души. Чтобы вырастить пса для души, надо, чтобы жил с людьми. Не в будке, не на цепи. Он должен слышать человеческую речь, разговаривать с тобой, быть членом семьи.

Идём вечером гулять. Безлюдная улица. Я ему:

— Далеко ли собрался?! Мы — на Советскую.

Поворачивает, идёт на Советскую.

Прохожий удивлённо:

— Вам какое дело?!

— Вообще-то я не с вами разговариваю...

— А с кем?!

— С псом.

— ?!

По молодости мы с ним много упражнялись, бегали. Десять километров каждый день, чтоб костяк хорошо развивался. Моя посчитала: мало нагрузки. (Со стороны оно, конечно, виднее...) Предложила сделать из него ездовую собаку. Купила упряжку. Поехали Машку катать. Мальш безотказно её возил, возил... Не роптал. Думал, совесть у барыньки проснётся. А Машка с санок слезла, даже спасибо не сказала. Псу пришлось воспитывать. Он деликатненько подошёл сзади и прикусил за спину... Через куртку, кофту — следы зубов. Дочурка орёт, а он недоумённо крутит головой: «Что такое?!» Честными глазками моргает: «Что это с ней? Может, попу отсидела?!» Ну до чего артист!

Обычно в машину сядем, он — следом несётся. Раз бежал, бежал, — надоело. Обогнал «Ниву», резко остановился на обочине, голосует: «Возьмите!». Я не успел затормозить. Смотрю: хоп! — в обморок упал. Удара не было. Неужели по лапе — колесом?.. Но не могли переехать. Если бы взаправду наехали, тут крику было бы! Он бы с ума сошёл... Мы его — в машину. Подглядывает за нами, щурит глаз. (С хитрецей пёс.) Домой привезли, осмотрели: лапка цела, не опухла, кровки нет. Трогаю, не орёт. Так, слегонца, постанывает невпопад:

— А-ааа...

На следующий день тёща заходит. Он к ней с жалобой. Морду страдальческую состряпал, скулит, хнычет.

— Мальш, что случилось?!

— А-ааа... Лапку отдави-ии-ли...

— Ах ты беденький!

Нинка порог не успела переступить. Ей навзрыд:

— А-aaa!

— Что плачет наша радость?

— Смотри са-ма-аааа... — и лапищу суёт под нос.

Целую неделю формировал общественное мнение: «Полюбуйтесь, какие чёрствые мне достались хозяева». Кляузничал, симулировал «бо-бо». А сам уже забыл, какую лапу поднимать. Путается. Шут!

Постепенно сытная кормёжка, физические упражнения превратили пса в рослую могучую овчарку. Малыш почувствовал свою силу и попусту зубам волю не давал. Первым не дрался никогда. Подойдёт, голову на спину чужаку положит, придавит: «Дёрнешься — получишь!»

Вот в любви Малышу не везло...

Наткнётся ноздрями на похотливый аромат, летит обалдевший по следу. Догонит свору, кавалеров-хахалей раскидает. Охочая сучка ему глазки строит, прихорашивается, тает в предвкушении... А наш понятия не имеет, как реагировать на эти экивоки. Прыгает, падает, охает. За мной прибежит, зовёт на помощь:

— Ав-ав-ав! Подскажи, покажи.

Мечется, слюни распустил:

— А-а-а! Уходит!.. Поговори с ней!

Переволнуется весь. Распихуется.

ТЬфу! А я что? С ним, что ли, побегу?.. Сучку догонять?!

Первое серьёзное увлечение — водолазиха. Влюбился без памяти. И она согласная была. Но «папа» с «мамой» не разрешали. Боялись, испортит им родословную... Они лучше поглядели бы на себя в зеркало. Куда дальше портить?..

Второе — соседская Найда. Опять неровня! Не могла она держать нашего бугая. Ноги подкашивались. Раз — и падала.

Так пёс нецелованным мальчиком и остался.

А люди в нём души не чаяли...

Пожалуй, одна Ленка со второго этажа боялась Малыша. Дошло до того, что пёс, заслышав, как соседка спускается по лестнице и стучится к нам, без покаяния уходил в дальнюю комнату, запирался. Знал: всё равно изолируют.

Ленка из коридора — в узенькую щель:

— Вы собаку убрали?

— Сама убралась...

Но ведь пса ещё и во двор надо выводить. Пришлось пятилетнему Малышу покупать намордник. Он так его невзлюби-ил... Надел и отвернулся. Я ему

командую, он игнором занимается. Лёг и давай лапами сдирать. Кряхтит, кажи-лится, издаёт неприличные звуки. Ноет. На жалость берёт. Я не уступаю, строгость блюду. Обиделся. Убежал на помойку, нашёл там вонючий целлофановый пакет из-под селедки. Как всосал его через ремни? Ума не приложу. Вымазал всю морду, пакет торчит из пасти, вонища от него. И лобызаться лезет...

— Иди отсюда!

Намордник пришлось снять.

Действительно, зачем он такому «зверюге»? Гости придут, к каждому ластится, у кого лысина — облизывает, в глаза заглядывает: «Что мне вкусенького принесли?»

К моей с работы Нинка заскочила в богатой натуральной шубе. Гладит его. Умиляется. А Малыша невозможно не потрогать: весь пушистый, морда такая! глазки добрые, прямо бусинки ангельские. Угостила нашего лакомку конфеткой. Пёс, алаверды, подпрыгнул гостью чмокнуть и невзначай носом — ей в глаз.

Та как заголотит:

— Гла-ааз!

Моя вопит:

— Шу-уу-ба! Не порвал? Глаз-то проморгается.

Только у одного человека Малыш угощение не брал.

Яшка Макаров, мой напарник по работе, был вхож в дом. Яшка тыкает ему в моську куском «Любительской» — наш зубы щерит и отворачивается.

Пёс крепко невзлюбил его после одного случая...

Выпивший Макар стал задираться:

— Ну что за собака? Мямля! Вот тоже воспитали овчарку. Сейчас стукну хозяина... Будет хвостиком вилять?

Думал, шутит. Какой там... Пнул меня по ноге. Малыш в недоумении: «Что делается? Гость-то свой». Его никогда не науськивали. Наоборот, объясняли, что любой спор можно уладить словами. Пёс заметался, побежал к мамке на кухню, воет: «Поди, посмотри, что творится. Разберись, прими решение». Приводит её в комнату, а самого не узнать: сделался упругим, подобранным; шерсть на загривке дыбом; щёки, бока от низкого утробного рыка подрагивают, глаза налились кровью.

А гость вконец раздухарился и пнул «со злостью».

Провоцирует:

— Ну, чё? Ну, чё тут ваша овчарка?

Глаза у собаки мутнеют, перекрываются жёлтой пленой.

Яшка пуце дразнит:

— Секи, ублюдок, твоего хозяина бьют!

Взъерошил мне волосы.

Мальш рванулся, я не успел среагировать. «Раз-раз-раз!» Кисть, локоть, плечо. Мигом перехватывается. Вижу, Макар бледнеет, пёс — к горлу... Я уцепился двумя руками за ошейник, тащу назад... Хрипит. Чувствую: если руки ослаблю, вырвет Макару горло. Моя верещит: «Ф-фу! Фу!..» На весь дом лай, рык, ор.

Еле уволок Мальша на кухню.

Макар снял свитер: рубашка вместе с кожей, с мясом выдрана. На шее след от «компостера». Яшка стёк по стене, присмиривший, опущенный.

После того Макар у нас появлялся, однако пёс ему больше не доверял. Сверлил взглядом: «Ты какой к нам сегодня пожаловал? Добрый или злой?» Трезвому Мальш позволял перемещаться по квартире, под конвоем. Макар — в туалет, пёс — за ним, гость — в комнату, Мальш — следом: «Я тут! Присматриваю за тобой». Чуть что не так — прижмёт. Макар рюмку выпьет, мы пса — в сарай. Иначе жвакнет. Не сильно, но с чувством.

Яшка стал бояться его...

Тем летом был редкий урожай грибов. В конце августа, как свободный вечер, мы — в лес, рядом с посёлком. Собирали для себя и на продажу. А ведь машину теперь на лесной дороге так не оставишь. Однажды, после полудня, поехали в сторону Лыдинки. Взяли с мамкой по корзине, решили обойти краем ламбушки. Мальша оставил в машине. Замки не запер. Зачем при такой охране? Пёс принялся было ныть, я надавил на сознательность, напомнил о собачьем долге. Назвал Брайтом. Он тяжело вздохнул. Проникся. Растянулся на заднем сиденье.

Отошли от машины:

— Мальш!

Голову поднял, ушами стриганул: «Я тут, охраняю. Всё нормально!»

***

Лёгкий ветерок с шелестом пересчитывал сухие листочки на деревьях. В ожидании осени верхушки осин, рябины зарделись, высокая переспелая трава потеряла былую сочность. Перед тем как остыть, солнце припекало, давая возможность насладиться нежными невесомыми лучами. Последняя бабочка лета опустилась на пыльное лобовое стекло. Она расправляла чёрные перламутровые крылышки, сонно охорашивалась, перебирая усиками. Пёс смотрел на неё ошале-ло, с изумлением наклоняя голову то на один бок, то на другой. Хотел слизнуть, но лишь провёл языком по стеклу.

Глухой нарастающий гул привлёк Мальша задолго до того, как уазик вы-

нырнул из-за поворота. Чужая машина остановилась метров за тридцать. Двигатель заглушили. Малыш не понимал толком, что его насторожило. Вроде, машина как машина — обычная. За то время, пока не было хозяев, проехало несколько таких же или почти таких. Двое людей сидели в кабине и отчего-то выходить не спешили.

Между тем поведение их начинало безотчётно беспокоить пса... Он уперся передними лапами в спинку сиденья, шерсть на загривке встала торчком, опустилась, опять вздыбилась. Хлопнула дверка. Малыш узнал человека: Яшка Макаров неспешно шёл к нему и натянуто улыбался. Время от времени останавливался. Воровато оглядывался. Несколько раз вполголоса позвал:

— Толян! Э-ээ!

Никто не ответил. Хозяева были далеко.

Малыш учащённо задышал. Верхняя губа, нервно подрагивая, обнажала белые клыки.

Макар подошёл к «Ниве», криво ухмыльнулся:

— Ну что, тварь? Встретились на узкой дорожке?..

Он пнул по колесу. Малыш злобно сверкнул глазами, в горле угрожающе заклокотало ррр-рычание. Узик подъехал вплотную. Подельник достал баллонный ключ, домкрат, принёс от потухшего костра с обочины берёзовый чурбак.

Налитые ненавистью глаза Малыша... заахлёбывались... наглостью этих двоих... Они присели на корточки. Открутили гайки! Машина ранено дёрнулась, накренилась. Макар снял колесо, закинул в узик... Пёс хрипел от бессильной злобы. Горячие брызги слюны сочились с длинного лилового языка, веером разлетаясь по салону. Люди нехорошо смеялись, замахивались на него, поддразнивали, снимали одно колесо за другим, ставили вместо них чурки и грузили к себе хозяйское добро. Работали споро. Десяти минут не прошло, как «Нива» зависла, полностью разутая. Малыш вне себя от ярости рычал, лаял, метался внутри, неистово рвал когтями обшивку салона. Пытался разбить обманчиво доступную преграду грудью, но лишь раскровенил морду. По стеклу, измазанному густыми пятнами крови, тянулся размашистый след когтистой лапы.

Яшка наклонился к самому окну:

— Отравить бы тебя... Да пачкаться неохота. Сам подохнешь.

Малыш грохотал, выплёскивая лай в слащавую физиономию, стальные клыки его металлически клацали, рассекая пустой воздух в нескольких сантиметрах от недоступной кадыкастой глотки.

Подельник заскочил в узик:

— Оставь его, Макар. Сматываться надо. Ещё заметят!

— Им же хуже...

Малыш тыкался мокрым лобешником в жёсткое стекло. Плохие люди уходили безнаказанно. Он слабел на глазах. От унижения. От собственного бессилия. Лапы его подкосились. Малыш качнулся и завалился набок. Прикрыв глаза, он хрипло дышал, шумно втягивал пастью и носом спёртый воздух. Бока его широко раздувались, изо рта лезла густая клейкая пена, рваными хлопьями падая на окровавленный каркас сиденья.

***

...Кому довелось маяться в районной больнице тягучими выходными днями, подтвердят — тоска смертная. Новый сосед по палате от нечего делать спросил Толика про собаку, а тот, словно дитя малое, не распознав едва прикрытого равнодушия, оживился, подоткнул подушку повыше и начал, начал...

Картинки всплывали, заслоня одна другую.

— Идём назад, корзины полные. Солнце жарит. Сквозь деревья уже вижу машину. Малыш всегда чуял нас задолго, лаем встречал. Тут — молчок. Моей

ничего не говорю, у самого сердце сжалось от недобрых предчувствий. Что-то случилось... Громко позвал: «Мальш! Мальш!» Тишина.

— И что с собакой?..

— Выбрались к машине. Пса не видно. Распахнул нагретую дверку — лежит, будто мёртвый. В салоне погром. Кругом шерсть, кровь, слюна, горячий удушливый запах собачатины. Пока ловили попутку, пока на «скорую». Уколы делали...

День-другой проходит...

Брайт крепко сдал. Начал зад подзакидывать. Подписываться стал, подкакиваться. Если совсем плохо, просился на улицу. Уйдёт в дровяник и останется: «Не хочу вас обременять». Там всё зароет. Лежит один. Видно было: не выкарабкаться ему... Как будет подыхать? Изведёт нас. Он ведь такой жалобщик, такой пискун.

Как-то раз в обед я пришёл, на улице дождь.

Моя:

— Толь, проведай пёсика.

— Дай полежать...

— Если тебе не нужен кобель, если надоел, усыпи. Зачем мучить животину?

Машка с кавалерами гуляет, ей нянька без надобности.

Ну, раз так... Думаю, сколько будет стоять? Поехал в ветлечебницу. В субботу не работают...

Сосед заслушался и не сразу обратил внимание на тихое поскуливание за окном...

— ?..

Толик усмехнулся:

— Мальш.

— Так он жив?!

— Оклемался. Начал потихоньку вставать, телепаться. Считаю, два года прошло. Старбень-старбеном: не видит, не слышит почти ничего, а таскается сюда каждый день. Навещать приходит. Мне к нему не выйти. Ноет и ноет. Всю душу вывернул... Нытик!

Сосед подошёл к окну. Тёмные голые ветки тополей топорщились, противясь настойчивым порывам северного ветра. Внизу, вдоль больничных окон, по мёрзлой земле, неуклюже расставляя лапы, ходил и поскуливал огромный старый пёс. Шерсть на нём висела клочьями, окрас из некогда яркого чепрачного поменялся на тусклый рыжевато-седой. Мужчина участливо постучал по стеклу и пошёл обедать.

Мальш беспокойно задрал вверх крупную седую голову...

Не в силах точно определить направление звука, он растерянно постоял, сно-

ва заковылял вдоль стены. Время от времени замирал, принохивался в надежде уловить родной запах, затем крутанулся на месте, устало лёг. Положил тяжёлую голову на вытянутые передние лапы, прикрыл слезящиеся глаза.

Малыш был предан Толику навсегда.

Предан без всяких там оговорок и незнакомых псу сослагательных наклонений.

Колючая ноябрьская позёмка заметала его сухим снегом. Малыш терпеливо жмурился и улыбался во сне. Ему снились ласковое лето, тёплое солнце, и они опять вместе. Всей семьёй...

Петрозаводск, 2009 год

Полёт летучей мыши

*...Не софрешил ни он, ни родители его, но это
для того, чтобы на нём явились дела Божии.*

Святое Благовествование
от Иоанна (гл. 9, п. 3)

Два раза в своей жизни я видел слёзы и смех одновременно.
Будто в январскую стужу — луч палящего июльского солнца.
Вперемешку. Внахлест...

Первый раз это было у нас в Горелово Ленинградской области в сорок первом, когда мужиков провожали на войну. Деревня отмитинговала. Новобранцы помалкивают, и скорей это дело... — начали выпивать. Вот. Около церкви площадка, трёхрядка заливается, песни-танцы. На бабьих платках, расстеленных тут же на траве, и огурцы, и помидоры, и стопки, и слёзы.

Второй раз в Сибири, после войны.

Я оказался на вокзале, когда подошёл эшелон с солдатиками: двери открыты настежь, оттуда гармошка, частушки. Выпрыгивали на платформу местные, кто уже приехал. Их встречали плачем и надрывным смехом те, кто ждал и дождался.

Никогда не забуду: пожилой, загорелый служивый. Гимнастёрка аж белая, до того выгорела. На спине вещмешок махонький. (Чего там привёз, какие гостинцы?) Встречали его, улыбаясь сквозь слёзы, жена и дочка. Жена не старая ещё, загорелая и морщинистая. Она порывисто кинулась на грудь мужу.

А девчушка, лет четырнадцать—пятнадцать, симпатичная; стоит в сторонке в светлом платьице, оборку теревит. За четыре года отвыкла от бати, стесняется подойти.

Отец подивился:

— Господи, дочка у меня совсем большая выросла!

Я был близко, украдкой наблюдал за ними со стороны. У самого комок в горле...

Люди уходили защищать свою родину с оружием в руках, до победы или смерти. И только те, кому повезло, счастливые, возвращались домой, на эту самую родину, с войны.

А где же Родина моя?..

***

Я родился в русской деревне под Ленинградом, хотя по национальности финн. Из тридцати пяти дворов пять подряд — все Полукайнены. Однажды соседская бабка Лиза вспомнила что-то — и как рассмеётся... У самой зубы мелкие-мелкие, когда щерится, дёсны видно:

— Я ведь с твоим дедкой на танцы ходила.

Мне так интересно: я ни деда, ни бабу не застал, а она с ним на танцы...

— Твой дедка был жмо-о-от — жадный, скупой-скупой. Выпить любил. Как-то раз решил доказать, что он щедрый и богатый. В чайной при всех трёхрублёвую бумажку скрутил и закурил. (Три рубля были деньги большие.) Все только обсмеяли и осудили его. Жмот, так жмот и есть. Чего добился? Потом, небось, месяц говно ел и экономил на всём.

Сказанное не развеселило меня. Не только деда, русские недолюбливали нас всех и метили, как дёгтем на воротах, презрительным — «чухня». Вокруг иная вера, чужие порядки, обычаи, мысли. Граница прошла по деревне. Маму звали Хельми. «Жемчужина» по-русски. Имя вроде нормальное, а все: «Гы-гы-гы». Она обижалась.

Мамка втайне поведала, что родина есть и у нас, украдкой показывая в сторону заходящего солнца:

— Никогда не станем мы здесь своими...

В семье из детей я был старшим. Кроме меня, три младших сестрёнки.

Приспело нам картошку сажать. Отец у нас тогда крепко болел. Помню его с болезненной grimасой на лице, с неряшливой рыжей бородой. Тихонько, словно тень, он появился на улице: прутик в руках, в полушубке. (Хотя жара —

в полушубке!) Постоял на крыльце, посмотрел жалостно на меня и — назад, в дом. Я проборошил огород. Пошёл за окучником — окучника не оказалось. Запряг соху, а соха и окучник — две большие разницы. Навыка у меня нет. Хотя лошадь такая хорошая, лёгкая, небольшая, аккуратная. Послушная кобыла, деревенская, знает как идти.

Сосед, дядя Лексей, мне советует:

— Ну, Паленька, вот на то дерево правь. Ориентируйся на осину.

Большая осина росла на меже, где кончается огород. Толстая, высокая. Мать под уздцы ведёт лошадь краем борозды, а упрямая соха то туда, то сюда залазит. И мы давай кривить. Не получается толком, чертыхаюсь. Мамка плачет. Огород не особо широкий, но длинненький: от бани до осины. И вот я косо-криво, а всё же пробороzdил. У меня вся рубашка мокрая от пота. С носу, со лба падают тяжёлые солёные капли. Дошли до края. Пусть теперь лошадь отдохнёт. Бросил ей сена, рубашку скинул, посидел на меже и пошёл обратно — подправлять борозды, уже без матери. Лошадь сама идёт. Подпоследок, где я кривил, исправил.

Нам повезло: отец в то лето и умер... Это спасло нашу семью от высылки. Вот. Четыре семьи Полукайных были погружены в машину и ночью увезены навсегда. Куда? За что? Почему только финнов? Никто не знал. Вслух говорить боялись...

Мне не было ещё полных четырнадцати лет. Досталось с малолетства поработать: и за катком ходил, и боронил, а потом и пахал, и косил на конной косилке. Следующей весной у меня появилась своя, прикрепленная колхозом, пара лошадей. Такое решение вынесло правление, поскольку считали, что теперь без отца в семье хозяин я.

В сорок первом году двадцать второго июня мне в аккурат исполнилось семнадцать лет. За день до этого, в субботу, в соседней деревне Ольховка — танцы. Там и ночевать остался.

Недалёко после Троицы, специально ко дню рождения, мамка справила мне первый в жизни костюм, такой тёмно-серый, как шинель. Тогда и денег лишнего не было, и купить не было товару. С мануфактурой туго, в сельпо выстаивали очереди по ночам. Иду из гостей обратно в воскресенье — на улице жарница, а я всё одно костюм напялил. Ведь всем надо показать такую обнову. Шагаю, изнываю от духоты.

Глядь, от сельсовета летит верхом на гнедом жеребце наш ветврач и ещё издали во весь дух как закричит:

— Война!

Прямо у колодца устроили митинг. Бьют в пожарный колокол, люди подходят встревоженные, перетаптываются с ноги на ногу, присаживаются на траву. Германия напала на Советский Союз. Как сейчас помню: сидят все вкруговую, а дядя Алексей:

— Ну, мы их шапками закидаем!

Хорошо хоть, мне не было восемнадцати. Ни я, ни моя шапка не понадобились. А записываться добровольцем не манило.

Как разверзлась война, не одних мужиков забрали в армию: лошадей тоже всех зачислили, а колхозный скот угнали в Ленинград. Двух коров, какие оставши, мы укрыли в «берлоге»: за болотом два оврага рядом, ольхой заросшие. Такое ладное песчаное место. Туда телеги и шмотки попрятали. У каждой семьи вырыто по землянке: погреб, два на два и глубиной два; на дне соломой выстлано. Ночью там и не жарко, и не холодно. На случай прятаться от немцев или от русских — от войны. Спереду стреляют, сзади стреляют, а мы в середке. Немцы падали здорово. Однажды ночью обстрел был большо-о-ой. Над нашей деревней только и разрывалось: «р-р-р-р, р-р-р-р», но ничего не загорелось.

Дядька Алексей, великий стратег, всем поясняет:

— Это шрапнелью.

С рассветом повисла тишина. Красные отступили, а двадцать первого августа к нам пришли немцы...

Рано утром мать истопила дома русскую печку, лепёшек напекла. Я в сметану помакал, вкусно поел и пошёл к «берлоге» корову кормить. Со мной соседский парнишка увязался, Шурка. Он на четыре года моложе меня и везде хвостиком за мной шустрил. Идём с ним вдоль болота. Закрайком леса морошка, да вся налитая, красно-жёлтая. За ягодой этой и потянулись мы от тропинки, сорвали несколько. Ползаем на коленках по мху, урчим довольню. Слад-ка-я... Один глаз зажмуришь, сквозь ягоду на солнце глянешь: аж переливается вся. Чудно! Опять ягоду сорвал, голову к солнцу запрокинул. Кто-то свет застил... Мамочки... надо мной стоит немец в чёрном и нам:

— Komm, komm, — автоматом показывает, куда идти.

Болото узкое, а на том берегу у них уж окопы нарыты, солдаты в касках. Дальше под деревом пленные, человек шесть—семь, сидят, и нас с ходу к ним. Немчура рыкает по-своему. Один из арестованных понимал по-немецки, шепчет: «Пацаны, не бойтесь. Они вас хотят домой отпустить».

Мы только успели обрадоваться, как вдруг, на наше несчастье, подкатил мотоцикл. В коляске офицер. И зло:

— Nein, nicht einlassen! Partisanen! [Нет, их не отпускать! Партизаны! (нем.)]

Партизаны... На кой нам это нужно?

Так мы с Шуркой попали в плен. Вот. Нас повезли сперва на машине, затем поездом дальше и дальше, и дальше, и дальше...

Где-то в сентябре, числа не помню, добрались мы в город Вильнюс, что в Литве. Городская тюрьма раньше была обнесена стеной, к тому прибавкой ещё забор нарастили и возвели три больших-больших барака. Двери железные. Вокруг колючая проволока. Там устроили лагерь для военнопленных.

Нас поместили в ближнем бараке; как с ворот заходить, первый полог. Дальше, за оградой, комендатура, где живут охранники да начальство. После обеда идут сытые мимо колючки в свою казарму, а заключённые сквозь проволоку котелки тянут, и они остатки сливают. У нас с Шуркой ни котелков, ничего. Нашли потом какие-то баночки. Немцы видят, что пацаны, так нам вроде как и больше плеснут. А один буркнул по-русски: «У-уу, сталинские сыночки, вы и тут нам под ногам».

Дни потянулись унылые, холодные, голодные, похожие один на другой. Надежда на освобождение потихоньку оставляла и меня, и Шурку. Лежим как-то с ним на верхних нарах, живот к спине прилипает. Вдруг забегает мужик и нам возбуждённо:

— Эй, пацаны, большое начальство ходит. Пишите заявления, чтоб вас домой отпустили.

Мы сразу соскочили. У одного нашёлся огрызок химического карандаша, у другого бумажкой разжились, хоть мятой, но чистой. Мы словами-то сказали, как попали в плен, ну и нам подправили на письме слегка. Я написал заявление отдельно, Шурка — отдельно, что «если не можете отпустить домой, мы близко от фронта, фронт-то под Ленинградом, так хоть просим очень улучшить положение наше, как мы не военные».

Стоим у колючки с прошениями наготове. Идут клином... Впереди генерал, сзади охрана, сопровождающие. Главный подходит, открывает папку, я туда через проволоку свою бумажку пихаю, Шурка — свою. Зашагали дальше.

Через неделю после того заявляется молодой лейтенант, немец; с ним русский переводчик из пленных. (Ну, он-то жил сы-ытно.)

— Где тут эти салаги?

— Вот они.

Нас из строя выпихнули вперёд. И лейтенант от имени начальства объявляет:

— Ваши заявления проверили. Сейчас вас домой отпустить не можем, потому что ваша деревня на самой передовой. Мы улучшаем вам положение: даём работу на кухне.

Ну и стали мы жить, как говорится, хорошо, сытно.

Вечером повара нашинкуют себе капусты с кониной — и в духовку. Она там часа два—три потомится, потом сидим и с таким аппетитом уплетаем. Уж повара-

то голодные не останутся! Главный кашевар — украинец, краснолицый дядька Степан, гладит Шурку по голове:

— Ой, як мой сынок.

Ну и раз так, Шурку работать ничего не заставлял, а меня, как постарше, поставил истопником. Мы за печкой себе нары сделали: Шурка — с одной стороны, я — с другой, проход в середке. Мы того человека, который нас надоумил бумагу писать, отблагодарили хорошо-о-о. Ведь он нам жизнь спас.

А вокруг мёрли как мухи: по двести, по триста человек в день. Богу молятся. С голоду рукой не могут толком шевельнуть, а туда же — креститься. Живые мертвецы в лохмотьях! Ты крестись, хоть закрестись... Самому нужно ловчее быть. Вот! Сами виноваты. Кто вёл себя примерно, слушался, к тем и немцы относились хорошо. А кто своевольничал — расстреливали. Как иначе? Сказывают: двое принялись потихоньку ломать ночью пол. Дураки какие-то... Везде этих недисциплинированных хватает. Что всё дозволено, думали. Может, партийные или х... их знает, кто оне... Нас выстроили всех, чтобы видели, чтоб другим неповадно было. Сперва из автоматов, а потом ещё офицер с пистолета разик шмальнул.

Каждый день я топил печки для варки. Повар главный меня учил:

— Ты жми-жми-жми, топи-топи-топи, а как закипит в котле, сразу же шлангом туши огонь, чтоб через не шло. Дрова выкидывать не надо, пусть тихонько шают. Вареве дойдёт.

Я так и действовал. Получалось хорошо, поскольку сам из деревни, привычки к работе с малолетства. Он хвалил меня сиильно. Один раз заключённым даже нагоняй устроил:

— Вон Павлуха моложе вас, куда пацан, а топит — во! Не как вы: картёжники, лодыри, шатай-валяй.

Однажды он рассказал нам поучи-ии-тельную байку:

— Построил немецкий комендант жителей освобождённой украинской деревни и объявляет: «Кто будет хоросо работать, тот будет кушать млеко и яйки. Кто будет плёхо работать, тот будет кушать са... са... са...» Кто-то из местных подсказывает: «Сало!» — «Найн сало!!! Тот будет кушать свой салюпа».

А я чего... я старался.

Наверное, если бы наш лагерь не стал пересыльным, уми-

ранье не прекратилось бы. А тут всех принялись лучше кормить, баланду давать — когда из ржаной, когда из какой муки. Наливали по полному котелку.

Из нашего лагеря взялись люди, которые покрепче, отправлять на работу в Германию. И когда их построят перед отправкой, мы, пациенты, ходим, проверяем вещи. (Нам ловчее, мы лёгкие на ногу.) Ежели спрятаны миски, отбираем. Затем миски в мешок, мешок на кухню. Которые не отдавали, тех охранники били палкой, чтобы не присваивали себе чужое имущество.

И, видимо, пока я пожитки обшаривал, подхватил заразу. Заболел сыпным тифом. Попал в госпиталь. Двое суток или больше валялся без памяти. Но оклемался, на поправку пошёл. И уже кумекаю: как мне обратно на кухню попасть. На моё счастье, одежда у меня была боле-мене подходящая: пиджачок справный, фуражка. Портные из военнопленных мне за хлеб сшили. (Сытый голодного «имеет», как хочет.) Одеждой я выделялся. И когда нас по четыре человека в колонне привели в лагерь, стали отсчитывать и распределять по баракам, у меня справились:

— Woher bist du? Aus welcher Baracke? [Откуда ты? Из какого барака? (нем.)]

Я не растерялся:

— Aus den Küche. [С кухни (нем.)]

— Dann geh in du Küche. [А-а, ну и иди на кухню (нем.)]

Прихожу: моё место занято, у повара теперь другой работяга. Но Шурка, как увидел меня, радостно:

— О-о, Паля пришёл! Мы с ним...

Хохол тогда:

— Знаешь что, мы тебя на склад определим. Будешь повидло по мискам раскладывать.

На складе уже был Ваня Саратовский. Зану-у-удистый... Засратский! Придурок, он из детдома бежал к военным, был «сыном полка», потом вместе с частью — в плен. И я, значит, стал у него в помощниках ходить. Сам моложе меня на два года, а го-нору-уу... Покрикивает, куражится надо мной. Ну и мы с ним как на-

чнѐм баловаться, я его, ё... мать, как заверну-заверну, аж пищит. Бить-то не имею права, боюсь, что меня начальство выгонит, а помучил всласть. Отвѐл душеньку.

Наша работа несложная: в какой барак, сколько человек... только отмечай в журнал, на каждой миске — бирочка. Мы писали, сколько повидла кому, старались не перепутать, как же. А меня, как маленько закумекал по-немецки, назначили старшим.

Теперь мой черѐд приспел Ваней командовать. Я его не бил, я строго по закону:

— Вот будешь мыть всё один.

Повидлы ели, сколько хотели, но не лишку. Да и много ли ты съешь повидлы?

В бочке двести килограмм, и по документам надо отпустить товару на двести килограмм, а повар наставляет:

— Если будешь вешать грамм в грамм, тебе не хватит. Подпоследок откуда, из воздуха станешь брать? Надо чуть-чуть недовешивать. Вот истина. Недаром притча есть: выстроили сто человек, один взял горсть муки, передаѐт другому, третьему, тот — четвѐртому, и уже через десять—пятнадцать человек мука исчезает. Куда? — Прилипает к рукам. Так и повидло.

Везло мне на добрых людей!

Я весы после этого чуть-чуть... наладил. Вот это «чуть-чуть» и помогало. В итоге до того наострился на взвешивании, что нам оставалась целая миска этой повидлы. Что почище — себе, поскрѐбыши — пленным.

Зиму выдюжил.

К весне дело.

В конце марта день сделался длиннее. Потеплело. И тут опять вызывают в комендатуру. Думаю, что стряслось?

Оказывается, стали собирать пленных финской национальности для отправки в Финляндию, чтобы против Советского Союза воевать.

Сидят там военные за столом и мне в лоб:

— Wie wirst du behaupten dass du ein Finn bist? [Чем докажешь, что ты финн? (нем.)]

Я так проста:

— И не собираюсь доказывать, мне нечего доказывать. Я в русской деревне родившись и выросши, вот у нас тридцать пять дворов деревня: тридцать — русские, а пять дворов финнов. Вот и мы.

В ответ:

— Гыр-гыр-гыр-гыр-гыр.

Переводчик пояснил:

— Будем тебя отправлять.

Закончилась поварская служба. Меня и ещё четверых перевели в отдельный барак. В том же бараке поселили военный комсостав, у всех красные шпалы, ромбы, у кого какое звание. Ну, им, видимо, получше давали баланду. Немцы им подкидывали, как офицерам, так они по помойкам не лазили, умывались — пограмотнее были люди.

Каждый обитатель барака имел отличительную нашивку. У меня жёлтый кружок сохранился ещё с кухни. И я имел право ходить туда-сюда и там кушал... В общем, голоду не видал. К тому же нам на пять человек приносили баланды, как на двадцать, — свой напарник кашеварит. За счёт меня и мужики оживели.

В апреле месяце сорок второго года сопровождающий без автомата, с одним пистолетом, посадил нас в пассажирский вагон. Мы попали в город Каунас. Там лагерь большо-о-ой. Некоторые на месте пристраивались в немецкие зондер-команды. Мне тоже предлагали. Паёк сулили добрый. Но я ни за кого воевать не хотел. Там двоюродного брата встретил. Андрей Эрти — моей тётки, отца сестры родной, сын. Он с той же деревни, откуда моя мама пришла в Горелово замуж.

У меня и одежда была, и сапоги справные, и сам я справный, а там баланда обыкновенная, паёк... А паёк — скотское дело. Пошёл я на кухню, отыскал старшего повара, обращаюсь по-свойски:

— Слушай, я в Вильнюсе на кухне работал, устрой меня, ведь привыкши к кухне. Вот у меня часы, бери. Больше мне нечего дать.

Он осмотрел меня снизу доверху, прикидывая:

— Часы убери. Часы мне твои без надобности, у меня свои есть. А работать тебя взять к себе не могу: у меня комплект полный, не имею права, у немцев дисциплина. Слушай внимательно: иди прямо к проходной, там будка. В ней человек выдаёт повидлу. Иди ему помогать, скажи, я послал.

Бреду по дворику, гляжу: рыжий ефрейтор с собакой прямо голым штыком, без кобуры, подталкивает моих приятелей в спину. Собака рвётся кусать, овчарка как-никак... Я, проходя мимо рыжего, вытянулся по струнке и бойко подкозырнул. Ни он, ни офицеры на меня даже внимания не обратили. Ладно одетый, иду смело, значит, так надо, а у самого мандраж.

Постучал в окно будки.

— Чего нужно?

— Меня главный повар послал к тебе в помощь, давай инструмент.

— Ага, заходи.

Ну, я в дверь — нырк. У самого по спине холодный пот: «Неужели и тут мимо смерти проскочил?»

— Вот тебе голик, вот фартук. Там бочки. Их выскабливай и чистые — в сторону. А это — за работу! — вручает мне миску повидлы.

Ложка-то у меня в голенище наготове завсегда.

И я, как голик в руки получил, фартук надел, — стал при форме, уже никто не тронет... Недалеко за забором помойка, но у проходной и вокруг на вышках охранники. Когда нужно ведро полное выносить, я им ласково:

— Камрад, нужно высыпать.

Эсэсовец сначала со мной выходил, а потом я уж один, без него. Тому, что на вышке, ведро покажу:

— Камрад...

— Schneller! Schneller!..

Высыплю и обратно. За два дня управился. Стоят бочки чистенькие в три ряда — любо-дорого посмотреть. Ну и каждый день я приносил целую миску повидлы своим приятелям — всё помошь. Да окурков собираю полный карман. Они их пересортируют, себе лучшие оставят, остальные — в обмен пустят, готовые крутки делали.

В июне нас из Каунаса перебрасывают в Кёнигсберг. И ну, давай на работу гонять: то окопы рыть, то глубокие траншеи под фундамент. Мы их называли «могилы». Чувствую: слабею. Первое-то время я из этой могилы выкидывал тело на руках, а потом и по лесенке подниматься не замог. Вот.

В одно прекрасное утро нас построили, смотрю: стоит группа, человек восемь. И рядом два немца промеж себя бубнят, мол, одного не хватает, комплект.

А я вроде баловства из строя-то выскочил:

— Nehmen sie mich mit! [Возьмите меня! (нем.)]

— Oh, du sprichst deutsch gut. Du wirst ein Brigadier! [О! Так хорошо по-немецки говоришь. Ты и будешь теперь бригадиром (нем.).]

Ну, я и пошёл. Предстояло копать землю под какое-то строение, но наши конвоиры — молодые немецкие парни, года на три—четыре постарше меня, — не стремились работу закончить быстро и попасть на фронт. Командуют:

— Ausruhen! [Отдыхать! (нем.)]

Мы давай исполнять... Они в карты играют, а мы сидим — загораем. Немцы по очереди кругом озираются: нет ли начальства, не идёт ли машина. Как заметят, сразу:

— Kamerad, arbeiten! [Товарищи, работать! (нем.)]

Начинаем работать, суетиться.

Ещё пилу брали с собой. Напилим дров, наколем каждому по пачке и — в лагерь к захваченным европейцам: бельгийцам, французам — дрова на еду менять. Им Красный Крест помогал, а советским — никто. В Красной Армии ведь «военнопленных не было».

Эти дрова хорошо подкормили.

В Финляндию нас отправили в июле. Целый пароход, две тысячи или больше.

В дорогу дали сухой паёк на три дня, да разве вытерпишь три-то дня?.. Мы за день всё умяли. А Петька, из наших же, из Торовцева, ой, крепкий духом или жмот, обязательно оставит на утро кусок хлеба и терпит. В лагере на нарах он через человека от меня спал. Я, бывало, тоже оставляю кусок — лежу, лежу, не могу заснуть: вытащу из заначки, съем — потом засну. Мне терпежа не хватало, организм требовал.

В Турку, как пригнали, сразу пожрать принесли. Мы такие, рады, Петьку поддразниваем: «Ну что, берёг?!»

Доставили нас в лагерь, помыли, одели. Всем и ботинки дали, и одежу, старую, но чистую, без дыр. Поп молитвы принялся петь: наши подпевали, я-то не умел, слов не знал. Потом от Америки помощь была: посылки «нашим братьям из России». Выдавали один пакет на троих. Каждый свёрток загодя был вскрыт: какое-то там «коофе» охранники себе забрали, остальное — нам.

Вокруг, надо не надо, по-фински чешут. Я-то с русской деревни, у меня не особо разговор, а наши как залопотали:

— O, suomalaiset. Omat! [О, финны! Свои! (фин.)]

В ответ пренебрежительно:

— Ryssä!.. [«Русский» (презрительно) (фин.).]

Ночами я ел припасённые американские сухари, ворочался на жёстких нарах и думал, думал, думал...

Другой мне виделась встреча с родиной. Для русских мы — «чухонцы», для финнов, оказывается, «рюсся»... Нигде с рождения я не был «своим». Таких называют: «гражданин мира», но себя ведь не обманешь. Когда ни один из берегов не стал родным, чувствуешь себя дерьмом в проруби...

Как закончился карантин, отправили нас на земельные работы. Пешком пригнали в поместье к хозяину, барону. Самого я видел только однажды: высокий, худой, как щепка, гладко побритый. Костюм у него — ни помятины. Мы посмотрели: ну, ё... мать, — господин! Морда-то финская. А всем хозяйством командовал управляющий; очки у него толстые-толстые и на животе связка ключей. Каждое утро он распределял, как в колхозе: кого — куда, просеивать или мешки набирать, ну, в общем, дело известное. Поселили нас в большом двухэтажном доме. С одной стороны жил бригадир с семьёй, а с другой — мы. Хлеб пекла финка. Я показал ей свою фотографию, какой до войны был, она, девка не семнадцатилетняя, удивилась:

— Voi-voi, et ollut sellainen, kuin nyt. Näöltä musta, laiha. [Ой, непохоже, какой ты на деле, лицом чёрный, худой (фин.).]

А прошёл месяц, подходит сама:
— Nyt olet kuin valokuvassa.
[Ты стал похож на свою фотографию
(фин.).]

Всё оттого, что теперь литр молока нам давали. И мы уже не только свои ноги передвигали, но и работали ударно. Скашивали косилкой овёс, колосья сушили на кольях, потом возили в большие сараи на лошадях. А зимой, по первому снегу, молотилку подгоняли и обмолачивали тут же. Молотилку электричество крутило. Барабан круглый и ножи. Солома идёт, измельчается, называется «силпу». Её слегка увлажнишь, комбикорм добавишь: и коровы ели, и лошади за милую душу. Закончим работу — ключ управляющему.

Там было очень вольготно.

Когда зима стала, нас — дрова заготовливать. Два кубометра надо было напилить. Мы трудились вдвоём с Эйно. Он эстонец, — это почти как ингерманландец, только эстонец: чистокровный, здоровый, медлительный. Мы с ним всегда позже всех. Тем, которые поодиночке, легче — лучковой пилой, а вдвоём — поперечной... Ну никак!

Сейчас вдвоём я бы не подписался.

Летом приезжает к нам делегация в армию вербовать. Три человека. Один русский, в форме финского лейтенанта, всех допрашивает. Подошла и моя очередь.

— Хочешь ли ты пойти воевать с нами против большевиков?

Воевать мне по-прежнему не хотелось, но прямо не откажешься:

— Я в руках ни ружья, ни винтовки не держал... я не солдат, в армии не был. Пусть меня хоть от плена освободят, от этой заразы. Потом призовут, и я пойду, как уже гражданин.

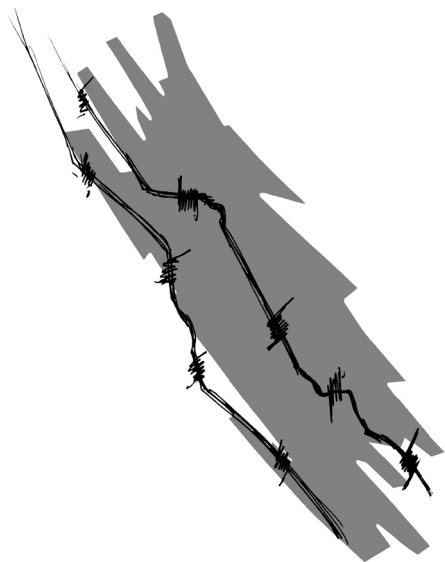
Слышал я, что по ихней конституции так нельзя. Мне в ответ:

— Ладно, ступай.

Потом объявляют:

— Кто с нами, становитесь сюда, пленные — туда.

Шестеро строем потопали с офицером.

В лагере я на общих работах. Питание худое, а всё ж лучше, чем у русских. Те часто бубнили одно и то же слово — «холодно» и показывали, что кушать хотят. И сигаретки на сутки нам две давали. Куришь не куришь — получай. Этим и спасся. Другие ведь на закрутку последнюю краюху хлеба выменивали. Я у одного интересуюсь:

— Ты что, единственный кусочек и тот хочешь сменить?

— Всё равно не жить, хоть покурю перед смертью.

Через три дня он помер.

...В августе сорок четвёртого, туманным утром, весь лагерь построили.

Стоим, переминаемся в «кандалах» — ботинки такие с деревянными подошвами. От них стукоток идёт при каждом шаге. Как сносится кожаная подметка, ставили деревянную. Откуда-то мешками заготовки привозили и гвоздиками прибывали.

С Советским Союзом Финляндия заключила мир. Для нас война закончилась. Некоторые тут же с грохотом отплясывали в этих «кандалах».

Завтра здесь будут советские солдаты.

Русские пришли.

Автоматчики загнали нас в вагоны, паровоз утянул до Выборга, пересадили в советский товарняк и покатали...

В вагоне своя буржуйка и параша. Двое умельцев взялись за одну папироску с каждого, в том месте, где эта параша, сделать культурно дырку. Мы туда оправлялись, были чистота и порядок. Печку топили. Мужики знают, как чего. Днём нас в тупик куда-нибудь загонят, и мы, бывало, чуть ли не целый день стоим. Охранника просим: «Откройте двери, дров-то надо». Охранники вагоны открывали, выпускали два—три человека: больше не разрешалось. Собирали старые шпалы, костылём раскалывали их. Вот этим дровам и грелись. А ночью только «стук-стук-стук, стук-стук-стук», без остановки нас гнали: куда, чего, никто не знал. Едем к Ленинграду... Уже близко. Нет. Объезжаем город стороной, задворками. Везут дальше. Прямо на Москву... Неужели... Нет, вечером опять мимо. К ночи дальше.

И покатали, и покатали... И докатали аж до Сибири. За всю дорогу два раза кормили в столовой. В Свердловске водили один вагон за другим, по очереди. Мы по-военному быстро съедали.

— Встать!

За нами сразу же убирали и загоняли в столовую следующую партию. А так давали сухой паёк, известно — небольшой, но почти все живы остались.

В вагоне маленькое оконце, тычут пальцем:

— Вон шахтёр...

Я никогда не видел прежде, какой такой «шахтёр»? Голову высунул, гляжу: чёрный, как это... Зубы белые и глаза.

А тут довелось самому шахтёром стать.

Пятого ноября сорок четвёртого года мы добрались до города Ленинск-Кузнецкий Кемеровской области. Загнали наш эшелон на шахту Емельян-Ярославскую. Всех построили, ещё и кричат:

— Шаг влево, шаг вправо считается побег. Стреляем.

— Прыжок кверху — тоже побег?

Мёрзлая земля едва припорошена снегом. Северяк несёт, как из трубы. Мороз обжигает. Холодно. А гляну на свекольные лодыжки доходяг — ещё сильней передёрнет.

На этой шахте, на Славке, меня определили на участок номер два, подготовительный. Подготовительные — это проходчики. Они должны готовить лавы. Выдали новую робу, чуни, шапку. И коробки получил, и кайло. Лопата досталась хоть и старая, но шахтёрская, настоящая. Такие горы угля и пустой породы в вагонетки перекидал... Схема простая: бери больше — кидай дальше, пока летит — отдыхай. Сила нашлась, всё же из Финляндии прибыл в теле.

Да здесь и кормить стали лучше. Отвешивали американского сала по пятьдесят грамм. На дворе в киоске по талону ещё пятьдесят грамм можно было получить. Я эти пятьдесят грамм без хлеба, без ничего съедал... Только соль отскребу ногтём или об доску постучу. Почему-то пить после не хотелось. Два куска: один сьем сразу, а второй попридержу, чтоб до лагеря дойти.

Восьмого мая приходит ко мне, из наших же, шустрый парень:

— Иди, тебя начальство вызывает.

Прихожу, майор сообщает:

— Ты теперь расконвоированный. Вот адреса на жильё, если у тебя нет знакомых. А коли хочешь в общежитие, надо отправляться в промстройконтору и там работать.

Порядок был такой: кто берёт квартиранта, тому давали тонну угля. Ну, обычно брали на квартиру, чтоб с хозяйкой спать. Решил: одному будет лучше.

Дал он мне направление:

— Найдёшь контору?

— Ну ещё бы — город-то небольшой.

Я пришёл в общежитие, комендант указала мне спальное место. Пустая комната, пустая тумбочка, койка заправлена. Я присел на койку... Толком не могу в себя прийти: «Неужели свободный?!»

Встал и пошёл в лагерь за пожитками, на последнюю ночь.
Утром приходит смена:
— Братцы! Мир! Победа! Германия капитулировала.
Все лезут обниматься, целоваться. (Я-то этого лизанья не люблю.) Откуда-то флаги нашлись.

Слоняюсь, у самого ни радости нет, ни горя. Победили?! Мне-то что с того. Ни врагов у меня, ни друзей. Все ликуют, а тут сделалось так пусто, одиноко на душе. Нет праздника.

В лагере я позавтракал, взял свои вещи. Вещей-то: котелок да ложка — лишнего ничего. Пошёл в контору. Получил аванс. (Первый раз деньги держал в руках.)

И запала мне думка: уезжать нужно отсюда, из Сибири. Как там мать, сеструхи? Тут даже лесу близко нет. А мне охота, чтобы лес был рядом. И осенью один знакомец, из тех, кто раньше освободился, прислал мне вызов. Настоящий, с печатью, с подписью: «В лесную бумажную промышленность на постоянное место жительства».

Я к начальнику:

— Мне пришёл вызов в Карелию.

Он прочитал:

— Подумаешь, шивая лесная-бумажная. У нас угольная промышленность, поглавней вашей бумажной. Хочешь — поезжай, ты теперь свободный.

Где я жил, до вокзала — два шага. Но я отправился за четыре километра на Разъезд. (Боялся, вдруг передумают.) Всех вещей: мешок с двумя картошками по углам (под лямки), туда котелок, ложку, валенки на ноги.

В поезде еду ночью, и снится сон:

Чёрный каменный свод. Влажные стены. Совсем нет света. И я, словно летучая мышь, летаю бесшумно по тёмным коридорам, по лабиринтам. Летаю быстро, ловко. А сам при этом хорошо знаю, что есть где-то Свет, и парят там птицы с большими крыльями. Живут они попарно в любви и согласии. Каждый год сбиваются в стаи и возвращаются после вынужденной разлуки на свою родину. Вьют там уютные гнезда, выводят птенцов. Случается опасность — бросаются грудью на защиту своего выводка и бьются без страха насмерть.

Я не понимаю, что такое родина, но знаю, что там ласково и тепло. Я никогда прежде не видел этих птиц, но верю: они существуют.

Летаю по всем уголкам чёрного подземелья, ищу свою родину и не нахожу.

Везде неприветливо, темно, холодно, сыро, пусто.

Проснулся в тревоге...

Еду в родную деревню, а такого чувства, что возвращаюсь домой, — нет. Хочу увидеть мать, сестрёнок; но, кажется, встретил бы их сейчас в поезде, и уж никуда боле не нужно ехать. На любом полустанке сошли бы вместе, в любой стороне — вот будто и дома...

Ни одна страна, ни один уголок не стал родным. Ни единого клочка земли не полюбил настолько, чтобы себя положить за него. И никто, ни при каких обстоятельствах, не сделался мне врагом настолько, чтобы я смог его жизни лишиться. Не научился любить и ненавидеть.

Может, поэтому и я ни для кого не стал своим...

От Ленинграда добирался на попутных машинах в кузове. Последние километры пешком. По осенней грязи.

Деревня Горелово. У околицы повстречались подростки. Здравуюсь.

— Ребят, скажите, жива ли Мария Полукайнен?

— Это которая не по-русски молилась?

— Да-да...

— У них ещё три девчонки росли... Померли они с голодухи все.

Совсем малая девчущка, зябко переступая босыми ножонками на стылёй земле, широко раскрыв бусины карих глаз, с надеждой в голосе спросила:

— Дяденька, вы солдат?..

Отвёл глаза и не нашёлся ответить. Обречённо, будто перед казнью, развернулся и пошёл обратно, прочь из чужой деревни.

Иссохла душа. Помертвела...

Заросший берег деревенского озера...

Дальше ноги не понесли. Куда? Зачем? С самого детства цеплялся за жизнь, уворачивался, затаивался, гнулся — потому что каждую минуту надо мной висела Смерть. Некогда было сомневаться и мешкать. И вот, кажется, вырвался, гладко проскользнул: больше ничто не угрожает. Исчезли оковы, решётки, стены, неволя. Всё. Вообще стал не нужен никому.

Была возможность — не захотел стать гордой птицей. Вот.

***

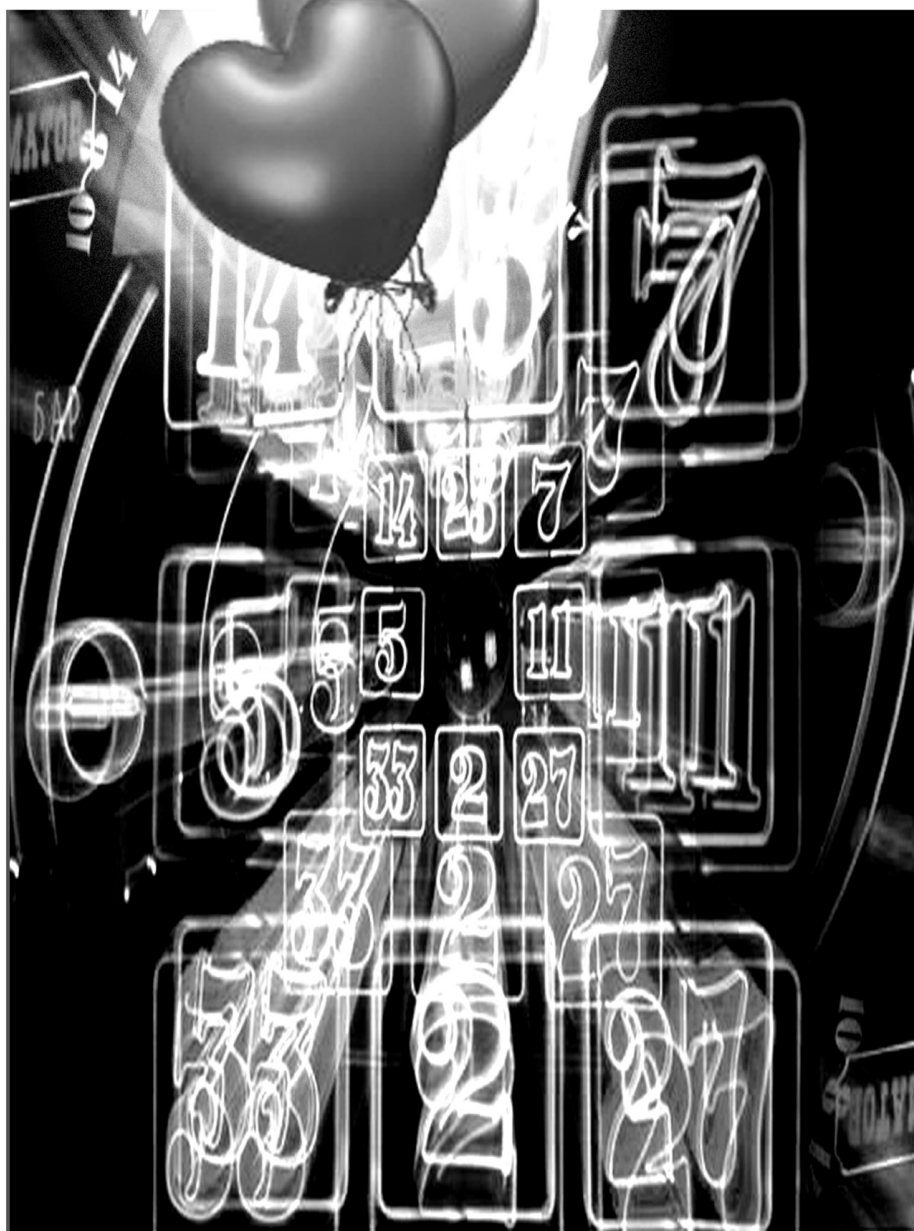
Полёт летучей мыши наткнулся на чёрную бесконечную пустоту.

Его тело случайно обнаружили мальчишки. К мостику ламбушки была привязана верёвка. Вода в ноябре студёная, купаться давно никто не ходил.

Все́й гурьбой за верёвку потянули и вытащили. На спине у него был заплечный мешок, туго набитый камнями. На самом дне, под чёрными скользкими бульжниками, лежали погнутый котелок и алюминиевая ложка.

Ленинградская область, деревня Горелово, 1949 год

Математическое ожидание

Фантастическая сказка
по мотивам романа Евгения Замятина

$$E\xi = \sum_i a_i p_i = \sum_i a_i P(\xi = a_i)$$

*П*отокштампованныхчеловечковунылотянулсяпосеромубез-молвномуугороду...

Все жители города Цифр были вырезаны из толстого ворсистого картона. Каждый горожанин слезал утром со своей полочки, имеющей строгий порядковый номер, брал канцелярскую кнопку, прикрывал ею, будто щитом, красный кружок на груди, направлял остриё наружу и шёл по разлинованным клеточкам к рабочему блоку, где вместе с другими картонными человечками ждал, когда 10 вышестоящих цифр станут на порядок значительнее и его перекнопят на полку повыше.

Жизнь в городе была устроена очень разумно: у каждого свой двенадцатизначный идентификационный номер, выбитый на кнопке (чтоб путаницы не было). В нём — вся информация о человечке: дата создания, где живёт, работает, когда получены замечания от Главного Смотрителя Света и за что. Когда именно приходил вечер, сколько продолжалась ночь и когда наступал рассвет, человечки узнавали по часам. Они развешены везде... Ярко мерцающие циферблаты иногда раздражительно-красными, иногда приятно-зелёными знаками задавали монотонный ритм жизни. В 18:00 Главный Смотритель Света снижал накал уличных ламп, и город Цифр погружался в сумерки. Стоило часам на ратуше отсчитать 24:00, уличное освещение полностью обесточивалось, и лишь в дальнем углу коридора, между деревянными стеллажами, загоралась тусклая контрольная лампочка — начиналась ночь. Тогда обитатели картонного царства укладывались в свои уютные тёплые коробочки. Шорохи стихали. Пустоту заполняла усталая тишина...

Ночная передышка — лучшая награда за суетный день.

...Ровно в 06:00 Главный Смотритель включил рубильник, подал напряжение в городскую сеть, и люминесцентные лампы ярким фиолетовым светом разбудили город Цифр.

Началось утро.

Казалось, оно ничем не отличалось от других.

Житель города 113012391007 сначала тоже так считал, ведь он обычный картонный человечек. На работе к нему обращались официально, перечисляя полный набор цифр, а свои окликали запросто (по первому знаку) — Единичка.

У каждой цифры, повыше середины, был нарисован алый кружок. Пока фигурка новая — он яркий. У старых цифр, со временем, краска обсыпалась, кружок тускнел и стирался. После этого человечка лишали номера и списывали, помещая в бездонный отсек Безвременья. Загадочный символ надлежало всегда прикрывать на людях кнопкой. Обнажать его было не принято. (К тому же, в случае надобности, кнопкой можно уколоть.) Так поступали все... И никому в голову не приходило оставить кнопку дома. Однако Единичка посмотрел на неё сегодня, подержал в руках и... не взял. Зачем ранить других, даже нечаянно? Хотя, может, такое объяснение для себя он просто придумал? Он уже давно томительно ждал чего-то загадочного, манящего. Мечтал о нём. Жаждал... И ожидание это напрямую связывал с отсутствием кнопки...

Единичка подошёл к лифту. Соседние цифры теснились и перетаптывались в очереди. Наконец лифт поравнялся с их полкой, все погрузились и под монотонное гудение электродвигателя стали с подрагиванием опускаться. В механической кабинке тесно. Чужие металлические кнопки иногда задевали его остриём и неприятно царапали. На первом этаже лифт последний раз дёрнулся, уткнулся в неподвижность, створки дверей раскрылись, и обитатели спальной секции влились в общий поток.

Искусственный свет тусклыми бликами отражался на полированной поверхности миллионов канцелярских Кнопок, тупо бредущих по бульвару Повседневности вдоль скучных домов-высоток. Тихие птицы чёрными тенями низко скользили над бетонной мостовой. Восковые цветы торчали на клумбе безжизненно и совсем не пахли.

Он встретил Её на перекрёстке, за два квартала от рабочего блока.

Четвёрочка шла в потоке цифр.

Человечки с чётными и нечётными числами в городе Цифр отличались друг

от друга, но эта разница замалчивалась. Думать, а тем более спрашивать об этом категорически запрещалось. Все чувства были оцифрованы, отношения — подчеркнуто-высушены. Почему среди других типичных силуэтов Единичка заметил Её? Ведь он специально не всматривался, какие там цифры мелькают. Их много. У каждой своя комбинация знаков, свои маршруты, свои кнопки-шипы, крепко прижатые к груди...

Стоп!

В руках у Четвёрочки не было кнопки-колючки.

Единичка остановился и, затаив дыхание, пристально глядел на Неё...

Четвёрочка шла, грустно опустив голову. Каблучки тонко цокали по мостовой. Поравнялась с ним, прошла мимо, сделала несколько шагов и... помедлив... тоже остановилась. Попробовала сделать ещё шаг. Ноги, словно ватные, не слушались. Она растерянно повернула голову сначала в одну сторону, затем в другую. Обернулась... В потоке цифр неподвижно стоял Единичка и заворожённо смотрел на неё. Единичка показался ей не таким как все... Что-то выбивалось в его внешнем облике из привычного порядка вещей. У него на груди... пылал... алый кружок.

Отчего он так открыт?

Где кнопка?

Их взгляды встретились. Задержались друг в друге.

Началась цепная реакция... Четвёрочка не увидела, скорее почувствовала: её собственная красная мишень, томимая изнутри горячим потоком, превратилась в невесомый светящийся шарик... он отделился от картонного тела... и, слегка колеблясь в воздухе, поплыл к Единичке. Коснулся, растворился в нём.

Единичка в истоме прикрыл глаза... Алая поверхность на груди у Единички стала вздыматься, перекачиваться, появился такой же невесомый шар. Он двинулся к Четвёрочке и, не встречая на пути препятствий, плавно... нежно... с ходу вошёл в неё.

Магическая энергия накапливалась между ними...

Проходящие мимо маленькие человечки не замечали каких-либо видимых

изменений, но вместе с тем испытывали необъяснимое беспокойство. Уличные электрические датчики предупреждающим потрескиванием указывали на существование магнитного поля сверхсилы.

Взгляд Четвёрочки затуманился безотчётной радостью. Смушение приятным жаром окатило её. Необычайная лёгкость за-аах!-ватывала... дух. Четвёрочка с удивлением разглядывала свои волосы, нарисованное платье, туфельки... картонную оболочку, **ЧЕМ БЫЛА** до этого. Всё внезапно начало меняться, теряя тяжесть, форму, значимость. Особое невесомое состояние. Раньше она не могла видеть себя со стороны, а теперь запросто!

Кто-то неведомый и всемогущий поднял для них тяжёлый театральный занавес...

Весь мир вокруг ожил: восковые цветы стали ароматными фиалками; свинцовые облака, нарисованные блёклой гуашью, пришли в движение и расступились перед солнцем; невиданные бабочки порхали, касаясь их своими радужными крылышками; нежно звенели изумрудные колокольчики, волнуемые свежим ветром; райские птицы кувыркались в голубом бескрайнем небе, вдохновенно исполняя Великую... песнь... страстной... любви.

Хмурое гетто, безликие человечки куда-то исчезли.

Из двух светящихся шаров возникло что-то единое, волшебное, сладкое... Они являли собой золотое сияющее свечение. Оно разрасталось, набирало силу и пьянило, унося их в звёздно-хмельную даль.

Но этот каскад неизвестных ранее чувств Четвёрочку пугал, вносил смятение. Она сделала попытку отделиться, её светящийся сгусток с большим трудом отпрянул от целого и поплыл к своему картонному силуэту...

...День ушёл в никуда.

Сколько ни пыталась она потом, так и не смогла восстановить в памяти последние события: каким образом светящееся облачко вернулось в картонное тело? почему на груди опять появилась багровая мишень? куда исчезли бабочки и живые цветы? зачем смолкли колокольчики?..

Как всегда, Главный Смотритель отключил на ночь свет. Все давно угомонились. И только гнетущая тишина недоброй соседкой бродила по длинным коридорам. Четвёрочка лежала в спальней ячейке и никак не могла уснуть, мучительно вспоминая подробности утра. Вспоминала, вспоминала, вспоминала...

Закон города Цифр в стране Вероятности допускал подобные случаи только теоретически. Данное явление описывалось формулой как «математическое ожидание случайной Величины»:

$$E\xi = \sum_i a_i p_i = \sum_i a_i P(\xi = a_i)$$

Но в реальности система никогда не давала сбоя.

Запрета строго придерживались и не открывали красный кружок перед незнакомой цифрой, к тому же другого порядка. Да, сегодня утром она допустила роковую ошибку. Оступилась!.. То ли по рассеянности, то ли просто в спешке вышла на улицу... незащищённой. Без кнопки!

Чем обернётся для неё эта искренность?

Четвёрочка резко поднялась с полки, метнулась к двери, назад... То острые сомнения и восторг, то запоздалое раскаяние и невыразимая тоска захлёстывали её.

Контрольная лампочка скупо брезжила, кое-как освещая ярусы общежития. Соседские цифры, каждая в своей ячейке, застыли до утра в забытии. Четвёрочка с грустью смотрела на свой рубиновый кружок, тревожно мерцающий в темноте. Горячее томление под ним не давало покоя, любовная печаль вырастала в сладкую боль. Испуганная, она вдруг схватила кнопку. Напряжённо вцепилась в края. А жар всё сильнее и сильнее... «Где сейчас Единичка? Наверное, забыл меня. Спит спокойно...» Металл нагрелся так, что Четвёрочка едва не обожглась. Она откинула кнопку в сторону, и та юлой завертелась вокруг острия.

Алая поверхность на груди вновь стала вздыматься...

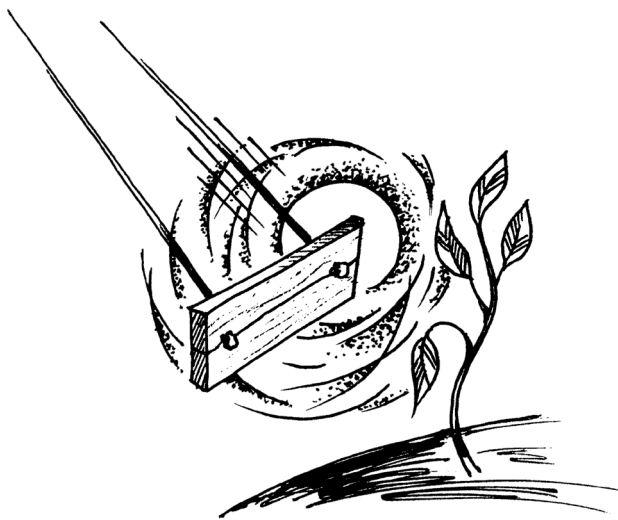
Специальные счётчики на улице зафиксировали аномальное магнитное излучение, которое выделял плывущий над городом необычный сверкающий объект. Над одним из корпусов он завис, свечение его усилилось, навстречу поднялся такой же ослепительно-белый шар. Они слились... Раздался взрыв! Аннигиляция!

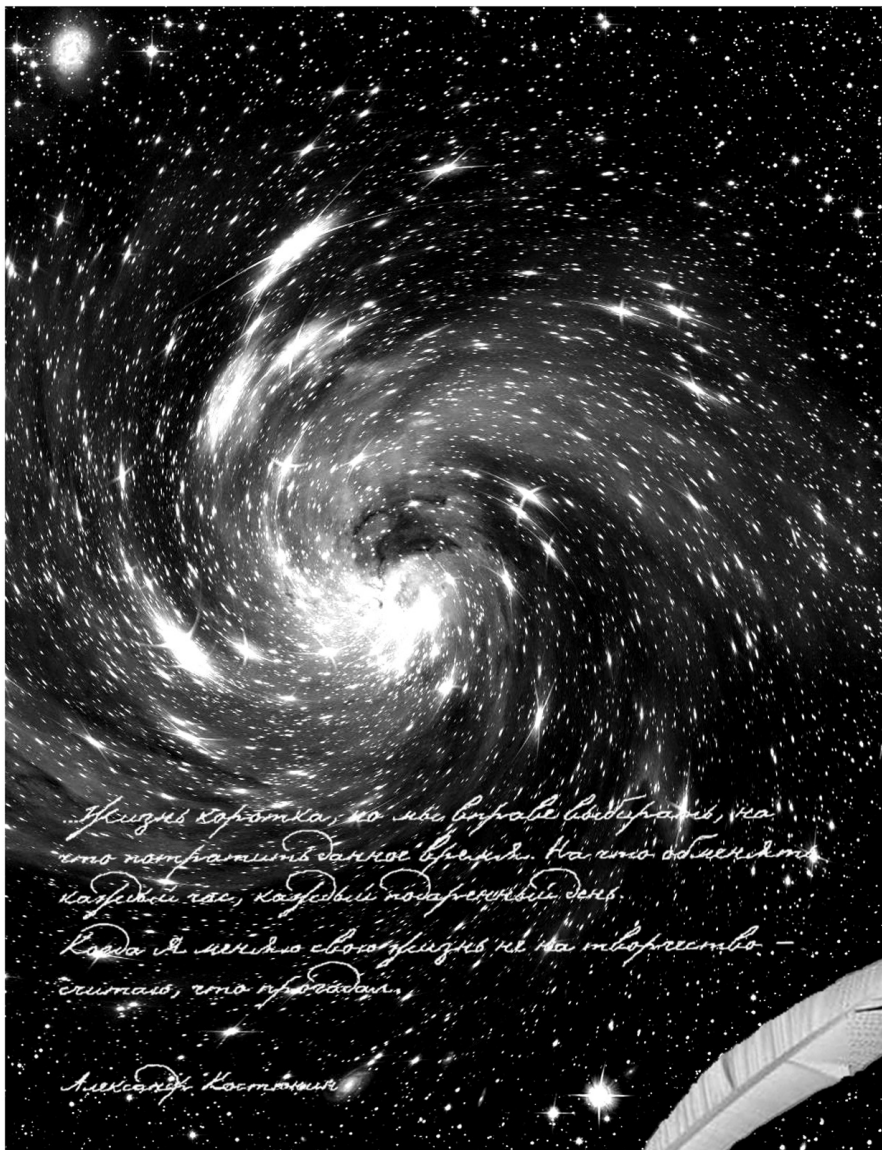
Цифры, разбуженные страшным громом, п о в ы с о в ы в а л и с ь из окон.

Было хорошо видно, как по чёрному небосклону вверх уносилась сияющая пульсирующая точка. Она достигла границ неба, прожгла его и скрылась в бесконечности.

Наутро Цифры обнаружили два пустых картонных силуэта, а сквозь пыльный бетон мостовой пробился нежно-зелёный росток неведомого растения.

Петрозаводск, март 2008 года

...Иногда хочется, но это влечение безобразное, неа-
что по сравнению с темное будущее. На это обмениваю
каждый час, каждый подаренный день.
Когда я слышу своего друга не на творчество -
считаю, что я свободен.

Александр Космополит

Тайнство

*М*не никогда не стать многотомным писателем. Каждое точное слово даётся с великим трудом... От моих произведений не прогнутся книжные полки, и собрание сочинений не будет напоминать натужно растянутую гармонь.

А может, и не стоит к этому стремиться?.. Ведь в капле отражается целый океан. И в слове «истина» всего шесть букв.

Загадочный процесс творчества для меня неизменно мучителен и в то же время сладостно приятен. Догадка, что он не зависит от воли человека, вкрадывалась в сознание исподволь. Более того, человек-мыслящий, как ни старайся, не в силах перебороть эту невидимую силу, эту неподвластную тягу к белому листу. Сколько ни ходи кругами вокруг письменного стола, а всё одно — как в воронку затягивает. Немой лист белой бумаги ждёт касания пера, появления первых букв, слов, строчек, узоров кириллицы. Только тогда он сможет говорить... Сможет через видимые знаки сказать о сокровенном, незримом. О том, что мучает, терзает, болит.

Природная закваска будоражит. Мысли, как забродившее тесто, переполняют, распирают, лезут через край. Обратного не запихать. Это сама жизнь вызрела, и тут — не зевай, если хочешь получить достойный результат. Упустишь момент, не откликнешься душой на импульс — всё. Скис, осунулся. И уже ничего настоящего не создать. *Aiga ni kedä ei vuota.* [Время не ждёт никого (карел.).] Запоздаешь — это уже и не сдоба вовсе — уксус! Едкий. Злючий.

Я видел, как пекут ржаной подовый хлеб. До чего схоже...

Вечером с кухонного стола хозяйка всё убирает. Проходит по гладкой мощной столешнице чистым полотенцем и начинает через мелкое сито просеивать муку: большей частью ржаную, пшеничной — немного. Мука — это перемолотые созревшие зёрна, получившие благословение солнца. В них соки земли, память, её сила и мудрость.

Мука невысокими гребнями мотается в сите из стороны в сторону, комочки собираются наверху, а вниз через клеточки-ячейки сыплется воздушная бежевая россыпь. На столе поднимается зыбкий курган. Медленно растёт... Его невесомую податливую вершину нежно трогаешь, а на руку всё сыплется и сыплется бархатные пылинки будущего хлеба. Ставят хлеб на тёплой колодезной воде, заквашивают. Добрыми руками тщательно вымешивают, жамкают, определяя заодно густоту. При необходимости досыпают муки и оставляют на ночь выспеть.

Утро. Затемно разжигают русскую печь.

Покачивая, с тугим полязгиванием, отодвигают печную вьюшку. Дрова в печи уложены с вечера. Янтарные лучины, ошметинившись, торчат из-под сухих берёзовых поленьев. Чирк! Огонёк на конце спички на секунду задумался, полез по ней вверх, лениво перебрался на бересту, на деревянные иглы лучин... Липкий горячий язык пламени охватил верхние поленья. Занялось. Печь радостно загудела, задышала. Кухня ожила. Стало теплей, уютней. Огромные чугуны, тушилка для углей, блестящий ведёрный самовар, ухваты разных мастей перестают казаться неживой лишней утварью. Всё это, несколько мгновений назад такое громоздкое, безжизненное, музейное... теперь, в весёлых оранжевых бликах, обретает свой истинный смысл, вплетается в создаваемый веками кухонный обряд.

За ночь тесто выросло, раздобрело... Колыбель стала ему мала. Тесто норовит перелезть через край, убежать и, наконец, устало выдыхает:

— П-пых!..

Самое время печь. (Поторопись — получишь лепёшки твёрдые, безвкусные...) Липкими щупальцами тесто цепляется за пальцы, тянется следом, не отпускает. Добавляют ещё муки, податливый тяжёлый ком крутят, мнут, жмут...

Печь к тому времени прогорела. Алые жаркие угли выгребают кочергой в загнетку на шестке. Сосновой метлой начисто подметают под и бросают на него щепотку муки: если мука не вспыхивает, а только обугливается — можно сажать хлеб. Каравай кладут на деревянную лопату, посыпанную отрубями, и переносят в сумеречную жару горнила... Закрывают заслонку. Хлебный дух постепенно заполняет жильё. По дому растекается запах тепла, надёжности, мира. Какие именно превращения происходят с живым тестом в адской темноте — людям знать не полагается. Остаётся ждать. Томительно идут минуты. Одна, другая, третья... Пора!

Отодвинута заслонка... Ну, что там?.. Достают.

Загоревший, аппетитный хлеб.

Если душу свою... Что вкладываешь — такая и отдача.

Глубокие морщины прошли по гладкой бурой горбушке. Оно и понятно: досталось... Горячий каравай смачивают водой и укрывают чистым холщовым по-

лотенцем. Пройдёт немного времени, и хлеб-кормилец будет щедро угощать всех за общим столом. Отдаст себя без остатка на радость людям.

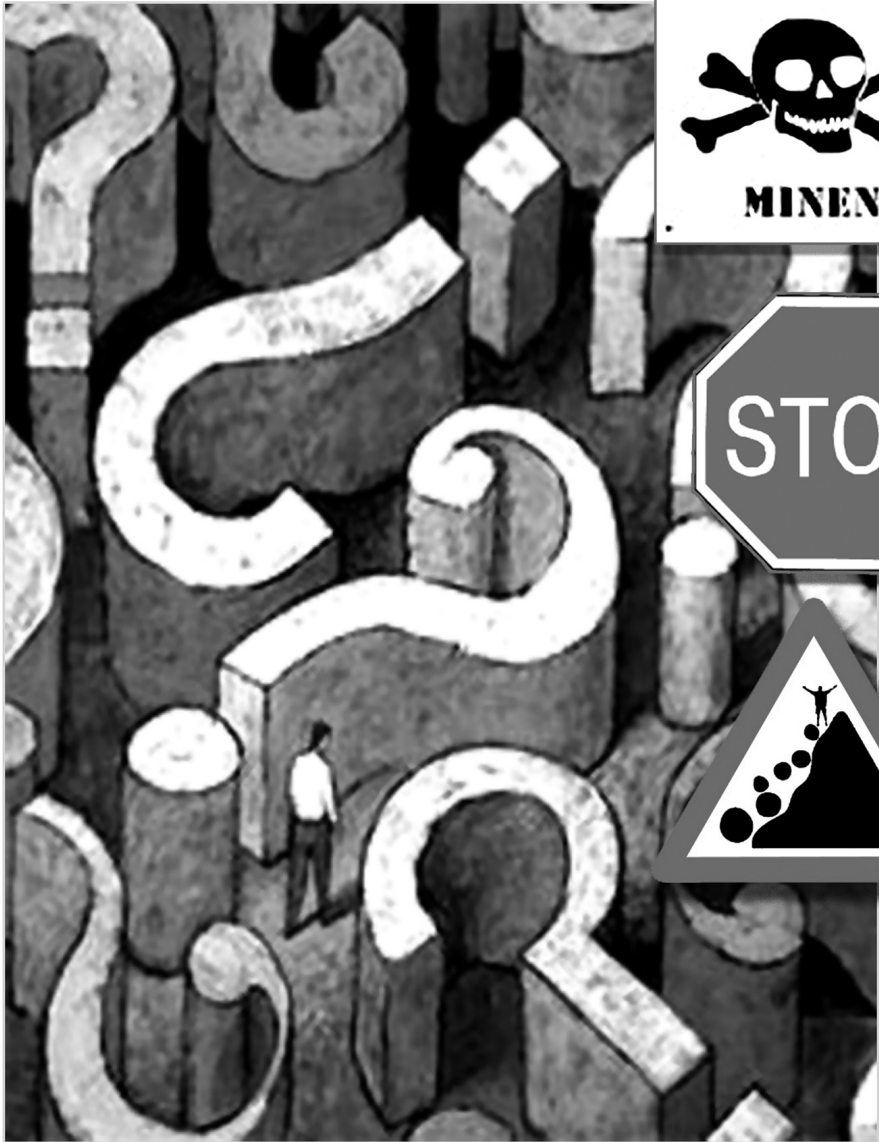
Счастлив тот, кому довелось это испытать.
Такая судьба — дар Божий.

...Всё очень понятно и легко.
Легко, как подобраться к краю... и заглянуть... в бездну.

Петрозаводск, 2009 год

ACHTUNG

MINEN

STOP

Официальное предупреждение

Учительница на уроке русского языка:

— Ни в одном языке мира нет такого, чтобы слово обозначало одновременно согласие и возражение.

— Ага. Да-аа... Конечно!

Внимание!

Считаю своим долгом заранее честно предупредить: далее в книге опубликованы лингвистические (не побоюсь этого слова) экскурсы, стенограмма конгресса писателей, образцы лексической эквилибристики, работы победителей международного литературного конкурса, размышления о русском языке, очерки о встречах с богемой.

Одним словом — скучные, заумные литературоведческие тексты.

И, главное, совсем нет картинок!!!

Издать подобные материалы отдельным томом мне едва ли доведётся. Но ведь не выбрасывать же, раз написано.

При этом я не хочу, чтобы мои поклонники, доверчиво приоткрывшие книгу исключительно в поисках беллетристики, считали себя обманутыми самым бессовестным образом. Поэтому всё хорошенько взвесьте, перед тем как продвигаться дальше по этому «минному полю»!

А добровольцы — за мной!

ЛИТЕРАТУРА ФАКТА

Статьи, встречи, размышления,
писательская «кухня»

Моё знакомство с Вячеславом Тихоновым

В течение рабочего дня приходится отвечать на разные телефонные звонки. Всех не запомнишь. Но один звонок я не забуду никогда...

В 11.14 секретарь из приёмной, по прямому, сообщила:

— Вас из Москвы от народного артиста СССР Вячеслава Тихонова...

— ?!

— Александр Викторович, здравствуйте, я ассистент режиссёра. Вячеслав Васильевич прочитал в московском журнале Ваш рассказ «Рукавичка» и хотел бы встретиться...

***

Три месяца не складывалось: всё что-то мешало... И вот завтра встреча.

На вечернем перроне дорожная суета. Фиолетовые лучи уличных фонарей высвечивают поток белых хлопьев. Громкие голоса пассажиров и провожающих. Редкий смех. Монотонный голос из репродуктора. Мягкий обильный свежий снег под ногами.

В вагон зашёл перед самой отправкой. Отыскал своё место. Снял верхнюю одежду, усыпанную холодными тальими каплями. Сел к окну.

Какой будет встреча с Вячеславом Тихоновым? Что я о нём знаю?

Что Он — для России?

Вячеслав Васильевич Тихонов — Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственных премий СССР и РСФСР.

После ухода от нас Михаила Ульянова, Василия Шукшина, Олега Ефремова,

Евгения Леонова, Сергея Бондарчука, Евгения Матвеева трудно среди современников найти ему равного. Вячеслав Тихонов поражал зрителей не только правильными чертами лица, врождённой статью и благоприобретёнными дворянскими манерами. В отечественном кинематографе он сегодня возвышается настоящим утёсом среди прибрежной гальки, по праву считаясь мастером русского слова, мастером паузы, глубокой мысли и философского молчания.

Мастером Чести.

И всё это — благодаря таланту, щедро дарованному ему Богом.

Можно смело сказать, что роли, сыгранные в фильмах Станислава Ростоцкого «Дело было в Пенькове» и «Доживём до понедельника», Сергея Бондарчука «Война и мир» и Татьяны Лиозновой «Семнадцать мгновений весны» — обесмертили Вячеслава Тихонова.

В середине бандитских девяностых годов влиятельный федеральный чиновник, в разговоре со мной, посоветовал: «Тихонов не участвует в политической жизни страны, как ни уговаривали». Действительно, народный любимец в одночасье исчез с экранов телевизоров и со страниц глянцевого журналов. Не давал интервью. Не бегал из партии в партию. Не ел «с руки»... Не рекламировал товары личной гигиены, как многие.

Многие, но не все! Его коллега по цеху Георгий Жжёнов, как раз в те годы, непримиримо бросил с экрана: «Я соломой буду питаться, но в рекламу не пойду!»

Так нужно ли удивляться, что такой мэтр, как Тихонов, отказался разъезжать с «батькой» в агитационной тачанке по российскому Гуляй-полю, восседая на ворохе награбленного шмотья...

За десять лет Вячеслав Тихонов своим принципам не изменил. Он и сегодня не выезжает в свет.

Артистам, на мой взгляд, славно удаются только те роли, которые они не играют. Всё решает удачное попадание в собственный характер, образ мысли, темперамент. Иногда вопреки оценке режиссёра, как это случилось в киноэпопее «Война и мир» с образом Андрея Болконского.

Автор романа — великий русский писатель Лев Толстой — раскрывает внутренний мир князя Болконского такими словами: «Да, да, вот они те волновавшие и восхищавшие и мучившие меня ложные образы, — говорил он себе, перебирая в своём воображении главные картины своего волшебного фонаря жизни, глядя теперь на них при этом холодном белом свете дня — ясной мысли о смерти. — Вот они, эти грубо намалёванные фигуры, которые представлялись чем-то прекрасным и таинственным. Слава, общественное благо, любовь к женщине, самоё отечество — как велики казались мне эти картины, какого глубокого смысла казались они исполненными! И всё это так просто, бледно и грубо при холодном

белом свете того утра, которое, я чувствую, поднимается для меня». Фраза принадлежит литературному персонажу, а мне слышится голос Вячеслава Тихонова.

Чтобы достоверно сыграть положительного героя, нужно быть им.

***

Подъехали к даче в полдень. Погода безветренная, пасмурная и влажная. Не декабрьская.

У входа — указатель на столбе: «Павлов Посад 60, Пеньково 440, Берлин 1750». Это названия населённых пунктов, неразрывно связанных с рождением Вячеслава Тихонова. Рождением биологическим, творческим, надвременным.

Великий затворник встретил меня на веранде. Мы познакомились, теперь уже очно. Сначала я чувствовал себя скованно. На меня, в ожидании подвоха, пристально смотрели глаза человека мудрого, уставшего, повидавшего жизнь.

Может, виной тому неудачно пройденный фэйс-контроль?.. Другим представлялся автор сентиментального рассказа?

Понимаю... Моя собственная жена и то в сердцах сокрушается: «Ты посмотри на себя в зеркало... Посмотрел? Ну какой ты писатель?!» А один из старшеклассников, после творческой встречи, в сочинении откровенно признался: «Сперва я подумал, что это зашёл охранник Костюнина, а потом оказалось, что это сам писатель и есть!» Что послужило причиной настороженности в данном случае, не знаю, да это и не важно. Главное — «холод» держался недолго. Я подарил свою книгу «В купели белой ночи». Кратко рассказал о себе.

Со стороны ворот послышались весёлые голоса. Вячеслав Васильевич оттаял:

— Мои внуки возвращаются, — произнёс он, сделав ударение на слове «мои».

По тропинке, довольно раскачиваясь в такт собственным шагам, шли два карапуза в одинаковых комбинезонах в сопровождении мамы. Первый поднялся на несколько ступенек вверх по крыльцу, увидел меня. Остановился в нерешительности. Затем, не сгибая ног, согнулся пополам и стал пальчиком ковырять ботик, едва не касаясь его своим розовым носиком-кнопкой.

— Это мы так стесняемся, — с улыбкой произнёс довольный Вячеслав Васильевич.

Мальчуганы-близнецы облепили деда и стали на языке, понятном только посвящённым, рассказывать об утренней прогулке. Меня они тоже приняли в свою компанию. Я посадил себе на колени Георгия, а Славик остался на коленях у бабушки. Или наоборот.

Потискавшись с дедом, потеревшись накоротке родными душами, мальчишки пошли заниматься дальше по распорядку. Мы остались вдвоём.

— Саша, я прочитал твой рассказ «Рукавичка», он мне очень понравился. В судьбе киноактёра многое зависит от режиссёра. Но без драматургии нет настоящего кино. Полонский написал прекрасный сценарий о школе. Очень смелый по тем временам. И готовый фильм долго не выпускали. Всё требовали что-то выбросить, перемотировать. Гавриил Николаевич Троепольский написал добрую повесть о собаке. Он жил в Воронеже, никогда не рвался ни в какие президиумы. Простой, порядочный, очень талантливый, мудрый человек. «Белый Бим...» — это ведь не только о собаке. Это разговор о людях, о жизни. О том, что каждое живое существо индивидуально и нельзя судить всех по одним стандартам. Лев Толстой — отдельный разговор. Мне близки поступки князя Андрея. Его нравственные искания. Помнишь разговор Пьера и Андрея на пароме? Перечитай.

Вячеслав Васильевич говорил, и мне с ним было легко и понятно. Он делал паузы, что-то вспоминал, воскрешал в памяти:

— А помнишь, образ дуба... Человек не сразу начинает понимать жизнь, он проходит через страдания. В твоём рассказе есть глубина, есть второй и третий план, есть чувства. Это хороший материал для сценария. Не переживай, если он понравится не всем. Те, кому не понравится, пусть идут «на тусовку», как сейчас любят говорить. Там не нужно ни думать, ни сопереживать. И твой рассказ «Орфей...» тоже сильный. Я сам не охотник и никогда им не был. А всё почему... Однажды в детстве мы с ребятами не нашли, чем занять себя, и я взял из дому духовое ружьё. Пошли ватагой к Клязьме. Идём по тропке, смотрю: на берёзе стая воробьёв. Сидят себе, весело чирикают. Я вроде и не сильно целился, взял и стрельнул в центр стаи. И оттуда, сверху, прямо мне под ноги свалился маленький воробышек. Крылышки опущены, перья на боку взъерошены. Капелька крови на клювике... Я гляжу на него сверху вниз и думаю: «Зачем?» Так жалко стало... И стыдно.

Вячеслав Васильевич закурил, а я, воспользовавшись паузой, попросил разрешения сделать несколько снимков на память.

— А что я должен делать для этого?

— Вы продолжайте рассказывать.

— Ну, хорошо, тогда слушай. Всё, чем обычно занимается человек в повседневной жизни, не стоит того. Главного мало. И его не сразу выделишь. Князь Андрей это «главное» для себя заметил только после Аустерлицы, «то высокое, вечное небо»...

Мы о многом ещё успели поговорить.

На прощанье Вячеслав Тихонов подарил мне открытку с автографом, на которой изображены персонажи сыгранных им всенародно любимых киногероев, пожелал творческих успехов.

Этот насыщенный, откровенный, доброжелательный разговор с Мастером теперь нужно спокойно и всесторонне осмыслить. На это уйдут годы. А вот пожелание «творческих успехов» как нельзя более кстати уже сейчас.

Направляясь к машине, я невольно обратил внимание на небо. Тучи шли высоко, их порядок смешался, расстроился, появились голубые окна. Окна двигались плавно, как отходящий от перрона курьерский поезд, и через них мне ободряюще подмигивало вечное солнце.

***

Восьмого февраля 2008 года народному артисту СССР Вячеславу Васильевичу Тихонову исполняется 80 лет.

Я пожелаю ему счастья, любви, здоровья! Пусть небо над ним будет высоким, безоблачным и вечным.

Москва, 4 декабря 2007 года

Русское слово — связующая нить времён

С таким названием в Москве в Центральном Доме литераторов (ЦДЛ) (ул. Большая Никитская, д.53) впервые в новейшей истории России прошёл Международный Конгресс писателей русского зарубежья. Конгресс открыл свою работу 19 ноября 2007 г. Организатором форума выступила общественная организация литераторов «Международное сообщество писательских союзов» (МСПС) при поддержке Правительства Москвы.

Конгресс проводился с целью реализации идеи сближения и интеграции в литературно-художественный процесс России писателей-соотечественников, а также тех, кто ведёт пропаганду русского слова во всём мире. Форум был призван поднять на качественно новый уровень объединительное движение русскоязычных писателей, консолидировать лучшие творческие силы для решения задач духовного единения россиян и возрождения традиций русской словесности.

В Конгрессе приняли участие литераторы из восемнадцати стран мира. В числе делегатов — крупные писатели-соотечественники, проживающие в России и за рубежом, переводчики русской литературы, филологи-слависты. В работе Конгресса приняли участие такие всемирно известные мастера русского слова, как Сергей Михалков, Чингиз Айтматов, Олжас Сулейменов, Егор Исаев, Юрий Поляков, Валерий Ганичев, Владимир Гусев, Владимир Бояринов.

***

Начало заседания было необычным. Под музыку Второго концерта С. В. Рахманинова, опираясь на трость, поддерживаемый за локоть, шажок за шажком, с трудом вышел на сцену и занял место в президиуме Сергей Владимирович Михалков. Трудно сказать, что именно по замыслу организаторов должна была символизировать эта гениальная классическая музыка, но, по мнению самого мэтра русской литературы, высказанному в кулуарах, она «походила на траурный марш».

Автор трёх гимнов СССР и РФ, знаменитый детский поэт **Сергей Михалков**, которому исполнилось 94 года, открывая мероприятие, назвал Конгресс историческим:

— Понадобились многие годы и огромные усилия, чтобы мы снова встретились в этом зале, где на протяжении семидесяти пяти лет общались, дружили, ссорились, обсуждали новые произведения и даже немножко выпивали...

Только он произнёс эти слова, свет на сцене погас, и микрофон отключился...

После вынужденного технического перерыва ведущий форума Феликс Кузнецов так прокомментировал ситуацию:

— ЦДЛ перешёл в частные руки, и стоит ли удивляться, что свет погас? Государство, если только оно заинтересовано в поддержке и развитии русского слова, должно проводить и соответствующую политику. Не всё пускать по рыночному ветру.

Эта общая мысль, будучи произнесённой вслух, послужила своеобразным камертоном для всех выступающих на Конгрессе.

«Не знаю — петь, плясать ли, улыбка не сходит с губ. Наконец-то и у писателей будет свой клуб». Так в 1928 году поэт Владимир Маяковский приветствовал создание первого писательского клуба в Москве — Центрального Дома литераторов. Этому гостеприимному дому посвящались стихи и книги, здесь «хорошие и разные писатели», имена которых стали гордостью русской культуры, переживали трагические и смешные моменты, здесь всегда кипела жизнь. Расположенный в самом сердце столицы дом выходит фасадами двух своих зданий на Поварскую и Большую Никитскую (бывшую Герцена) улицы.

И вот, оказывается, он писателям уже не принадлежит...

Но, видно, пришло время «собирать камни». Сегодня государство и Президент России заинтересованы в поддержке писателей. Лучшим подтверждением этого стала правительственная телеграмма, которую зачитали на Конгрессе. В ней, в частности, говорится:

«...Здесь, в столице России, собрались представители разных стран, выдающиеся писатели современности, видные учёные-филологи, слависты. Те, для кого русский язык — язык творческого самовыражения, интеллектуального и дружеского общения. Кто хорошо понимает и высоко ценит значение русского слова, которое на протяжении многих веков ярко, мощно и удивительно красиво «звучит» в мировой литературе. Участникам и гостям вашего Конгресса, проходящего в Год русского языка, предстоит обсу-

дить насущные вопросы сохранения этого поистине бесценного культурного наследия, повышения роли языка как универсального инструмента международного сотрудничества. Убежден, предстоящие встречи, дискуссии будут способствовать укреплению взаимопонимания и доверия, внесут весомый вклад в создание единого литературно-художественного пространства русской словесности».

(Президент России Владимир Путин)

Выступающие выходили к трибуне один за другим и говорили о русском слове с почтением, страстно, как о наболевшем.

Первый секретарь исполкома МСПС, член-корреспондент РАН **Феликс Кузнецов** — бодро, оживлённо, с подъёмом:

— В дни, предшествовавшие Конгрессу, на телеэкранах Европы триумфально демонстрировался сериал по роману Л. Н. Толстого «Война и мир», заставляя людей смотреть не футбол, а экранизацию великого русского романа. (Сосед слева недовольно пробурчал: «Потому что такой футбол смотреть невозможно».) Это событие подтверждает, что русская литература — главный вклад русского народа в мировую цивилизацию.

Современник Пушкина и Гоголя, издатель журнала «Московский телеграф» Николай Полевой называл русскую литературу «невещественным капиталом нации». А Герцен говорил, что литература в России — это «вторая власть».

И действительно, такой власти над умами и душами людей, какой обладала русская литература в XIX, да и в XX веке, не имела никакая другая литература в мире. Истоки этого могущества — не только в высочайшем даре слова её крупнейших художников, но и в том, что русская литература поднимала и ставила на общественное обсуждение самые трудные и самые важные для людей духовно-нравственные и социальные вопросы. И прежде всего — вопрос о Боге в душе, о смысле жизни и совести.

В чём сила русской литературы? Сила её заключается в том именно, что она всегда была обращена к совести, к Богу, к душе. Помните, у Фёдора Михайловича Достоевского: «Ежели Бога нет, значит, и ада нет. А если ада нет, значит, всё дозволено?» Взял топор и убил старуху. Вот весь путь русской литературы — это преграда на пути вседозволенности, это утверждение достоинства и высоты человека.

Двадцать первый век оборачивается вызовом. Вызовом нашей культуре,

нашим традициям, в конечном счёте, вызовом человечеству. Жёсткий, грозный вызов сегодня брошен духовно-нравственной сфере человеческой жизни.

Истоки этого вызова — те процессы глобализации, которые в американском варианте идут по миру. В России в девяностые годы эти процессы особенно больно ударили по русской культуре в тот момент, когда она была брошена в бандитский капитализм, в дикий рынок. Культура и литература были полностью отделены от государства. Это и послужило причиной тех искажений, которые сегодня очевидны для всех думающих, честных людей.

Следствием этого являются осознание необходимости нового подхода, выработка новых взаимоотношений между государством и культурой. Необходимо понимать, что культура и литература — то, что определяет будущее народа; то, что определяет формирование души народа; то, без чего народ не сможет выжить и существовать. Необходима смена стратегии во взаимоотношениях между государством и культурой.

Суть новой стратегии заключается в том, что государство должно осознать себя не сторонним наблюдателем, не благодетелем даже, а инвестором, внутренне и глубоко во всех формах и видах озабоченным судьбой культуры и судьбой русского слова.

И вот знаком понимания необходимости выработки новой стратегии явилось решение Президента России объявить 2007 год Годом русского языка. А на II форуме творческой и научной интеллигенции государств-участников СНГ, который недавно прошёл в Астане, было предложено 2008 год объявить Годом литературы и чтения в Содружестве.

Людмила Швецова — заместитель Председателя Правительства г. Москвы — зачитала приветствие Юрия Лужкова:

«...Ваш представительный форум проходит в Год русского языка, когда Москва, наше Отечество и весь мир с обновлённым чувством восхищения и благодарности обращаются к великой русской литературе как одной из важнейших духовных составляющих русского мира.

Во все века своего бытия и развития наша литература искала и находила ответы на самые глубинные нравственные запросы личности и общества, обращалась поверх любых границ и разделительных барьеров к народному сознанию, спланивала наше многонациональное государство в его испытаниях и победах.

Москва является естественным и уникальным по силе притяжения центром для всех писателей, пишущих на русском языке. После трагического распада государства и тяжелейших реформ девяностых годов Россия

вновь обретает не только экономическую мощь, но и стремление к глубокому культурному самосознанию, бескомпромиссному моральному противостоянию безнравственности, безмыслию и пороку.

Мы благодарны нашим русским писателям и всем художникам слова, филологам, критикам, переводчикам, философам и историкам, в какой бы стране они ни жили, за огромный вклад в строительство русского мира, за труды на ниве русского языка и русской литературы».

Министр культуры и массовых коммуникаций РФ Александр Соколов:

— Девяностые годы — это были годы разрыва не только геополитического пространства страны, не только «парад суверенитетов», но и кризис духовных, нравственных основ. Эти годы явились следствием тех политических процессов, которые мы сегодня осмысливаем. И поэтому пророчество Дмитрия Сергеевича Лихачёва именно сегодня звучит для нас особо. Он сказал: «В России наций стала литература». И вот, наверное, это один из тех девизов, один из тех символов, которые будут постоянно витать над нами в дни работы Конгресса.

Нам действительно пришло время «собирать камни», потому что Год русского языка — это государственное признание значимости того единственного пути, который может быть направлен в Храм духовный. Русский язык — это не просто язык, на котором в мире говорит 250 миллионов человек, а 164 миллиона из них считают его родным. Русский язык — это сокровище мировой, а не только русской культуры. Русский язык — это прежде всего та среда духовного обитания, которая, к сожалению, становится неведомой молодому поколению. Вот этот страшный разрыв поколений, наверное, сейчас и есть самая главная сфера ответственности писательской среды. И здесь Ахматовский девиз: «И мы сохраним тебя, русская речь, великое русское слово» — вот именно он отзывается в девизе вашего Конгресса: слово как связь времён, связь поколений.

Сегодня мы ещё только ищем пути, по которым идти надо, но совершенно ясно, в каком направлении идти нельзя. Мы живём в условиях догматов рыночной экономики. Именно догматов, поскольку культура относится к той сфере рыночной экономики, в которой неучтённость её специфики, неучтённость её потребностей неизбежно вызовет кризис в очень близком будущем. Поэтому сейчас самое время говорить о том, какие потребности культуры являются потребностями нации.

Совершенно ясно, куда не пойдёт рынок, совершенно ясно, чем он не заинтересуется. И не только не заинтересуется, но и будет отодвигать это на периферию жизни. Никогда рынок не наполнит хорошей настоящей здоровой ли-

тературой полки общедоступных библиотек. Никогда рынок не откроет путь на кино- и телеэкран настоящим, высокохудожественным, но некоммерческим произведениям искусства. Это должно делать государство. Поэтому компенсаторная функция государства именно в условиях рыночной экономики становится особо важной. Вместо этого мы с трудом произносим неологизм «разгосударствление», который фактически означает «сокращение сферы ответственности государства». В культуре это абсолютно невозможный тупиковый путь. Наоборот, там, где рынок обнаружил свои провалы, именно государство должно выручать, именно государство должно компенсировать.

Мне кажется, определённые шаги в этом направлении уже делаются. В частности, концепция «Президентской библиотеки» — это новое видение будущего не только культурного сообщества, но и всей нашей страны. И сейчас именно здесь нужно делать совершенно определённые шаги. Как пример приведу проект постановления правительства, который уже вынесен на рассмотрение. Суть его в том, чтобы сохранить издательство «Художественная литература» как государственное и на его основе создать базу издательского дела, обеспечить финансирование из бюджета и определить те самые приоритеты, определить те самые нравственные основы жизни нового молодого поколения. Это означает долевое финансирование на первом этапе существования издательства, а в дальнейшем систематизированное приобретение и распространение тех тиражей, которые и будут доносить до народа настоящую высокую художественную литературу.

Сейчас мы вступили в полосу больших и возможных перемен. Я хочу, чтобы ваш Конгресс послужил для общества импульсом задуматься и повернуться лицом к тому, что является будущим.

Председатель Союза писателей РФ Валерий Ганичев:

— Уважаемые коллеги, разрешите огласить приветствие человека, известного и у нас в стране, и за её пределами.

Об этом свидетельствует недавнее выступление Святейшего Патриарха в Страсбурге на Европейском экономическом сообществе, когда он без ложной толерантности назвал грех — грехом, беду — бедой. И Европа слушала, затаив дыхание.

Мне доставляет удовольствие зачитать приветствие, потому что Союз писателей России является соучредителем Всемирного Русского Народного Собора, главой которого является Патриарх, а Председатель Союза писателей РФ — его заместителем:

«Дорогие братья и сёстры, уважаемые соотечественники!

Сердечно приветствую всех организаторов, участников и гостей Международного Конгресса писателей русского зарубежья «Русское слово — священная нить времён».

Отрадно, что в нынешний год, объявленный в России Годом русского языка, в Москве при деятельном участии мэрии столицы, Международного сообщества писательских союзов, Союза писателей России проходит столь представительный и широкомасштабный писательский форум.

Несомненно, всяческого одобрения и поддержки заслуживает стремление писателей развивать и укреплять добрые отношения и творческие связи между соотечественниками, живущими в разных странах, на разных континентах нашей планеты.

Значение литературного творчества в деле формирования культуры и цивилизации трудно переоценить.

Поэтому роль художника слова, создающего яркие литературные образы, формирующие ментальность каждого человека и всего общества в целом, никогда не потеряет своей значимости.

Надеюсь, что эта важная встреча русских писателей будет иметь историческое значение, поможет лучше понять друг друга и осмыслить цели и задачи, стоящие сегодня перед литературным сообществом, а также послужит укреплению мира и согласия между людьми.

Желаю всем вам, дорогие братья и сёстры, помощи Божией в ваших творческих дерзаниях, а настоящему Конгрессу — конструктивных дискуссий и плодотворной работы».

(Патриарх Московский и Всея Руси Алексий II)

Конечно, есть смысл говорить и думать о ценности культуры и языка всегда. Когда И. С. Тургенев, великий мастер и кудесник русского языка, чувствитель его, сказал слово о русском языке, а вернее, пропел гимн ему, то было ясно, что этот призыв обращён не только к писателям. Он обратился к русскому языку как к опоре и надежде, фундаменту жизни: «Во дни сомнений и дни тягостных раздумий о судьбах нашей Родины...» Я думаю, что это напоминает сегодняшние времена.

Организаторы Конгресса считают себя наследниками великой русской классической литературы, теми, кто считает необходимым сохранять красоту и достоинство русской речи, русского языка, не опуская его до уровня подворотни, пошлости, цинизма, прикрываясь при этом псевдонародностью и, якобы, рачительным отношением к охранительности его.

Скажу откровенно, русскому языку грозит опасность, так же как, я думаю, и другим языкам мира. Сегодня, в начале XXI века — это насаждение англоязычных слов. Мы не выступаем против английского языка. Это было бы глупо, выглядело бы ретроградством в эпоху, когда он имеет значение как язык международного общения. Он для нас важен также как язык великой английской литературы Шекспира, Диккенса, Бернарда Шоу и других великих гигантов английской словесности. Но только невежество и низкопоклонство требует заменять русские слова английскими во всех случаях.

Исторические, нравственные ценности попытались подменить сиюминутной наживой и прибылью. Идеальным устремлениям, свойственным русскому народу и нашей литературе, появилась замена в виде материального. Известно много примеров. Достаточно и одного. Русское слово «убийца», или «убивец», заменено словом «киллер».

Мы не против заимствований технических, экономических или медицинских терминов. Но мы против внесения путаницы, подмены иностранным словом сущностного понятия. Мы поддерживаем усилия французского общества и властей, которые защищают великий французский язык системой законов.

Я вношу предложение от имени секретариата Союза писателей обратиться к Президенту Путину с предложением принять закон, который объявлял бы русский язык национальной святыней нашего народа. Необходимо придать ему такой статус и на законодательном уровне, обеспечить соответствующие этому статусу уважение и защиту.

На своих пленумах, встречах мы выступали и не раз обращались к власти, обществу, средствам массовой информации с требованиями защитить русский язык, не дать рассосаться ему в потоках иноязычия, сквернословия, модного похабства и словоложества. Достаточно вспомнить, что в 1994 году вместе с Русской Православной Церковью мы проводили Собор в защиту русского языка. Журналы «Наш современник», «Москва», «Роман-журнал XXI век», «Литературная газета» — выступали. Иногда казалось: впустую эти выступления. Но наши пламенные речи дошли до слуха властей, и 2007 год был объявлен Президентом Российской Федерации Годом русского языка. Воспользовались ли наше общество в полной мере этой возможностью? Пожалуй, что нет. А ведь это был по существу национальный проект.

Мы обратились к правительству с целым рядом вопросов, с целым рядом предложений. Скажу об одном только: о защите буквы «ё». Мелкий вопрос? Нет! Ещё какой крупный! От русского языка отщипывались в результате варваризации языка, а их у нас было три: Петровская, послереволюционная и нынешняя перестроечная — ряд букв. Сейчас покушаются на букву «ё». К нашей великой

радости правительство приняло решение защитить букву «ё». Все обязаны употреблять, во всех изданиях. Можем же? Можем!

Я сейчас прилетел из Дамаска, с Ближнего Востока. Хочу сказать, что это — оазис русского языка. Палестинским обществом созданы сотни школ русского языка. В кафе Дамаска идут оживлённые споры о Пушкине, Достоевском, Гоголе, Шолохове. Это трогает и умиляет, и требует подвижничества от нас — писателей.

И так ясно, что самая большая, многолетняя инвестиция за пределами нашей страны — не газ, не нефть, не лес, не металл, а русская литература, русское слово, которое вправе рассчитывать на самое высокое внимание и внутри страны.

Я приветствую вас, дорогие друзья, коллеги, сеятели русского слова. Всех, кто представляет литературу братских наших народов, и склоняю голову перед теми, кто служит русской литературе.

Ведущий предоставил слово **иноку Всеволоду**:

— Дорогие друзья, позвольте зачитать приветствие духовного главы всей русской церковной эмиграции Митрополита Лавра. Это знаменательное, знаковое историческое событие, которое раньше было невозможно. Мы понимаем с вами, что дальнейшее возрождение России на путях исторических, в духе дореволюционной России, невозможно без единства народа в Отечестве и в Зарубежье. И поэтому событие, произошедшее в мае: объединение Русской Православной Церкви за рубежом и Русской Православной Церкви, находящейся в Отечестве, событие очень духовно и мистически важное для дальнейшего пути возрождения России.

«Дорогие о Господе устроители и участники Международного Конгресса писателей, позвольте поприветствовать вас от лица нашей Русской Зарубежной Церкви. Вам, как служителям слова, хорошо известна его великая сила. Множество примеров силы слова приведено в Священном Писании. Именно об этих примерах говорит замечательный русский поэт-монархист Николай Гумилёв:

*В оный день, когда над миром новым
Бог склонял лицо Своё, тогда
Солнце останавливали словом,
Словом разрушали города.*

Но известна вам и великая ответственность тех, кто владеет этим оружием слова, ибо словом можно оживить, но можно и ранить. Сказано в Священном Писании: «От слов своих оправдаешься и от слов своих осудишься» (Мф. 12, 37).

Желаю вам созидать словом, лечить души людей, честно описывать современность и события прошлого, говорить о вечных истинах. Всё это возможно лишь на путях служения Тому Единому Слову, о котором говорится в первых строках Евангелия от Иоанна: «Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Всё чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть. В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков» (Иоанн, 1, 1–4).

Отрадно, что ныне в России большое внимание уделяется русской диаспоре. Ваш Конгресс объединил и собрал писателей русского Зарубежья. Наши первые первопроходцы-эмигранты, первые послереволюционные изгнанники действительно не имели никакого другого достояния, кроме русского слова.

И вам, приехавшим из стран Ближнего и Дальнего Зарубежья, вероятно, известна нелёгкая участь служителей русского слова, находящихся в родной среде. Желаю вам с помощью Божьей оставаться на своём поприще, несмотря на все трудности.

Знаменательно, что ваш Конгресс назван: «Русское слово — связующая нить времён». Ведь ныне нашему народу очень важно установить связь с дореволюционной Святой Русью. Нить русского слова и в самом деле связывает все поколения русского народа, связывает прошлое с настоящим, связывает всех нас во Отечестве и в рассеянии сущих.

Божье благословение и помощь да пребудут на трудах вашего Конгресса. И пусть слова, исходящие из-под вашего пера, будут просвещены светом Бога Любви, в чём и будет состоять залог их силы и бессмертия».

(Первоиерарх Русской Зарубежной Церкви
Митрополит Восточно-Американский и Нью-Йоркский Лавр)

Чингиз Айтматов, народный писатель Киргизской Республики:

— Я придаю этому Конгрессу особое значение. Хочу прибегнуть к народному изречению: «Мы все с вами пастухи слова». И поэтому у нас общие заботы, общие страсти, общее пространство, и мы должны делать своё дело. В регионе Центральной Азии русский язык — один из основополагающих языков, содействующий развитию современных национальных культур. Это большая тема, особое иссле-

дование. Давно нам уже нужно было так собраться, давно назрела необходимость осмыслить, что происходит с нашими литературами, и прежде всего с русским языком. У подобных мероприятий должна непременно быть преемственность.

Егор Исаев, поэт, лауреат Ленинской премии:

— Дорогие друзья, товарищи, я из того времени, в котором «товарищ» было первым словом в общении. Эта традиция пошла от Пушкина, от «Варяга» и от нашей песни «Степь да степь кругом, путь далёк лежит», «Ты, товарищ мой, не попомни зла». Не люблю кокетливое, артистическое слово «господа». Я сейчас, кроме себя, никого не возглавляю. Возглавляю свою работу, своё дарование или способность контактировать с пером. Можно словом прозы подумать вместе с вами о том, что делается сейчас в сфере литературы и культуры. Но я об этом пишу стихи:

Вначале было слово, да.
Оно сильней и мимики, и жеста.
Насущное, как хлеб и как вода,
И яркое, как тот петух с насеста.
Люблю слова, в которых смысл и вес,
В которых чисто, но отнюдь не голо.
Я сам словесник, но боюсь словес.
Да здравствует пришествие глагола.

Народный писатель Казахстана **Олжас Сулейменов** — спокойно, уверенно и доверительно:

— Я семнадцать лет не был вот в этом здании, в этом зале, где кипели страсти. Все пленумы наши здесь проходили. Какие диспуты устраивали, какие светлые умы здесь вещали с этих трибун. А вот сегодня мы собрались и выяснилось, что ЦДЛ в частных руках, в руках рынка. Когда Сергей Владимирович начал свою речь, что-то там отключилось, погас свет. Вот в этих деталях кроется дьявол. Вот этими дьявольскими деталями иллюстрируется судьба нашей литературы.

Когда распался Союз, республики начали активно входить во внешний мир. И рвались связи со вчерашними нашими братскими народами. Сейчас мы, видимо, избегаем выражения: «дружба народов». Был такой орден — «Дружба народов». Сейчас просто «Дружбы», уже без народов.

Я очень рад, что заговорили о государственной художественной литературе.

Это крупный, значительный шаг. Таким образом, что-то уже делается. Безусловно, делается. И опыт, накопленный нашей литературой, должен обязательно вылиться в качественные произведения. Мы должны рассказать о нашем времени не этими бульварными книжками, которые заполнили магазины, а весомой, хорошей, серьёзной литературой.

Мы за эти семнадцать лет в республиках больше занимались политикой, писали статьи, выступали на митингах, успокаивали. Наши народы искали свой путь в будущее, искали национальную идею. И очень часто, чтобы эта национальная идея не выродилась в элементарный национализм, нам приходилось, как говорится, наступать на горло собственной песне, вести оперативную работу, политическую работу. Это отнимало у нас время, но сохраняло наши народы от трагических ошибок, которых не избежали в республиках. Я счастлив, что нам удалось удерживать ситуацию. Мы начали по-новому понимать, что такое «независимость», что такое «зависимость». И мы поняли, что независимость не может быть конечной целью развития национально-освободительного и прочих движений.

Независимость — это не тупик, это период, переходный период к эпохе осознанной взаимозависимости. (Аплодисменты.)

Спасибо вам за то, что вы поняли, потому что к этому надо прийти. Словесно никого не убедишь.

Как-то я сказал своему другу: «Все мы кочевники. Мы кочуем навстречу себе, узнаваясь в другом». Мы должны узнавать и узнаём себя только в другом. Сами в себе мы себя не знаем. Таков путь личности. Таков путь развития народа. И вот этот путь должна обобщённо показывать литература.

Направил своё приветствие в адрес Конгресса и Глава Республики Карелия **Сергей Катанандов:**

«От себя лично и от имени жителей Республики Карелия разрешите приветствовать участников Конгресса писателей русского зарубежья.

Республика Карелия — республика многонациональная. У нас проживают карелы, финны, русские, ингерманландцы, белорусы, украинцы. Представители разных конфессий, вероисповедований. Сохраняя традиции, культуру и язык своих народов, они говорят и пишут на родном языке.

Однако всем нам русский язык помогает сохранить то главное, без чего не может существовать нация — единую историю и культуру. Карельские писатели собирают и нанизывают редкие северные жемчужины родного языка на нить-основу — глубинную чистоту и сокровенность русского слова — как отражения русской души.

Прозрачные ручейки национальных языков объединяются в единое мощное неиссыхающее русло, наполняя собой, делая великим Русское слово.

Настоящий Конгресс тем более важен и значим, что даже вдали от Родины писатели остались верны главным непреходящим ценностям, тем они дороги и интересны русскому читателю.

Приветствую писателей русского зарубежья, которые сохраняют и обогащают наш великий, могучий, интегрирующий русский язык.

Воистину: русское слово — связующая нить времён и культур!»

***

Почётно присутствовать на таком авторитетном форуме в качестве участника. Это живая история. Это ориентир. Это информация к размышлению.

За последние десятилетия российские писатели по достоинству могли оценить только две модели взаимоотношений государства и мастеров слова:

Советская, или «вездесущая».

Она включала создание в 1925 году самой страшной в истории русской литературы организации — РАПП, Российской ассоциации пролетарских писателей. Для этой модели был характерен не только тотальный партийный контроль над литературой, но и собственно управление писательским процессом, бытом, работой и личной жизнью писателей. Контролирующие органы меняли свои названия, но не суть, вплоть до развала СССР.

Был единый писательский союз на всю страну, но деятельность по редактированию слова не ограничивалась только его рамками и выходила далеко за пределы. Писатели не всегда могли похвастаться лояльностью со стороны власти по отношению персонально к каждому, однако в равнодушии её не мог обвинить никто. Авторы, начинающие и маститые, эмигрировавшие за границу и не помышлявшие об отъезде, пролетарские и «буржуазные», имеющие за спиной множество публикаций и те, кто на них не рассчитывал: Владимир Маяковский, Сергей Есенин, Иван Бунин, Алексей Толстой, Сергей Довлатов, Василий Шукшин, Валентин Распутин — каждого власть одаривала знаком внимания. Кому грамоту, спецпаёк, государственную премию, а кому изгнание, пулю в висок, порцию яда либо просто увесистую затрещину.

Модель вторая, постсоветская — «равнодушная».

Власть была занята разделом природных богатств, ей не было дела до всяких

там глупостей. Союзы писателей выросли по инициативе «снизу», как домны по выплавке чугуна в Китае во время культурной революции (в одной Карелии четыре союза). Почти полностью отсутствовала финансовая поддержка писательского служения. Поговаривали, что невозможно было донести информацию о своих литературных работах посредством телеканалов, если текст не содержал пропаганды однополю́ любви или педофилии. (Своего рода «пропуска».)

Однако при всей кажущейся разнице двух моделей — душок у них один: государство относилось к мастерам слова дешёво и сердито.

Неискущённый наблюдатель может возмутиться позицией писательского братства: «Вам и то не нравится, и это... Хватит капризничать!»

Да, в общем-то, никто и не капризничал. Более того, никто ничего уже и не ждал.

И вдруг...

По просветлённым лицам участников Конгресса, по радостному блеску в глазах, по интересу к докладам я понял, что присутствую при явлении особом в своём роде. Происходило то, о чём ещё вчера никто не мог даже мечтать... При мне закладывалась новая система взаимоотношений власти и литераторов, и власть сделала свой шаг к сотрудничеству первой.

Люди творчески тонко чувствуют любые изменения в политике либо намерения к ним. И они тут же раскрылись, пошли навстречу.

Проект тогда обречён на удачу, когда каждая из сторон осознаёт степень своей выгоды от его успешной реализации. И, судя по всему, власть осознала необходимость участия в судьбе русского слова.

На протяжении восьми лет я работаю на оборонном заводе. Наша продукция — военные противоминные корабли. Они обеспечивают развёртывание стратегических ядерных сил флота (МСЯС). Какое отношение имеют вопросы нравственности к «оборонке», к управлению производственным процессом?

Прямое.

Один только труд превращает обезьяну в уставшую обезьяну. Человек — категория нравственная. Я убедился, что известный метод управления «кнута и пряника» не эффективен. Это скорее не метод управления — это закон дрессировки, и успешно применяется он разве что укротителями при показе на публике вышколенности своих питомцев. А когда перед тобой люди... Тогда задачи стоят многократно сложнее, чем необходимость прямохождения, — тут муштра не поможет. В данном случае требуется совсем иной подход. И я считаю, что, не затронув вопросов нравственности, не удастся добиться устойчивых положительных результатов ни в процессе воспитания, ни в процессе управления крупным производственным коллективом.

Сказанное в равной степени относится и к управлению страной.

Командой нашего общего хрупкого космического корабля под названием «Земля» невозможно управлять джойстиком. Не просто важно — крайне необходимо, чтобы каждый человек осознал степень собственной ответственности за порученное дело, личную заинтересованность в уюте и тепле нашего общего дома.

Тогда, если это так, первым шагом являются самоанализ, сочувствие ближнему, терпимость. И, по-моему, стоит делать и первый шаг в этом направлении, и второй, и последующие, чтобы люди в состоянии были приподняться над повседневным и стать способными Любить.

А всё это — сфера влияния Слова.

Начался Конгресс едва ли не под музыку траурного марша, а закончился ликующим Гимном Русскому Слову. Видно, не беда, если начнут за упокой, главное — кончить за здравие!

Москва, 19 ноября 2007 года

Когда расступаются облака

Издательский Дом «Кислер компани» совместно с Международным сообществом писательских союзов учредили литературную премию «Облака» им. С. В. Михалкова. А 18 марта в Москве, в конференц-зале МСПС, состоялась торжественная церемония награждения лауреатов 2007 года.

В номинации «Лучшая книга года. Крупная проза» премия присуждена С. В. Михалкову за книгу «Что такое счастье?» В номинации «Лучшая книга года. Повести и рассказы (малая проза)» — карельскому писателю Александру Костюнину, больше известному «в миру» как Председатель совета директоров оборонного завода «Авангард», за книгу «В купели белой ночи».

***

Сергей Михалков... Это имя откуда-то из далёкого радостного детства: мы познакомились с ним одновременно с самыми дорогими словами, с первыми строчками самостоятельно, по слогам, прочитанных книг. Но в звании «Поэт Михалков» — не только ностальгия по детству. В нём слышится отзвук истории нашей великой страны.

Перед началом церемонии награждения ведущий попросил:

— Сергей Владимирович, расскажите нам что-нибудь интересное из своей жизни.

Мэтр детской литературы выдержал паузу и откровенно поделился с нами:

— Вы знаете, так вот живёшь, живёшь... В моей жизни было много встреч. Самая памятная для меня, оставившая большое впечатление в моей жизни, — это встреча со Сталиным... Мне было тогда не так много лет. Это было в сорок третьем году. Осенью, когда утверждали Гимн Советского Союза, я имел возможность, которую далеко не все имели: я сидел с ним рядом.

Отдельные фразы, отдельные мысли я помню до сих пор.

Когда кто-то из присутствующих, их было немного, предложил выпить за товарища Сталина, Сталин повернулся ко мне и попросил: «Вы не пейте, а то с Вами неинтересно будет разговаривать». Это правда. Я запомнил это на всю жизнь.

Сталин тогда ещё спросил меня: «Вы член партии?» — «Нет. Я беспартийный». Он помолчал: «Было время, и я был беспартийным».

Это был очень мудрый человек. Вокруг него складывались легенды.

Несколько часов мы просидели с ним рядом. И шёл разговор о жизни, о литературе, о детской поэзии. И когда я уходил, Сталин меня провожал до дверей и сказал: «Теперь у нас есть Государственный гимн СССР».

Когда я приехал домой, было уже часов пять утра. Мама спрашивает: «Ты где был?!» — Сергей Михалков интонацией передал разгневанный окрик матери, задавшей вечный вопрос всех мам. — Я отвечаю: «Со Сталиным». Она мне: «Ну, ложись спать. Завтра разберёмся».

Это была одна из многих встреч, где я чувствовал себя абсолютно раскованным, допускал немыслимые по тому времени шутки. Шла война, сорок третий год. С кем бы я после этого ни встречался, с кем бы ни разговаривал, эта встреча наложила на мой характер, на мою психологию определённый отпечаток. Жизнь обошла меня своими чёрными местами.

Дорогие друзья, что я вам посоветую...

Во-первых, жить долго. Вообще, вы знаете, прожить долго — это счастье! Но прожить ещё и творчески, прожить, думая о будущем, — счастье особое. Об этом моя новая книга. Я посоветую вам жить честной жизнью, чтобы у вас не было на совести какого-то поступка, который бы угнетал вас потом всю жизнь. У меня на совести такого поступка нет. Я сплю спокойно. Я только нервничаю перед такими встречами, как сегодня с вами. Считаю, что так правильно...

Я желаю вам успехов в вашем творчестве, в том, что вы пишете, в том, чем вы пишете. Честно вам скажу: я люблю вас, дорогие товарищи! Именно «товарищи», а не «дамы» и «господа».

***

Быть отмеченным в одной из номинаций «Лучшая книга года» — для меня огромная честь. Невольно анализирую: случайность данное событие или нет? Ведь по своей основной профессии я — оборонщик, а не филолог.

Мои первые пробы пера относятся к публицистике.

А началось всё так: в городе Ростов-на-Дону проходила общероссийская конференция «О состоянии и мерах по повышению качества вооружения и во-

енной техники». Я тоже принимал в ней участие. Два дня выступающие сменяли друг друга, обсуждая отраслевые проблемы и пути их решения. Вопросы поднимались острые... Когда всё закончилось, участники разъехались по домам: по министерствам, институтам, оборонным предприятиям.

Вернулся на завод и я. Приступил к исполнению своих служебных обязанностей.

Но чувствую: возвратился я из командировки, после всего услышанного, какой-то другой. Хотя «вроде — всё как всегда: то же небо — опять голубое...» К этому можно добавить, хоть и не в рифму, «и те же проблемы». У руководителя их хватает: кадры, финансы, заказы, налоги... (Только успевай поворачиваться!)

Я не мог найти себе места. День, второй, неделю. Во мне ломка какая-то... Груз на душе.

Всё, больше не могу.

Случайно присел к компьютеру. Просто так. Просто набрать пару тезисов, из тех, что обсуждались на форуме. И не смог оторваться. Пальцы сами бежали по клавиатуре, пытаюсь догнать мысли, которые созрели, забродили и наверняка разорвали бы мою сущность изнутри, не дай я им выхода. Два часа пролетели, как один миг. Нажата кнопка «печатать», и передо мной на листах белой бумаги появилась статья: «Своим оборонка «плечи не тянет»!

Ещё какое-то время сидел в истоме, испытывая облегчение от сброшенной тяжести. Наслаждение чисто физиологическое, только потом моральное.

Выговорился. Отпустило!

Неделя редакторской правки. Отправил статью в журнал. Всё. Нормальный человек. Можно плодотворно работать, пока опять не прихватило.

Это сейчас всё изменилось в экономике страны. А ведь был период, когда объём отечественного производства в машиностроении стремился к нулю. «Сложно сделать процесс захватывающим, когда результат никому не нужен». Решение производственных задач, «собственно работа», подменялась «как бы работой», обильной перепиской «как бы о ней», рапортами, витиеватыми служебными записками, мечтами во сне и наяву... Это, в свою очередь, развивало и навыки иные. Совсем не инженерную смекалку, не интуицию, направленную на управление процессом производства...

Директора ОПК меняли специализацию, невольно превращаясь в виртуозов эпистолярного жанра, в фантастов и сказочников. Изошрённых сочинителей самого широкого профиля.

Меня этот процесс тоже затронул.

За два года были написаны статьи: «Российская оборонка против «контрольного выстрела», «Партизанские методы исполнения Государственного

оборонного заказа», «Карелия финская и наша», «Жив ли русский медведь?», «Где находится выключатель у русского Чудо-оружия?» и другие.

Однако сфера обороны — тема закрытая. Я стал чувствовать себя как персонаж из рассказа Жванецкого: «Вот на заводе номер восемь дробь шесть, в общем, на одном из наших предприятий, конструктор Серафим Михайлович... В общем, один чудак, изобрёл машину для этого... В общем, не дураки сидят!»

С каждым годом приходилось всё больше использовать междометия и многоточия... Всё чаще переходить на внутренний монолог. (Зачастую нецензурный.) А раз так, то ну его вообще...

Свою потребность писать я направил в мирное, гражданское русло. «Ручкавичка», «Орфей и Прима», «Офицер запаса» — мои первые рассказы. А. М. Горький начинающим писателям рекомендовал идти «в люди», изучать жизнь. У меня процесс обратный: впечатлений хватает, нужно только положить их на бумагу.

Получив высокую награду, я, волнуясь, поблагодарил председателя жюри:

— Сергей Владимирович, спасибо Вам за признание моей книги, за высокую оценку начинающего писателя!

— Вы писатель не начинающий. Вы своего читателя уже завоевали. Вы хороший рассказчик. Я желаю Вам того, чего и всем: долгой творческой жизни!

А на прощание легендарный поэт дал мне поручение: зачитать его приветственное слово на празднике «Недели детской и юношеской книги» в Республике Карелия. Вот этот текст:

«Дорогие друзья!

Поздравляю всех вас с открытием Книжкиной недели! Недавно мне исполнилось 95 лет. Вся моя творческая жизнь прошла в служении русскому слову, детской литературе. Нет ничего более волшебного, загадочного и полезного, чем книга. Это — наш самый верный и близкий друг, она с нами с раннего детства и до глубокой старости.

Книга помогает человеку стать честным, смелым, найти верную дорогу в жизни.

За свою жизнь я написал много детских книг, ещё больше прочитал, но уверен, что самая лучшая книга впереди.

Найдите свою книгу. Самую главную, самую нужную. Она непременно поможет вам лучше понять жизнь, создать ту повесть, имя которой —

достойная жизнь. Именно вам предстоит вписать свои дела золотыми буквами в судьбу своего города, своей Республики Карелия, всей нашей любимой Родины.

Желаю всем здоровья, счастья, мира и дружбы.

Ваш Сергей Михалков»

23 марта в Национальном театре Республики Карелия состоялся праздник. Зал был полон детей. Я с гордостью выполнил данное поручение.

И ребята, и взрослые встретили послание с откровенной радостью, как луч весеннего солнца, пробившийся меж облаков.

Петрозаводск, 23 марта 2008 года

Десять дней, которые упрочили мир

В рамках Года Болгарии в России, в целях создания и расширения прямых контактов между писателями и журналистами, поиска новых форм и способов развития сотрудничества между нашими странами в экономической и гуманитарной сферах, по линии МИД РФ был организован «Российско-болгарский диалог писателей и представителей СМИ».

В период с 3 по 13 сентября 2009 года на теплоходе «Илья Репин» участники проекта совершили путешествие по Волге в города Углич, Ярославль, Нижний Новгород, Чебоксары, Казань, Тольятти и Самару. На теплоходе состоялись творческие встречи с писателями, семинары, круглые столы и дискуссии по актуальным вопросам современности. В городах, по маршруту следования, были организованы встречи с представителями администраций и региональных СМИ.

Из Республики Карелия в составе делегации был писатель Александр Костюнин.

Когда пользователь убеждён, что все проблемы компьютера можно решить путём банальной перезагрузки, растерянно замолкаешь. Замыкаешься. Уходишь в себя. Пропадает желание продолжать разговор, углубляясь в специальную тематику. Такого человека трудно назвать «продвинутым пользователем». Это скорее «чайник»!

А сфера международных отношений устроена, однако, посложней, чем запрограммированное железо. И здесь перезагрузкой тем более не обойтись.

Россия и Болгария.

Взаимоотношения двух народов, двух государств.

Не хочется называть отношения братскими, чтобы не бросить на них тень (ведь история знает и таких двух родных братьев, как Каин и Авель). Но связь между нашими народами происходит из глубины веков — несомненно!

Резкие, кардинальные перемены последних десятилетий в мире, конечно же, не обошли стороной и российско-болгарские отношения. В них возник перерыв, который не мог длиться бесконечно долго. Потребность в развитии двусторонних отношений была объективной и острой.

Подводя итог затянувшейся паузе, Президент Российской Федерации Владимир Путин на встрече с болгарским руководством в 2008 году отметил: «Мы вместе развиваем новые связи, отвечающие требованиям времени. Их вектор задают не идеологические догмы, а хорошо понятные национальные интересы, здоровый прагматизм, взаимное уважение и взаимная выгода».

Год 2008-й был объявлен Годом России в Болгарии, а 2009-й — Годом Болгарии в России. В рамках этих национальных мероприятий и состоялось наше увлекательное путешествие.

Путешествие не только и не столько по реке Волге.

Путешествие во времени.

История отношений между Россией и Болгарией, древняя и новейшая

Отношения между Россией и Болгарией за века не раз подвергались искушениям и серьёзным испытаниям. Случались размолвки: так дипломатические отношения, установленные 7 июля 1879 г., были прерваны 5 ноября 1886 г.; вновь восстановлены 2 февраля 1896 г., прерваны 22 апреля 1915 г.; с Российской Советской Федеративной Социалистической Республикой (РСФСР) установлены в апреле 1918 г., прерваны в сентябре того же года; с СССР установлены 23 июля 1934 г., прерваны 5 сентября 1944 г., восстановлены 16 августа 1945 г.

13 января 1992 г. Российская Федерация объявила о том, что она продолжает осуществлять права и выполнять обязательства, проистекающие из международных договоров, заключённых от имени бывшего СССР.

Начало 90-х — период, когда наступило очень серьёзное охлаждение между нашими странами, когда болгарское правительство хотело убежать как можно дальше от советской власти. 23 октября 1991 г. в Москве подписали Протокол об установлении дипломатических отношений между РСФСР и Болгарией. Однако содержащиеся в протоколе договоренности развития не получили. Стороны диппредставительствами не обменивались, а интересы России в Болгарии представляло посольство СССР.

Болгария позднее всех других участниц СЭВ стартовала на пути демократического преобразования общества и либерализации плановой экономики. Но, избрав этот путь, пошла по нему без оглядки. Преобразования были не половинчатыми. Масштабными! Как после фальстарта народ вернулся к начальной точке и... всё по-новой... В 1991 г. принята новая конституция, политические партии восстановлены, собственность, отнятая в 1947 г., возвращена,

начинается процесс приватизации и передачи земли прежним хозяевам. Основным приоритетом во внешней политике Болгарии стало вступление в Европейский союз и НАТО.

Болгарии не удалось миновать «охоты на ведьм», в ходе которой жертвами оказались многие члены Болгарской коммунистической партии, без учёта их личных качеств и вклада, принесённого на благо страны. В целом этот процесс состоялся по всем правилам кровного мщения, сформулированным в апреле 1991 года в другой стране бывшего соцлагеря, на заседании Всепольского гражданского комитета: «Нет никаких моральных преград в борьбе с коммунистами — надо вести с ними борьбу повсюду и на каждом шагу, преследовать и карать». А поскольку коммунизм в глазах болгарского обывателя ассоциировался прежде всего с СССР (впоследствии с его правопреемником — Россией), то часть этой ненависти и слепой неуправляемой ярости вылилась и на двусторонние отношения недавних «братских народов».

«Уже в 1990 году мало у кого вызывали удивление и непонимание варварски облитые красной краской памятники советским солдатам-освободителям, анти-российские лозунги в средствах массовой информации, участвовавшие демонстрации у зданий российских зарубежных представительств. Не только болгарская внешняя политика, но и экономика сделала, насколько это было возможно, резкий крен в ориентации». [Москва — 1997, Зенкин Д. В.]

К чему это привело?

По словам представителя болгарской делегации, «вместо старшего брата у нас появился хозяин». Да ещё исчезли с российских рынков болгарские сигареты, консервы и вино.

Болгарии, конечно, далеко до статуса державы с высокоразвитой технологией производства. И всё же, и всё же...

На сегодняшний день 90% российского экспорта в Болгарию составляют продукты энергетики. А вот основные позиции болгарского экспорта в Россию таковы: машины и оборудование — 20%, медикаменты — 17%, парфюмерно-косметические товары — 15%, зубная паста — 8%, вино — до 2%.

Машины и оборудование в российском экспорте в Болгарию составляют лишь 6%. Выводы делать не хочется...

День сегодняшний

Осталось ли после бракоразводного процесса то, что нас объединяет?
Да!

Общие духовные и культурные традиции, языковая близость, в основе которой — великий подвиг равночтимых святых Кирилла и Мефодия.

Наши народы сближают героические страницы освободительной борьбы с Османской империей, когда рука об руку с болгарскими ополченцами русская армия пядь за пядью отвоевала свободу и независимость балканской страны. С насилием славянского населения, которое продолжалось пять веков, было покончено, а презрительная кличка «райя» (стадо) ушла в прошлое. В годы Второй мировой войны Советская Армия помогла болгарскому народу освободиться от фашистской оккупации.

Сейчас в Болгарии вновь почитают наши общие ценности и свято хранят память о боевой доблести русского солдата — от Шипки до легендарного Алёши в Пловдиве.

А стержнем духовной близости российского и болгарского народов является, без сомнения, православная вера.

В советский период русские и болгары чувствовали себя родными людьми. Обращение «братушки» не было наигранным. И хотя у нас в стране бытовала поговорка «Курица — не птица, Болгария — не заграница», она лишь подчёркивала схожесть государственного устройства двух стран и крепость дружбы народов.

Ещё и сейчас в России и Болгарии проживает много людей, которые испытывают ностальгию по советскому периоду. Это очень понятно. Задушевные песни под летним звёздным небом, чувство духовного единения, молодость, наконец...

Разве кто-нибудь свою молодость вспоминает дурно?

Однако, ради справедливости, стоит подчеркнуть: реанимировать прежнюю политическую систему большинство населения всё же не хочет.

Не для этого её меняли...

Очевидец революции в Чехословакии и Болгарии болгарский философ Васил Проданов в статье «Революция ровно в двенадцать» описывает увиденное так:

«27 ноября 1989 года в 12 часов страна (Чехословакия) остановилась, прекратили работу заводы и предприятия, магазины и транспорт. Миллионы человек вышли на улицы. Митинги, речи, лозунги. В 14 часов всё закончилось, и люди вернулись на работу.

В результате Коммунистическая партия Чехословакии объявила, что она расстаётся со своей монополией на политическую власть в стране. Мы со знакомым вышли погулять. Магазины были открыты, транспорт работал, шла обычная жизнь, как будто ничего не произошло. На улицах было чисто и убрано. По тротуарам — ни бумажки, не говоря уже о перевёрнутых мусорных ящиках или каких-либо разрушениях.

Позднее, в 1990 г., уже в Болгарии, я вспомнил об этом, когда смотрел, как сжигали Дом Партии и бушующая толпа выносила оттуда компьютеры, колбасу и разные бессмысленные вещи. Это же повторилось и при взятии штурмом и разграблении болгарского парламента в 1997 г.»

Теперь коммунистический режим для наших стран — история.

И наличие демократических форм государственного правления в России и Болгарии — достаточно устойчивая идеологическая платформа для выстраивания современной модели двустороннего сотрудничества.

Болгарское государство и большинство россиян опрометью бежали прочь от всего «красного», считая, что с каждым шагом приближаются к счастью...

То, что у нас получилось в результате создания новых государств... несколько обескураживает. Мечталось о другом. Пока трудно в этих «гадких утягах» признать величавых белых лебедей.

Но это, надеюсь, пока.

Решение моих сограждан избрать демократический цивилизованный путь развития не было спонтанным. Каждый раз они подтверждают свою позицию, голосуя на выборах Президента Российской Федерации и представительных органов государственной власти за то, чтобы впредь ни Родина не «краснела», ни нам не приходилось краснеть за неё. Граждане новой России расхотели строить свою «Северную Корею», предпочитая наблюдать за их бравыми речёвками по телевизору.

И это право россияне отстояли ценой собственной жизни на площади перед Белым домом в Москве, заставив траки советских танков забуксовать в людских телах...

Рухнул мировой социалистический лагерь, были ликвидированы Совет Экономической Взаимопомощи и Организация Варшавского договора. Ослеплённые идеалистически-радужными мечтами, долгожданным счастьем, мы надеялись на взаимность со стороны болгарского народа.

А в итоге...

29 марта 2004 г. Республика Болгария вместе с Эстонией, Латвией, Литвой, Румынией, Словакией и Словенией присоединилась к Североатлантическому пакту.

Не хочется проводить историческую аналогию, но она напрашивается невольно: во время Второй мировой войны Болгария являлась союзником фашистской Германии. И вот мы опять по разные стороны... Если не баррикад, то, во всяком случае, понимания того, как нужно выстраивать систему безопасности в современном мире.

Задел на день завтрашний

Именно для того чтобы по гуманитарной линии наладить взаимодействие между Россией и Болгарией, привнести свежую струю, придать импульс развитию добрососедских отношений, и был задействован главный резерв из области народной дипломатии — неформальный диалог писателей.

Имена российских и болгарских кудесников слова, включённых в состав делегации, в особой рекламе не нуждаются. Они известны всем ценителям литературы. Это, например, Николай Петев — Председатель Союза болгарских писателей; Воймир Асенов — автор восемнадцати сборников стихов; Красин Химирски, Никола Инджов, Христофор Тзавелла. С российской стороны: прозаик, режиссёр и драматург — Иванов-Таганский; писатель, поэт — Владимир Масалов; издатель — Евгений Степанов, поэты Владимир Дагуров и Баяр Жигмытов.

Творческим людям было предложено провести дискуссии по широкому кругу вопросов. Организаторы не стали мелочиться и сформировали повестку круглого стола по аналогии с G20: «Энергетика и политика: как оптимально сотрудничать России и Болгарии?», «Сотрудничество в регионе Чёрного моря — проблемы и решения», «Новая Европа — как сделать её безопасной для всех?». Одним словом, мы сразу «замахнулись на Вильяма нашего, Шекспира».

Загадкой было: как будут выкручиваться писатели? Что смогут лирики ответить на экзамене по международной проблематике?

Смогли вот!

И сделали это достойно.

Воистину: «Талантливый человек — талантлив во всём!» Была и ещё одна причина компетентности. Стоило чуть поскрести мастеров пера, выяснялось: до той поры, как заняться литературой, они были в гуще реальной жизни. Эти поэты и прозаики «до того, как» служили на дипломатических и административных должностях, были педагогами и учёными, медиками и производственниками.

А ещё, помимо напряжённых дискуссий, были встречи на улицах с обычными людьми.

Снежане Тодоровой, Главному секретарю Союза журналистов Болгарии, ярче всего запомнилась беседа с женщиной, которая подошла на улице в Казани и запросто рассказала историю своей жизни. А Йорда Милева, поэта, застал врасплох прямой вопрос продавщицы на рынке в Чебоксарах: «Почему болгары отошли от нас?» И потом за круглым столом мы, все вместе, пытались найти на него ответ.

Болгарские писатели были поражены размахом матушки-России. Николай Петев на одной из встреч даже предположил, что, если бы Гитлеру до войны организовали экскурсию по Волге, он никогда бы не решился напасть на СССР.

Несколько болгарских писателей и журналистов ранее бывали в России и теперь подмечали позитивные перемены. Преображаются, принимая современный вид, города. Зачастую приметы нового времени соперничают с прошлым. Рядом с одетыми в строительные «леса» храмами идёт ремонт памятника В. И. Ленину — идеологу борьбы с религией. На одном обелиске памятная доска с надписью: «Борцам за советскую власть, павшим во время подавления белогвардейского мятежа в июле 1918 года», другой монумент — белогвардейскому адмиралу Колчаку.

Напутано.

Пока ещё напутано.

И в памятниках, и в головах, и в сердцах.

Были и забавные курьёзы: в Ярославле, старинном городе из ожерелья «Золотого кольца» России, выходит наша делегация с территории речного вокзала на центральную улицу... и видит рекламную растяжку. Отгадайте текст... Нет, не «Привет участникам российско-болгарского симпозиума!!!» Ладно, не буду мучить...

Посмотрите на фотоснимке.

И вот поездка подошла к концу.

Десять дней шли дискуссии, проходили литературные чтения, вместе мы посещали концерты, 9 сентября поздравляли болгар с Днём Победы в Великой Отечественной войне и даже отметили день рождения одной из участниц болгарской делегации — поэтессы Галины Гановой. В итоге официоз, некоторая напряжённость, скованность и «прагматизм», которые отмечались в начале поездки, напрочь уступили место чувству коллективизма, дружбе и взаимным симпатиям, если не сказать больше.

Деятели культуры, конечно, реагируют на текущие события не так скоро, как политики, но зато, если уж между ними устанавливаются связи, — это навсегда. Как точно подметил Президент Лиги писателей Евразии В. Г. Бояринов: «Пока дружат поэты — дружат народы».

В далёком семнадцатом году революционная Россия послужила источником вдохновения для автора очерка «Десять дней, которые потрясли мир». Убеждён, десять дней, проведённые в сотрудничестве с болгарскими коллегами, сделали мир чуточку добрее и крепче.

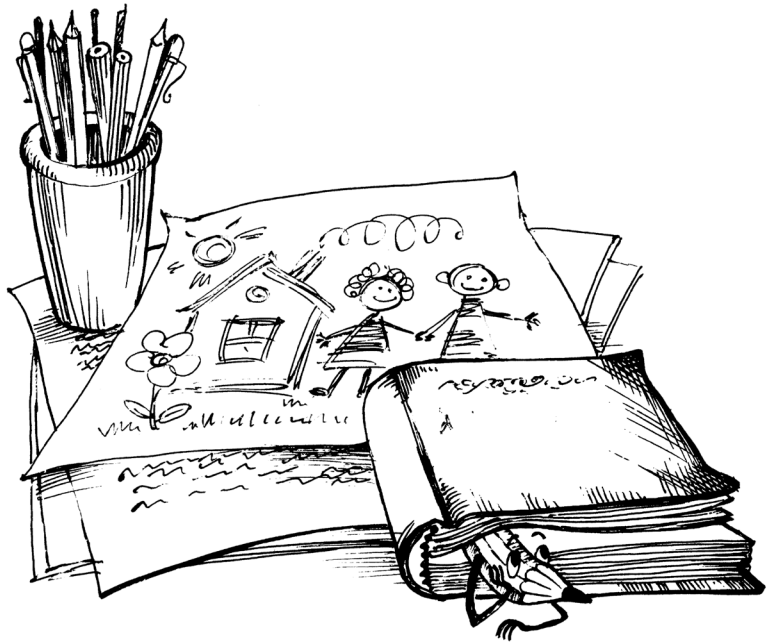

Атмосфера к концу форума стала чем-то смахивать на конец смены в пионерском лагере. Та же беззаботность, вызванная отсутствием «взрослых», то же веселье, тот же хор благодарности: «Спасибо поварам за наш последний ужин!» (К слову сказать, кухня работала отменно.)

А что касается «кухни» политической...

Выяснилось, что у двух славянских народов — болгарского и русского — есть свои вкусы, свои традиции. И безоглядно менять их на «фаст-фуд» и «Макдоналдс» ну просто нет никакого смысла. Свои рецепты укрепления дружбы и сотрудничества участники международного Диалога передали политикам.

Москва, сентябрь 2009 год

По итогам конкурса «Купель»

Завершился международный литературный конкурс «Купель». Первый отборочный тур проходил в регионах, а лучшие работы поступили в адрес жюри. На отборочном этапе творческого соперничества участие приняли более тысячи человек из 56 субъектов Российской Федерации, а также Украины, Казахстана и Белоруссии. Конкурс был организован по инициативе общественной организации «Карельский конгресс» при поддержке Федерального агентства РФ по образованию, правительств г. Москвы и Республики Карелия.

Оргкомитетом проделана огромная работа. Подведены итоги труда многих коллективов учителей, библиотечкарей, студентов и школьников. Авторитетному составу международного жюри из Азербайджана, Германии, Украины, Греции, России, Грузии, Франции определить победителей было крайне трудно. В конечном счёте, всё решил незначительный перевес голосов. Официальные итоги конкурса и работы опубликованы на странице: <http://kostjunin.ru/konkurs/2008.html>

Присланные работы покорили своей искренностью и уровнем мастерства. Конкурс не имеет государственного статуса, но от этого яркие, горячие, самобытные строки не стали менее волнующими. В Карелии говорят: «Pane sanat paikkaizeh, da älä tagaizeh aittaizeh». [Запомни хорошее слово и не забудь людям вернуть (карел.).] Открывая для себя эти драгоценные, уникальные самородки слов, мы сами становимся духовно богаче.

К тому же нам, взрослым, всегда есть чему поучиться у детей.

Гениальная российская поэтесса Юнна Мориц написала такое стихотворение*:

Пишите для себя — как пишут дети,
Как дети для себя рисуют звуки,
Не думая о том, что есть на свете
Хрестоматийно творческие муки.

Пишите для себя — как бред любви,
Как поцелуи пишут и объятья,
Не думая о том, что наготове
Станок печатный должен быть в кровати,

Читающий народ и славы трубы,
И, уж конечно, пресса мировая...
Пишите для себя — как пишут губы,
Самозабвенно строки повторяя.

Пишите для себя — как пишут втайне,
Где не растут ничьи глаза и уши.
Пишите для себя — как пишут крайне
Ранимые и трепетные души.

Пишите для себя — как строки эти,
В которых ни малейшего подлога.
Пишите для себя — как пишут дети,
Как пишут эти почтальоны Бога.

А потому — слово конкурсантам...

---

* Стихотворение опубликовано с разрешения Юнны Петровны Мориц.

Из номинации «Поэзия»

Автор: Ольшина Екатерина Юрьевна, г. Санкт-Петербург
Куратор: Дедкова Галина Александровна

Карельская Верона

(По рассказу «Орфей и Прима»)

Алголь, не свети ярче!
Синеющий лес еловый...
О вечной любви собачьей
До хрипа кричит охота...

В искристых подмёрзших лужах
Среди седовласых сосен
Зазывно звенели ружья,
Смеясь, уходила осень.

Истёрты у гончих лапы,
Мелькает в глазах... Боже!
А зайца догнать надо,
Иначе потом — что же?..

Да что же, ведь жизнь — гонка!
Теряется смысл в беге,
Чернеющих мхов кромка
Ползёт на болотистый гребень.

Две алые капли — мелочь!
Сорвались — нет сил... Дальше!
Хозяин, зачем перечить?
Ты знаешь, что лес — наше...

Она где-то спит, тихо.
Ей снятся листва, ветер.
Безумное это лихо
Расправило крылья смерти...

Устало поднялся — выстрел?
Деревня совсем далёко.
Забыто и стёрто «быстро»,
Сверкают глаза волка.

Джюльетта, пойми, звёзды
Для всех одинаково светят.
Все нити порвать — просто,
Но кто ж их потом склеит?

*

Автор: Фёдорова Анна Алексеевна, г. Архангельск

Совёнок

Встрёпана прядь волос.
Брови дугою тонкой.
Сколько тебе пришлось
Перевидать, девчонка!

Сколько звериных лиц,
Сколько людских оскалов!
Только у хищных птиц
Гнёзда на этих скалах.

Камни темны и дики.
Путь одинок и страшен.
Выше взметнулись пики
Шпилями чёрных башен.

Скалы сомкнулись уже,
Волчьи клыки ощерив.
Ждёт молчаливый ужас
В каждой глухой пещере.

Каждый изгиб дороги
Помнит о том, что случилось.
Валится мягко в ноги
Кошкой шальной — усталость.

Лютое было лихо —
Всё же не зверь, не зверь я!
Серой метелью тихо
Лягут на землю перья

И унесут с собою
Памяти горький лепет.
Птицей была ночью —
Станешь Царевна-Лебедь.

Станешь светла, пригожа,
Счастлива будешь! Только
Сколько других похожих,
Непревращённых? Сколько?..

Автор: Акимова Дарья Алексеевна, Вологодская область
Куратор: Белова Анна Павловна

Тишина часами размерена

(После прочтения рассказа «Полёт летучей мыши»)

Тишина часами размерена,
От тоски никуда не скрыться...
Расскажите, родина — где она?
Расскажите, вам она снится?

Подошла к мальчишке на улице,
На меня посмотрел упрямо
И от солнца чуть-чуть зажмурился...
«Моя родина там, где мама...»

Я спросила старушку древнюю,
И она сказала сквозь слёзы:
«Это там, где моя деревня,
Это там, где шумят берёзы...»

Задавала вопрос прохожему,
Он ни капли не удивился.
Он ответил, смеясь: «Да, Боже мой!
Это место, где я родился...»

Тишины течение плавное,
От тоски никуда не деться...
Понимаешь, самое главное —
Наша родина там, где сердце!

А мне приятно просто рядом быть

(По рассказу «Рукавичка»)

Его ругают все учителя,
Сегодня двойка, завтра. Два и два...
А тройка в четверти из жалости. И мы
Помочь ему, наверное, б смогли.
Но не хотели. Верили словам
«Неисправим», «Нет интереса». Нам
И без него неплохо. Пусть один,
Но он не обижался. Из глубин
Я достаю обрывки обращения:
«Дай ручку, Рита», «Вот возьми печенье»...
Не вспомню больше. Мальчик у окна
Не трогал чувства, и спала душа.
Последний год. А впереди медаль.
Опять ЕГЭ. Я не успела. Жаль.
Звонок. Его слова «Не торопись,
Не нервничай, Ритуля, соберись»...
Не просто фразы. Вот уже ушли.
Казалось, что подруги были мы...
Да и друзья, возможно, торопились,
Они от ожидания отстранились,
А он остался. Молча тут стоял,
Уверенность с надеждой сочетал.
Я справилась. Мы получили «пять»,
Смотрю на парту я его опять.
Не просто двоечник, а Человек.
Чужие фразы не клеймо навек.
Смеются девочки: «О чём с ним говорить?»
А мне приятно просто рядом быть.

Из номинации «Проза»

Автор: Ювонен Риитта Викторовна, Республика Карелия
Куратор: Баклушина Галина Максимовна

Светлой памяти Елизаветы Кирилловны Трифионовой

Рукавичка

Так повелось у нас в семье: я сижу за уроками у себя в комнате, бабушка Аня сидит рядом. Раньше она работала учительницей русского языка и литературы, теперь на пенсии. Пока я справляюсь с алгеброй, бабушка читает «Рукавичку» Александра Костюнина. Был интересный урок литературы по творчеству писателя, дома нужно ответить на вопросы по рассказу.

Решая задачу, я изредка поглядываю на бабушку. Сейчас она быстро всё расставит на свои места, мне останется только переписать в тетрадь.

Но что это? На глазах у бабушки слёзы.

— Баб, это всего лишь рассказ!

— Рассказ, говоришь... А у меня вся жизнь перед глазами пробежала...

***

Болезненну рану от мя отлучите.

Акт о Калеандре

Деревня Колатсельга. Живут здесь, в основном, карелы. Школа — десятилетка, классы большие.

Трифонова Елизавета Кирилловна — моя первая учительница — встречает нас ласковой улыбкой. В класс пришли дети, большинство из которых говорит только по-карельски. Я же хорошо знаю русский язык, мой отец — председатель сельского совета, у него техническое образование, в своё время он работал редактором газеты в деревне Ведлозеро.

Уже с детского сада я дружу с Верой Добровой. В классе мы заняли с ней третью парту у окна. Объясняя урок, учительница часто переходит на карельский язык: чтобы поняли все дети, приходится переводить.

Класс как класс. Учимся, на переменах играем, иногда обзываемся, мальчишки дерутся. Потом приходит учительница и как-то по-доброму учит нас строить отношения друг с другом.

Перемена — это ещё и буфет. Туда несёмся, обгоняя друг друга.

Вера никогда не ходит в буфет, говорит, что не хочет есть, но я всё равно делюсь с ней своей булочкой. Когда Вере было два года, умерла её мать. Сначала отец отдал младшенькую в детский дом, ведь у него на руках остались ещё две дочки, шести и четырёх лет, но вскоре женился, и Веру забрали обратно домой.

*Ей худо будет: спокоесья после,
Неутешно плакати будешь опосле.
Акт о Калеандре*

Школьный день начинался как всегда. Ничто не предвещало беды.

У Витьки Петрова пропали деньги — целый рубль. Обнаружил он это перед большой переменной, когда собирался бежать в буфет.

В классе стало тяжело дышать, никто не вставал из-за парт. Все ждали, что будет. Кто взял деньги? А тут будто гром грянул, Тихон (так звали мы Сашку Тихонова) объявил:

— Верка Доброва покупала на второй перемене булочку, это она украла.

Я сидела в онемевшем состоянии, казалось, что меня парализовало.

Почему-то поверили все, сразу... и я тоже.

Верка, склонив голову, перелистывала дневник.

Тихон закричал со своего места:

— Вора, денегат отгы. [Воровка, деньги взяла (карел.).]

Верка заплакала:

— Эн миня, минул муамо андой. [Это не я, мне мама дала (карел.).]

Я открыла рот... Верка никогда не называла мачеху мамой. Да тётя Аня и не требовала этого.

И вдруг... мама.

Не знаю, как долго продолжались бы крики мальчишек, если бы в класс не вошла учительница.

Только все расселись, как Тихон закричал с места:

— Верка Доброва — вора, денегат отты. [Воровка, деньги взяла (карел.).]

Елизавета Кирилловна подняла с места отличницу Надю Иванову:

— Расскажи, что произошло?

Весь класс помогал Надьке, при этом не забывали выкрикивать в сторону Верки: «Хян вора, вора».

И голос Верки: «Минул муамо андой».

Сколько лет прошло, но до сих пор вижу: учительница делает слишком строгое лицо и чётко с расстановкой произносит:

— Мейян клуасас воруа эй олэ, хянэл муамо андой. [В нашем классе воров нет, ей мама дала (карел.).]

Елизавета Кирилловна почему-то очень долго ищет очки в сумке, потом говорит:

— Витя Петров, подойди ко мне с портфелем, покажи, где были деньги?

Витька вытаскивает деревянный пенал, подаёт учительнице.

— Сядь пока на место.

А в это время всем велено переписать с доски число и текст.

Я, не отрываясь, смотрю на пенал.

Учительница двигает верхнюю крышечку туда-сюда.

— Ребята, вот он рубль, под крышечкой. Витя, будь в следующий раз внимательней.

Урок продолжается. Дети потихоньку успокаиваются. Некоторым даже жалко, что так неожиданно всё закончилось. Тихон громким шёпотом посылает ругательства Витьке. Мы записываем домашнее задание и выходим из класса. Задерживает Елизавета Кирилловна только Веру.

На следующий день мы снова с утра бежим встречать свою любимую учительницу. Каждый хочет помочь ей нести сумку с тетрадями. Я бегу с Веркой, мы болтаем о чём-то постороннем, никто не вспоминает вчерашний день.

...Мейян клуасас воруа эй олэ.

Учитель. Я уже с первого класса выбрала себе профессию педагога.

Приезжая в Колатсельгу, всегда навещала свою первую учительницу.

В нашу последнюю встречу она угощала меня блинами и козьим молоком. Я не люблю козье молоко, но это был не тот случай, когда можно отказаться. Елизавета Кирилловна уже почти ничего не видела. Господи... Она пекла мне блины.

А Вера умерла от сердечной недостаточности в двадцать шесть лет, оставив маленькую шестилетнюю дочку и двухлетнего сына. По окончании школы мы очень долго не встречались. Она жила недалеко от Сортавалы. За два года до смерти она развелась с мужем и переехала в Колатсельгу. Отцовский дом был отписан сыну мачехи, её туда не пустили. Она поселилась в стареньком домике, оставшемся после смерти сестры отца. Жила бедно, но никогда не жаловалась, не обивала пороги учреждений. Пенсия по инвалидности и небольшие подачки от мужа на детей — всё, что она имела. И очень часто навещала её Елизавета Кирилловна, носила детям молоко. Вера благодарила, отказывалась. Платить-то нечем, хотя знала, что деньги учительница никогда бы не взяла.

В деревне любили Веру, восхищались её поразительно красивыми смышлёнными детьми. Но жила она как-то скоро, старалась всё делать быстро, будто чувствовала, что завтра уже не будет.

Я встретила с Верой в первый приезд в Колатсельгу. Долго стояли у калитки дома, вспоминали одноклассников, учителей. Я заговорила о Елизавете Кирилловне. Вера задумалась и вдруг как-то тепло улыбнулась:

— Знаешь, в первом классе, когда я взяла рубль...

Я удивлённо подняла глаза, я была уверена, что деньги нашлись.

— Все вышли, — продолжала она, — а Елизавета Кирилловна сказала, чтобы я подходила после второго урока в буфет. Она заказывала кисель и булочку своему сыну, а теперь будет заказывать и мне.

Оказывается, тогда же Вера положила на стол учителя оставшиеся деньги. Девяносто шесть копеек — сдачу. Верка спрятала монеты, завернув в бумажку и закрутив под резинку на чулках.

...На небесах более радости будет об одном грешнике кающемся, нежели о девяноста праведниках, не имеющих нужды в покаянии (Евангелие от Луки.)

Я много раз встречалась с Елизаветой Кирилловной, она никогда не вспоминала этот случай.

***

Баба Аня берёт в руки книгу Александра Костюнина, читает сквозь слёзы:
— Миня эн тийя! Миня эн тийя! [Я не знаю! Я не знаю! (карел.)]

Я давно уже забыла об уроках.

...Не было у Юрки Гурова такой Елизаветы Кирилловны — первой учительницы моей бабушки: «Мейян клуассас воро эй олэ. Хянэл муамо андой».

Вовремя прочитанная книга

У нашей учительницы литературы есть любимая фраза: «Откройте для себя новое имя». И мы открываем! Большинство имён оставляют в памяти яркий след, за что мы очень благодарны учителю.

В тот день по расписанию был урок региональной литературы. На таких уроках мы знакомимся с писателями нашего региона. Но на этот раз всё было немного не так:

— Александр Костюнин, писатель не из Хакасии, а из далёкой Карелии; мы сегодня прочитаем один из его рассказов, а кто захочет познакомиться с его творчеством поближе, может зайти на сайт, — учительница называет электронный адрес.

Мы старательно записываем, думая: раз «заходить» не обязательно, значит и не придётся.

И вот она раздала нам листочки с отпечатанным на принтере рассказом. Читаем каждый про себя: «Рукавичка». Что-то трогательное, детское, пушистое и доброе возникает в подсознании.

Прочитанное ошеломило, взволновало до спазм в горле. В классе стоит мёртвая тишина, именно мёртвая: ни звука, ни слова. Я вижу, что многие украдкой глядят на Инну (имя изменено), девочку, с которой в нашем классе никто никогда не дружил, не садился за одну парту, хотя никаких дурных поступков она не совершала, — просто не принимали её и всё. В голове крутилось: «Изгой, а ведь это про неё!» Было почему-то очень стыдно.

Учительница тоже молчала, словно давая время опомниться, разобраться в своих чувствах, а потом попросила поделиться своими впечатлениями.

Это был всплеск эмоций, потому что высказаться хотелось всем, в том числе и мне. Большинство из нас удивилось тому, что двое взрослых людей устроили судилище над беззащитными детьми из-за такой мелочной пропажи, как игрушечная рукавичка. Говорили о том, что учительница должна была сделать это втайне, вызывая по одному и не раскрывая имени укравшего, о том, что исковеркана судьба человека, спорили о том, брал ли Юрка рукавичку, выясняли, кто мог его подставить, даже «нашли» его — Лёха Силин. Не случайно же он выведен автором из ряда одноклассников во время «разоблачения», а потом первым назван среди деревенских воров, значит, все эти годы он был как-то и чем-то связан с Юркой Гуровым.

Обсуждали бурно, молчала только Инна. И тогда учительница обратилась к ней:
— А тебя разве ничего в рассказе не поразило?
— Предательство. Вернее, то, как его много.
Тишина... Осмысливаем...

И правда, много: учительница, предавшая своих учеников, одноклассники, от-
вернувшиеся от Юрки, его братья, ни разу не заступившиеся за него, односельчане,
назвавшие Юрку вором, хотя автор чётко говорит, что Юрка с тех пор ничего чу-
жого не брал, Иуда, предавший Христа, Иисус, выбравший в предатели Иуду.

Звонок звенит некстати: многое не договорили.

До самого вечера постоянно мысленно возвращаюсь к прочитанному расска-
зу, что-то изнутри распирает, мучает, заставляет размышлять, спорить с собой.
Я чувствовала, что не всё до конца осталось понятным, хотелось с кем-нибудь по-
делиться. Было уже поздно, спать не хотелось, я бесцельно смотрела телевизор,
«бегая» с канала на канал, и вдруг вижу начало фильма и слышу перевод: «Страсти
Христовы». Смотрела, не отрываясь, до половины второго ночи. И открывается
то, что мучило: контраст! Он есть и в фильме, и в рассказе, а теперь и в моём созна-
нии: великое и малое сопоставил Александр Костюнин в «Рукавичке».

Учитель и ученики: предательство Иуды, которое нужно было Иисусу, что-
бы показать людям, что ради них он готов пройти через нечеловеческие испыта-
ния — путь в бессмертие.

Рассказ «Рукавичка» изменил наше отношение к учителям, мы увидели, ка-
кие они справедливые и добрые, с Инной стали общаться, — теперь она не сидит
одна, стала приходить на вечера, участвовать в жизни класса. Формулу жизни
о том, что всё нужно делать на «пять», повесили в классном уголке, стараемся
следовать, правда не всегда получается. А сочинение пишу уже почти два месяца,
большую часть времени устно, боялась, что не смогу передать на бумаге то, что
прочувствовала.

В заключение хочется привести высказывание Сергея Михалкова: «Хоро-
шая, вовремя прочитанная книга может иногда решить судьбу человека, стать его
путеводной звездой, на всю жизнь определить его идеалы». Уверена, что Ваша
книга для многих станет именно такой.

Рукавичка

Человек, благочестиво живущий, не допускает злу войти в душу. А когда нет в душе зла, тогда она безопасна и невредима.

Прп. Антоний Великий

Никогда не мог подумать, что в жизни так бывает. Но, как говорят, в жизни бывает всё. На то она и жизнь. К сожалению, я пока мало знаю о ней.

Всё как обычно: урок литературы, наставления учительницы серьёзно отнестись к теме урока: «Проблемы духовной нравственности в рассказе Александра Костюнина «Рукавичка». Показав небольшой рассказ страниц в пять—шесть, она начала его читать.

Никто не придавал соответствующего значения наставлению педагога: мы так привыкли, что всё нужно, что всё важно, и в тетрадях пометили: говорить будем о нравственности и морали.

Но учитель чем-то была взволнована: пальцы её немного дрожали, в голосе слышалась какая-то надрывность и тревога, глаза почему-то были опущены.

Я слушал внимательно...

Вдруг в глазах моих потемнело, забегали, засуетились какие-то большие люди, в голове начали чётко отчеканиваться фразы:

- Стоять!
- Руки за голову!
- В фас!
- В профиль!
- Отпечатки пальцев!

Нет! Нет! Это не сон, не видения. Этот кошмар был и со мной.

Раздели душу, вынули её, растрепали и выбросили, как ненужный хлам.

А что такое душа? Кто может ответить на этот вопрос? Трудно!! Невозможно!

Душа — это сокровище твоего духа, внутренняя чистота и совесть, светлая,

как небо, тёплая, как солнце, величественная, как моя Родина, мой дом, мой отец и мать — всё самое святое на земле для человека. Прежде всего, я думаю, это наша вера в неиссякаемые источники человеческой любви и доброты, в глубокую порядочность людей, надежду на взаимопонимание и сострадание.

Вот он перед нами — костюнинский Юрка Гуров из «Рукавички». Забитый, никому не нужный, изгой и посмешище всего класса. Только его портфель частенько летал в грязные лужи, и тумачи беспощадным градом сыпались на его голову. Никто никогда за него не заступался, это была надёжная мишень для «развлечений» сельской ребятни. Прошло время, Юрка повзрослел, но мы его не узнаём. Откуда взялась отвага, дерзость, огромная смелость, чтобы держать в страхе деревню, грабить?!

Страшно подумать и представить, что этому ведь способствовали сами же люди, которые жили с ним рядом, учились в одном классе. Они своим бездушием, жестокостью помогли душе, когда-то по-детски трепетной и беззащитной, доверчивой, открытой добру и любви, очерстветь, загубить и превратить свой дух добродетели в дух ненависти, зла и насилия.

Я сам не понимаю, зачем он взял рукавичку, для чего она нужна ему?

Наверное, это какой-то авторский приём или замысел в раскрытии образа героя. Но что-то за всем этим кроется недосказанное автором.

Хочется привести свои мысли в порядок и высказаться.

Рукавичка была вещью необыкновенной, прелестной и красочной. Её сделали удивительные руки человека, умеющего видеть в окружающем мире прекрасное. А его так не хватало Юрке. Душа его, сжимаясь от боли и страданий, просила утешения, радости. В рукавичке он увидел тепло и заботу, нежность. Рукавичка, как протянутая рука надежды на спасенье, защиту, манила Юркино воображение обладать ею, быть всегда с ней вместе.

А учительница продолжала читать рассказ:

— А, не знаешь?! Не знаешь ты?! Ну, так я знаю! Ты украл её! Вор!

Юрка, проучившись до восьмого класса, никогда ни у кого ничего не крал. «Но это, — говорит автор, — уже не имело значения. «Вор» — раскалённым тавром было навеки поставлено деревней на нём и на всей его семье».

Я слушал внимательно, да и все притихли. Когда учительница закончила чтение, класс ещё долгое время находился в каком-то необъяснимом оцепенении. Какой-то холодок пробежал по нашим душам, что-то сжалось внутри.

Да! Мы привыкли слышать о физической смерти людей, а вот о душевной?! Это очень трудно понять и осознать.

Мне сразу вспомнился рассказ друга, как однажды его задержали на улице по подозрению в краже, привезли в отделение, долго допрашивали, фотографи-

ровали. Но, к счастью, женщина вспомнила внешность парня, выхватившего у неё сумочку. А если бы не вспомнила или не захотела вспомнить? Как изломана была бы жизнь моего друга! А как жить с такой душой, когда в ней ненависть и зло? Сколько понадобится человеческого тепла, взаимопонимания, сострадания, чтобы отогреть эту душу!

Александр Костюнин глубоко озабочен проблемой воспитания молодёжи. Судьба Юрки Гурова — это судьба многих непонятых, непринятых, ненужных никому одиноких подростков со своей бедой.

Маленький рассказ «Рукавичка», оказывается, сейчас перечитывает вся страна. Повсюду проводятся конкурсы творческих работ.

Вот, кажется, всё высказал, но состояние тревожности от прочитанного рассказа осталось.

Люди! Посмотрите по сторонам! Может, рядом стоит тот, кому нужна помощь! Не проходите мимо!

*

Автор: Патычек Алина Александровна, Ставропольский край
Куратор: Шалбарова Инна Мухадиновна

Размышления после прочитанного цикла «Офицер запаса»

Прошло всего лишь двадцать лет...

АФГАНИСТАН

*Далёкий и чужой Афганистан,
В атаку шли безусые ребята,
На поле брани падали от ран,
Всегда такая участь у солдата.
Но кто их на погибель посылал?
Не нужно это было для державы,
Народ позор в такой войне снискал,
Ведь не могло победы быть и славы.*

*Встречали гроб невеста и семья,
И от беды огромной слёзы лили,
На счастье нарождались сыновья.
За что лежать приходится в могиле?*

Анатолий Болутенко

Двадцать первый век... Век компьютерных технологий, научно-технические революции совершаются чуть ли не каждый день, люди всё больше и больше зависят от электроприборов, о том, что будут делать, если отключат электричество (пусть на полчаса), даже думать не хочется. Зачем нам в такое время какие-то гуманитарные науки? История, обществознание, литература — это прошлый век. Зачем нам русский язык? У нас есть языки программирования: Паскаль, Бейсик... Что это за непонятные слова? Теперь каждый школьник знает, что это такое. Интернет стал вторым домом для многих миллионов ребят. Всё меньше на улицах звонкого ребячьего смеха; детишки сидят, уставив глаза в экран телевизора, компьютера, телефона... Реальное общение заменяется виртуальным: аська, всевозможные онлайн-чаты...

Может, именно всеобщая компьютеризация вызвала недоумение у знакомых, когда они узнали о моём решении после девятого класса пойти по гуманитарному профилю, то есть два года посвятить изучению гуманитарных наук. «Зачем тебе это? Ведь у тебя никогда не было проблем с математикой. Чего ты добьёшься со своим гуманитарным образованием?» — слышала я со всех сторон. И вот после года обучения по гуманитарному курсу я задумалась. А может, и правда, не стоит связывать свою жизнь с «человечными» науками...

«Вы гуманитарии, значит, должны принимать участие во всевозможных литературных конкурсах», — сказала нам учитель русского языка и литературы. «Ну вот, опять писать какое-нибудь сочинение об известном писателе, снова получится банальное восхваление его таланта», — подумала я. Стоп, ведь сначала надо изучить творчество того, о ком буду писать. И я села за компьютер, чтобы попросить всемогущий Интернет помочь мне в поисках (признаюсь честно, хорошая это штука, но меня хватает максимум на час: от наплыва информации мозг перестаёт функционировать, поэтому я стараюсь прибегать к помощи компьютера только в крайних случаях). Долго искать не пришлось. Поисквик сразу выдал мне ссылку на творческую мастерскую писателя. Недолго думая, я решила скачать книгу полностью и потом обратиться к её содержанию. Но моё любопытство взяло верх. Как только последний килобайт был передан, я открыла файл со сборником произведений и пробежала глазами по содержанию. Мой взгляд остановился на очень знакомом слове — цикл афганских очерков.

Мой папа часто рассказывал мне о своей службе в Афганистане. Вернее, пытался рассказывать, так как я всё-таки девочка и мне не очень были интересны рассказы о войне, мне бы в куклы играть. Моя младшая сестричка тоже с неохотой слушала про военные походы. Наверно, наш отец мечтал о сыне, но так уж получилось, что мы обе девочки.

И вот я прочитала очерки Александра Костюнина об афганской войне. События, описанные автором, немного расходятся во времени с моментом несения службы моим отцом. Но я не думаю, что разница во времени изменит моё представление об афганских событиях. Тем более что я узнаю об этом из первых уст. Вооружившись ручкой и блокнотом, я направилась к отцу, который отдыхал в свой единственный выходной день и, ничего не подозревая, читал книгу. «Папочка, расскажи мне о том, как ты жил в Афганистане», — попросила я. Мой отец, будучи человеком скромным, ответил мне так: «Я был связистом и всё время сидел в подвале». Конечно же, этот ответ меня не удовлетворил, но по строгому взгляду отца я поняла, что устраивать допрос бесполезно. Он человек мягкий, но если решил, то остаётся до конца твёрдым в своём решении.

Если не получилось добыть информацию от непосредственного участника событий, то придётся обратиться к неодушевлённым свидетелям тех моментов. Итак, я достала папин военный альбом. Как много там интересного! Это не только фотографии, но и военный билет, а также повестка, афганские деньги. Это то, что надо!

Повестка пришла отцу в июне 86-го. Полгода он провёл в учебной части в городе Ростов-на-Дону, и уже в декабре был отправлен в Афганистан, посёлок Джалалабад. Отец действительно был связистом, но это не значит, что он безвылазно сидел за аппаратурой (как было сказано мне). На фотографиях я увидела его как участника горной экспедиции, а также весёлые моменты из армейской жизни.

К моим поискам подключилась бабушка, которая рассказала мне, что во время несения службы отцу приходилось очень нелегко. Вспомнились ей слова его о том, что приходилось видеть, как маленькие детишки, жившие в соседних с частью домах, подрывались на пехотных минах... Вспомнилось, как отец вернулся домой, как он долго не мог привыкнуть к тишине. «Мама, здесь так тихо... А там всё время стреляли и разрывались снаряды», — вот что сказал мой отец в первую ночь дома. Тишина... Только слышно, как капают слёзы из полузакрытых глаз матери, которая провела много бессонных ночей в течение полутора лет несения сыном срочной службы там, где была война...

Сегодня пятнадцатое февраля... Вроде бы ничем не примечательный день...

У нас дома раздался телефонный звонок. Просили отца. Я позвала его и ушла в свою комнату. Даже за закрытой дверью я услышала, что он принимает

поздравления. Но что сегодня за праздник? — Сегодня ровно двадцать лет, как были выведены войска из Афганистана. Для кого-то это ничем не примечательное событие, но для тысяч семей, и для нашей в том числе, этот день сравним с 9 мая 1945 года. Эту дату я запомню навсегда: 15 февраля 1989 года...

Прошло двадцать лет с тех пор. Для многих молодых людей Афганистан — это далёкая страна, край пустынь и палящего солнца. Для меня же это — нить, которая связала сотни и тысячи людей. Это материнские слёзы, в которых больше соли и горечи, чем в водах Мёртвого моря. Это часть жизни моей семьи, которую невозможно забыть, невозможно порвать и сжечь, как можно сделать это с фотографиями, напоминающими о тех днях.

Через двадцать лет мы приходим к переосмыслению этой десятилетней войны. Пятнадцать тысяч безвозвратно потерянных человеческих жизней, почти 54 тысячи раненых, контуженых, травмированных, 416 тысяч заболевших — вот итоги десяти лет, потраченных на установление социализма. А на самом деле это была война мировых держав. СССР и США... Кто же сильнее? Ответа на этот вопрос никто не получил. Тысячи семей, в чьи дома постучалась война, не нуждались в нём...

Гуманность... Вот что нужно людям. Политбюро ЦК КПСС не задумывалось о последствиях секретного постановления № 176/125 «К положению в „А“».

Теперь я точно знаю, что мой выбор гуманитарных наук правильный. Я не буду сомневаться в выборе между компьютерным языком и языком «человечным». Я верю, что в двадцать первом веке человеческие науки забыты не будут. Нам, как никогда, необходимо быть просто людьми, вспомнить о тех, кому пришлось пережить все тяготы войны, не забывать о том, как важно людям, что о них помнят. Вот и я теперь понимаю, почему глаза моего отца начинают наполняться слезами, когда он достаёт свой военный альбом, почему долгое время открыта одна и та же страница, а взгляд его направлен куда-то далеко, но далеко не в пространстве, а во времени. А даль эта находится всего в двадцати годах от нас...

*

Милосердие — милость сердца

Ночь... Почему-то не спится. Сколько раз пыталась заснуть, но сон словно играет в прятки: только поймаю его, он вновь убегает, куда-то пропадает.

В небольшой комнате очень душно — встала с кровати, открыла форточку. Зимний, морозный воздух хлынул в лицо.

На душе тревожно, что-то не даёт покоя. Знаю что. Перед глазами вновь и вновь всплывает одна и та же картина: пролитое на пол молоко, внук, кричащий на бабушку и бросивший её в ногу сковородник. Эта картина из очерка карельского писателя Костюнина «Сострадание». Именно это эссе произвело на меня такое сильное впечатление, щемит мне душу.

Вопрос: зачем внук так поступил со своей бабушкой, которая любит его больше жизни, — мучает меня. Я не понимаю этого мальчика, который назвал родного человека таким грязным словом «дура». Как может быть бабушка, человек, который тебя вырастил, который любит тебя больше детей своих, «дурой»? Пусть она стара, пусть больна, но это не даёт права внуку бросаться подобными словами. Я также не понимаю друга мальчика, который ушёл, посчитав, что это не его дело, вместо того, чтобы объяснить своему товарищу, что совершать такие поступки — грех. Он очень ошибся. Это не только семейная ссора, это проблема для всех нас. Ведь не только в одной семье можно увидеть такое обращение к старшим. Я согласна с тем, что иногда с пожилыми бывает нелегко. Но для чего Бог одарил нас терпением? Нужно быть терпеливыми, хотя бы из-за уважения к ним, к их старости. Вспомните, что они вырастили вас, ночами не спали, лишали себя необходимых вещей, чтобы чем-то порадовать нас.

Писатель, пытаясь понять, задаётся вопросом: «Почему мир несправедливо жесток. Может, он просто неразумен?» Дорогой А. Костюнин, наверное, мир и вправду неразумен. В наше время столько жестокости, преступлений, что мы забыли, что же такое любовь, сострадание, милосердие. Вместо того чтобы с толком провести время, мы включаем телевизор, где, что ни фильм — одно насилие, издевательства да убийства. О каком сострадании может идти речь?!

Человек живёт только сегодняшним днём, не имея представления о том, что будет завтра. А ведь придёт такой день, когда и мы состаримся. Мы тоже

станем бессильными, нами тоже может овладеть детский ум. Что будет тогда, если станем ненужными своим детям, если будем для них обузой? Лишь тогда задумаешься о том, каково было твоим бабушке и дедушке, над которыми ты смеялся.

Да, поймёт меня не каждый. Кому захочется думать о старости в молодые годы? Но подумать бы стоило, чтобы не совершать ошибок, которые никогда не забудутся, за которые будешь расплачиваться всю жизнь. Подумать бы стоило...

На улице шёл снег. Не знаю почему, но городскую зиму я не люблю. Вот бы сейчас оказаться в деревне — там настоящая зима. Бывало, сидишь вечером у окошка да на улице смотришь. На улице-то метель кружит, а ты сидишь в тёплом домике, и никакая метель не тронет тебя.

Открылась дверь, за ней показалась бабушка.

— Доченька, ты зачем до сих пор не спишь? Завтра в школу рано вставать, — сказала она встревоженным голосом на родном татарском языке.

Я улыбнулась. Слезы, стоявшие большим комком в горле, я уже не старалась сдерживать. Подбежала к ней и обняла её. Она гладила своими шершавыми руками мою голову. Нет, нет, не шершавыми, а самыми нежными, самыми ласковыми руками. Она уложила меня спать. Я держала её за руку.

— Ах, бабушка, я тебя так люблю!

— И я, доченька, люблю тебя очень. Спи спокойно.

Она выключила свет и, шаркая по полу своими больными ногами, пошла в свою комнату...

А может, мир не так жесток?

Всё зависит от нас самих...

***

В творчестве А. Костюнина я увидела второго Достоевского. Достоевского, который затронул внутреннюю нравственную сторону человека сегодняшних дней, человека XX—XXI веков.

Да, проза А. Костюнина — это та проза, которую надо читать молодому поколению. Я очень благодарна А. Костюнину за его глубоко психологическую, нравственную книгу, за то, что он хочет пробудить в нас совесть, сострадание, милосердие, заставляет задуматься о жизни, о себе самом. Я рада, что открыла для себя новый мир — мир героев Костюнина, мир маленького карельского народа. Я увидела, как много общего между татарским и карельским народом: чистота не только дома или в быту, но и чистота мыслей, побуждений.

Я поняла, что великими могут быть не только те люди, чьё имя вошло в историю. Великие те люди, чьи слова дошли до души, до сознания других, кто может «глаголом жечь сердца людей».

Спасибо, дорогой Александр Костюнин, за Вашу замечательную книгу, за Ваш великий труд.

*

Автор: Сальникова Светлана Николаевна, Омская область
Куратор: Сальникова Александра Николаевна

День начинался необычно

День начинался необычно.

На урок литературы мы шли с опаской. Но по тому, как стремительно в класс вошла учительница и какое у неё было взволнованное лицо, вздох пронёсся по классу — было видно, что взыскания из-за непрочитанного произведения не будет. Её первые слова: «Наконец-то появилось умное произведение, которое заставит вас... перевернёт ваше представление...» — должного впечатления на нас не произвели. Вежливо выслушали, многое пропустив мимо ушей.

А затем она взяла какие-то отпечатанные листы и начала читать. Класс постепенно замер. Звонка мы не услышали — все смотрели на белые листы, дрожащие в руках учительницы, и слушали её голос.

«Рукавичка»...

Как горько, обидно до слёз за девочку и мальчишку, обидно за учителей, обидно за детство моих родителей (их воспитала та советская идеология, и они довольны ею до сих пор, а развал её воспринимают как масштабное бедствие). Холодно на сердце, потому что не простили Юрку Гурова, и теперь уже не вымолишь этого прощения — смерть сделала своё дело!

Мы старались не смотреть друг на друга, когда торопливо собирали портфели и покидали класс. Шли с понурыми головами мимо учительницы, которая, как мне кажется, очень хорошо понимала нас и ничего не спрашивала. Она просто стояла и молчала, давая нам возможность самим разобраться в услышанном.

На следующем уроке класс «прорвало»! Мы наконец-то поняли, что вокруг нас люди, человеки! И все мы наделены чувствами и эмоциями, а вокруг нас

жизнь, со своими законами и правилами! Что бороться с трудностями — это не голая фраза, а ежедневное, ежеминутное действие!

Как мы сейчас поведём себя по отношению друг к другу, так будет и в будущем, в нашей взрослой жизни: или унижать другого, идти по головам к намеченной цели (и тогда может случиться непоправимое), или чётко различать, где добро и зло, польза и вред, и не спешить с однозначными выводами.

Как маленькая рукавичка — эталон красоты на выставке — «украсила» жизнь девочки и «раскрасила» в тёмные тона жизнь Юрки Гурова! А Бог видел всё это... Не зря в рассказе есть выдержка из Евангелия: «На небесах более радости будет об одном грешнике кающемся, нежели о девяноста девяти праведниках, не имеющих нужды в покаянии». Божье слово направлено только исцелённому, и посвящение рассказа: «Православному священнику о. Вейкко Пурманену» — ещё раз указывает на длительную и важную работу по распознаванию Божьего Слова.

В итоге всех наших дебатов нашлось больше вопросов, чем ответов. Мы уже взрослые люди (всё-таки 11 класс) и очень хорошо поняли проблему ответственности взрослых перед воспитываемыми ими детьми. «Рукавичка» — исповедальный рассказ, и разумом мы понимаем, что это предупреждение всем нам, живущим сейчас. Рассказ честный и трогательный, но жестокий, как наша жизнь, и нам во что бы то ни стало надо держать высокую планку «одухотворённого» человека.

Книги А. Костюнина «В купели белой ночи» мы не нашли и обратились к Интернету. «Скачали» «Орфея и Приму», «Сплетенье душ», «Колежму», «Жор глубинной щуки» и другие. Читали запоем, передавая произведения из рук в руки, и постепенно приходили к выводу: а права всё-таки была наша учительница, когда намекала о перевёртыше в наших мыслях! Процесс-то пошёл, и очень, я вам скажу, успешно!

Рассказ «Орфей и Прима» совсем не «охотничий». «Опытный» егеря — садист. Когда он топил в ведре только что родившихся щенков Примы, особенно «прижимая» самого живучего, я плакала навзрыд. Мне хотелось найти этого егеря и ... отобрать у него всех собак, приносящих ему доход, хотелось кричать всем желающим поохотиться: «Не ходите к нему: он хуже зверя!»

Прав был Лев Толстой, когда с негодованием на людскую безнравственность бросил своё негодующее: «Человеку лучше бы вообще не родиться!»

Самой главной в книге А. Костюнина, я считаю, является повесть «Сплетенье душ». Души дедушек, бабушек, отца с матерью, самого автора переплетены, связаны в единое воспоминание, рассказывающее о жизни огромной и многострадальной нашей страны. Особенно страшен отрезок воспоминаний о том, как легко приклеивался ярлык «врага народа», как трудно было жить жене и детям

врага народа. Но всё преодолел простой человек, вынес и тяжелейшую войну, не заработав ни одной медали.

И опять слёзы на глазах, опять обида за самого обыкновенного рядового солдата, одного из миллионов безвестных трудяг войны, потерявшего на ней ногу. «На дороге остался солдат — пожилой, невысокого роста, с измученным лицом. На выгоревшей добела гимнастёрке не видно ни орденов, ни медалей, только облупленная звёздочка на старой помятой пилотке. Солдат, тяжело повиснув на деревянных подпорках, неуверенно шагнул единственной ногой к родному дому...» У меня дедушка был такой, был... Светлая ему память!

Повесть рассказывает и о том, как ошибочно репрессированным, потерявшим всё своё имущество и здоровье, советская власть начисляла копейки! Вот здорово! — За унижение, за всё издевательства — копейки! Лучше бы эта власть вообще молчала!

Не зря А. Костюнин назвал свою повесть «Сплетение душ». Моя душа тоже в этом сплетении. Я тоже чувствую свою ответственность за всё, что происходит и будет происходить в нашей стране. Я за неё в ответе.

Умная, горькая, честная повесть со светлой и возвышенной печалью. Но заканчивается она оптимистично: «В сенях лестница на чердак, часть ступенек истлела, осторожно поднимаюсь. Смотрю: крыша в одном месте совсем прохудилась... Берёзка с рябинкой растут... а вокруг терпкий чердачный мрак. Раньше чердаки густо засыпали землёй — вот и прижились два зёрнышка... Дождик их напоил, солнышко осветило и обогрело. Тянутся деревья вверх, не сдаются. Переплелись ветвями, в обнимку, словно отец с матерью. Погибнут они здесь! Милые, родные мои, возьму вас с собой, прямо как есть, не разлучая! Свежее дыхание ветерка и радостный шелест листвы — в ответ...»

Так уж совпало (и я думаю, это счастливое совпадение), что в эти дни мы отмечаем 20-летие вывода наших войск с территории Афганистана.

Афган...

Каждый год мы в школе пишем конкурсное сочинение «Гимн чести, мужеству и славе», посвящённое героям-афганцам, героям, служившим в горячих точках России. Поэтому в рассказе «Офицер запаса» особенно любопытными мне показались эпизоды, связанные со службой героя в Афганистане. В них писатель раскрывает картину повседневной жизни мира, существующего в состоянии войны. Только не о войне и не о смерти этот рассказ. Он о добре, о том, что человек изначально добр, и никакие страдания и тяжкие испытания, будь это война или беда в личной жизни, не могут убить в настоящем человеке этого начала.

Это рассказ о любви, о любви уже немолодого человека, попавшего в тяжелейшие условия. Это рассказ о сострадании, которое исцеляет человека, воскрешает его к дальнейшей жизни.

Я раньше нигде и никогда не читала о сотрудниках органов безопасности, служивших в Афганистане. Мне нравится благородство героя, защитившего рядового Пержу, нравится, как он поставил на место капитана Зобова. Но своих не выбирают, и много ещё было и сейчас есть немало майоров Деревских-Дубовых и эпизодов, связанных с дедовщиной. Хотя, как говорит автор, в Афганистане нередко встречались и такие «неуставные отношения», когда «деды в бою прикрывали собой молодых».

А какой смешной и поучительный рассказ о полевой кухне Глаше! Я тоже испытала и за автора, и за героя, и за повара Алексея тихую гордость! Заслуга А. Костюнина и его героев в том, что в начале XXI века Россию не удалось втянуть в вооружённые конфликты на территории иностранных государств. Ни в Афганистане, ни в Ираке. Как ни пытались...

Я считаю себя думающим человеком, поэтому с особым интересом прочитала философско-лирические эссе А. Костюнина. В них говорится серьёзно и о серьёзных вещах. Одни названия эссе говорят сами за себя: «Вера», «Любовь», «Сострадание»... Автор честно делится со мной своими взглядами на основные вопросы жизни. Например, в эссе «Сострадание» он рассказывает, как в детстве его приятель назвал беззащитную старушку, свою бабушку, в приступе ярости «дурой», и больная старушка заплакала от обиды и слабости... По мнению А. Костюнина, в жизни всё специально подстроено только для того, чтобы пробудить сострадание именно в тебе. Так рождается в душе сострадание к чужой боли, к чужой беде. А это так нужно в наше время! Поэтому книга А. Костюнина — «это добрый кирпичик в стену, которую разумные люди во всём мире воздвигают против бульдозеров глобализации». Она не оставляет равнодушным, она тревожит душу. Это та проза, которую сегодня нужно читать. Она должна помочь нам услышать и понять друг друга.

В ней — дух страны, в которой я живу.

*

Рукавичка

Зима в том году выдалась особенно суровой. Злые метели не унимались, а мороз, раззадорившись, пробирал до костей. Но надо было собираться в школу (раньше ведь из-за мороза занятия не отменяли). Находилась наша десятилетка километра за три от дома. Ходили, конечно, пешком и всё навстречу ветру. Случалось, подхватит он тебя, малявку, и поднимет над землёй. Так жутко станет и в то же время забавно: будто летишь! А когда доберёшься до школы, то с ресниц приходилось сосульки отдирать...

В школу идти почему-то всегда хотелось: какая-то дружеская атмосфера витала в воздухе. Все жили как одна семья, но вот к детдомовским (их было шесть человек) относились как-то настороженно, а порой — и враждебно. Их считали как бы низкопробными, чужими что ли. Почему-то никто не мог или не хотел заглянуть в их душу... К тому же их вечно считали виноватыми во всех «смертных грехах».

Не убран класс — виноваты детдомовские. Разбили цветочный горшок — тоже они. В стекло кто-то камнем «заехал» — ясное дело — виноваты «беспризорники».

Я и мои сверстники не задумывались: а что же за жизнь у этих детдомовских, почему именно они оказывались виноватыми буквально во всём, почему у них нет родителей (а может, и есть?) и почему живут они в детском доме. Однажды нам удалось в нём побывать.

***

Кража произошла накануне Нового года. Все мы активно готовились к его встрече: кто-то оформлял сцену, кто-то подбирал номера художественной самодеятельности, кто-то рисовал праздничную газету... Когда стали расходиться, тут-то и обнаружили, что пропали фломастеры. Их тогда ещё ни у кого не было, а вот Петьке Дорошенко отец привёз из Москвы, куда ездил по делам. Что тут началось! В краже Пётр первым делом заподозрил рисовавших, потом тех, кто находился поблизости. Подключили взрослых. Не найти пропажу — значило просто подорвать репутацию школы, ведь отец Петьки — не кто иной, как первый секретарь горкома. Трясли всё и трясли всех. Вдруг кто-то крикнул: «А где детдомовские?»

Будто сговорившись, все очень спешно собрались и чуть ли не бегом помчались в детский дом. Несмотря на то, что находился он от школы не так близко, быстро добрались.

Каким-то холодом повеяло уже с порога. Серые шторы, каменный серый пол, серый полумрак... Стояли какой-то миг в оцепенении, потом, сорвавшись с места, побежали по комнатам, которые назывались почему-то палатами. Все шестеро размещались в двух комнатах. В одной «обыск» провели очень быстро — перетряхивать особо было нечего. Потом залетели во вторую.

...Крохотные, худенькие двойняшки, брат и сестрёнка, сидели на железной кровати, прижавшись друг к другу. Они будто чувствовали приближение беды — они «привыкли» быть всегда виноватыми, но пока ещё не знали, в чём их обвинят на сей раз. Глядя на них, несчастных, напуганных, трудно было поверить в их вину, но если не они, тогда кто же?!

В их адрес посыпались угрозы, кто-то пробовал «распечатать» кулаки — видимо, сильно чесались...

Но всех остановил обморок Галинки. Она не смогла всё это выдержать и вдруг потеряла сознание. Маленькое, хрупкое тельце как-то поникло, обмякло, повалилось на кровать. Вот тогда мы и обратили внимание на её руку. Она была багровой, даже какой-то чёрной. Маленькие худенькие пальчики скукожились, будто их покинула жизнь.

— Что это с ней? — спросил Серый (так звали мы Серова).

— У неё заморожена рука, — ответил еле слышно брат Серёжа.

— Как заморожена?

— Просто у нас на двоих одна рукавичка, и мы по очереди её надеваем, когда идём в школу...

Наступила страшная тишина. Все будто языки проглотили. Стояли молча, и никто не знал, как выйти из этого оцепенения.

— «Скорую!» — заорал Серый.

Машина, к счастью, приехала вовремя. Галинку спасти удалось, а вот ручку её, к сожалению, — нет... Это известие для всех нас было шоком, оно будто отрезвило всех, пробудило не от сна, а от нашего равнодушия, нашего бессердечия. Мы по-иному как-то стали смотреть на всё происходящее, а особенно — на детдомовских. Будто сговорившись, никто из нас ни разу не произнёс больше этого страшного, колючего, жуткого слова — «детдомовские», — они стали нам родными — нашими!

***

Прошло немало лет. Мы разлетелись кто куда. Но в день 29 декабря — это день спасения Галинки — встречаемся.

*

Автор: Карина Рамазановна Капсалыкова, г. Екатеринбург

Белый храм на облаках

Проза занимает место в литературе только благодаря содержащейся в ней поэзии.

Рюноскэ Акутагава

Спустя почти десять лет после достопамятной смены тысячелетий русская литература оказалась на перепутье, как пресловутый витязь перед камнем с географическими ориентирами. Но если у витязя выбор был богатый, то словесность, волею Мойр, находится в странном плену собственных возможностей. С одной стороны — западные эксперименты, чьими следствиями явились постмодернизм и постпостмодернизм, с другой — целая артель «новых реалистов» с их ностальгией по несчастному детству, там, в конце века, законсервированному.

У языка нет законов, как у риторики, есть правила и механизмы. Не случайно Поль Верлен советует:

Не церемонься с языком
И торной не ходи дорожкой.
Всех лучше песни, где немножко
И точность точно под хмельком.

Произведения «вне школ» запоминаются даже не столько своей автономностью, сколько аутентичностью языка и архитектурой образов.

Критика ищет среди реалистов лучших, но эти лучшие сочиняют автобиографии и считают это достаточным основанием для описания жизни своего поколения, конечно самого несчастного поколения за всю историю человечества.

А. В. Костюнин поднял замёрзшую в Студёном море северную прозу до

уровня поэзии лирической. Язык каждого рассказа, что вода кротка — прост, тих и чист; но каждое слово стоит на своём месте, и быстрый хоровод их заставляет переживать читателя каждое ясное утро, каждую охоту, каждый звёздный вечер. Северный край укрывает поглубже героев «Колежмы», «Таниной ламбы», «Рукавички», затеняя смыслы, окутывая какой-то извечной, мастерски выверенной мудростью знающего, что всё не только случится, но и пройдёт. Потому к каждому произведению в книге есть эпиграф, а к тому, что не имеет нескольких цитат вначале, звучат таким посвящением все рассказы, заполнившие собою долгие карельские дивные зимы и вёсны...

Даже не красной нитью, а целым красным канатом как в строках, так и между ними проходят слова Евангелия, и упоминания о Рождестве, Пасхе, иконах неотступно следуют за читателем.

Евангелие здесь не священная часть священной книги, а почти событийная реальность, по кадрам, крупницам рассказывающая печальную историю простого человека. В «Рукавичке» практически повторены евангельские события, и грешными в очередной раз оказались все. «Праведников» вывернули наизнанку, раздели, их встретила тяжкими испытаниями новая эпоха. Они формально правы — они наказывают воров, грешников, прощать коих совсем не обязаны. Главный герой трижды совершает грех: именно у него находят пропажу; он становится вором; он сам обрывает свою жизнь. Трижды грешник оказывается вдруг, сам того не подозревая, оправданным Иудой. Иисус нуждался в этом ученике больше, чем последний в Учителе, потому что без предательства, без брошенной тени трагедия, разыгравшаяся в Иудее эпохи Тиберия, не была бы столь драматична. Все кругом — равнодушны и автоматически правы, потому что неправый уже выбран; только одного рассказчика мучает сомнение, и он тоже автоматически становится раскаявшимся грешником. Вообще, «Рукавичка» — самая пронзительная история из всех, что населяют книгу «В купели белой ночи». Какими-то смазанными, пастельными тонами рисуется плюсквамперфектная реальность, из которой доносятся лишь голоса одноклассников и недовольных наставников. Маленькая, тёплая, но, по сути, бесполезная вещь мгновенно рушит всю жизнь Юры Гурова, превращая его в изгоя и вора, хотя создана она была из самых благих побуждений эстетического характера. Главный герой потом всю жизнь будет воровать, в первую очередь, воровать то внимание, которым оказался обделён в детстве. Сама эпоха лихих, голодных, отчаявшихся, но ведь и отчаянных, последних годов прошлого тысячелетия вторит ему и его судьбе.

Любой эпиграф А. В. Костюнина подходит к любому его рассказу: они взаимозаменяемы и взаимодополняемы; но всей своей совокупностью массивы

его прозы звучат прологом и посвящением к повестям, достойным исследования в области микроистории. Лейтмотив этих произведений — Родина и любовь к ней, когда суровой, когда ласковой, щедрой на испытания, но при этом дарующей силы для их преодоления.

Герои Александра Костюнина отнюдь не идеальные люди, одерживающие Кадмову победу — *Cadmea victoria* — над обстоятельствами, превратностями, терниями. Они попытались сломать нестигаемую судьбу, и этот бунт оказался удачным, даже если смерть сводила все счёты на нет.

«По собственному следу» и «Утка с яблоками» относятся к тому странному разряду книг, где рассказчик, оглядываясь на собственную жизнь и собственный народ, повествует о них же, вставая на место то историка, то этнографа, где он вынужден дать всему этому оценку в шкале, наиболее родной для читателя. Не судить — значит, стать ненужным, и ирония Христа про несудимую будущность грозит бедой и потерей. Воспоминания стерегут внимание читателя, заставляют его самого жить в унисон с героями, они, герои, ловят на слове, они ежеминутно пытаются что-то предвидеть, предостеречь, сказать, но попытки их подобны попыткам Кассандры отвести ахейский меч от Трои. Читатель уходит в далёкие северные снега, года и разрозненные смутные видения, читатель даже боится сделать следующий шаг, потому что каждая фраза Костюнина — это чистые нервы, оголённые провода.

Книга наполнена, как всегда у этого писателя, светом и добротой, удивительной, редкой любовью к тем, кто переживает страсти прошлого столетия. Строгая история здесь очеловечена, лишена стилона, но — не лишена стилиа и жуткого обаяния времени. Здесь люди просто живут, а все события, потрясения и постановления ждут своего собственного часа, приходят извне, сверху, спускаются деревенскими улочками, обваливаются, как своды шахты или как долгожданные встречи.

Вспоминается невольно строфа Ольги Шиленко:

Когда уйдут вражда, болезни, зло,
Вернусь на Землю. На земле светло...
Ну а пока дорога вся в камнях.
Я строю белый храм на облаках.

Творчество А. В. Костюнина — это тропинка, которая ведёт читателей к белому храму...

К читателям

Дорогие мои друзья!

Стать свидетелем литературного конкурса по своим произведениям... Такой поворот писательской судьбы можно назвать до неприличия сказочным.

Вот прочитаны последние работы...

Конкурсанты не единодушны в оценке моего творчества. Есть те, кто его абсолютно не приемлет, относится негативно. А для кого-то я — «мастер весёлого рассказа». Всем на сайте, на равных, предоставили слово. Время показательного единомыслия прошло. Надеюсь, навсегда. Личный выбор делает каждый. А что касается критики... Я сам постоянно сомневаюсь в написанном тексте, каждое слово подолгу взвешиваю. Маюсь... Вечно недоволен! Возвращаюсь назад. Проверяю. Меняю. Переписываю.

Затею с конкурсом по своим произведениям я тоже поначалу не принял, поскольку знаю: уклад жизни в России — общинный. И даже нечаянный выход из строя испокон веков вызывает неприязнь... Да ещё дочь, в недавнем прошлом ученица, «подбадривала»: «Папа, все школьники тебя будут тихо не-на-виинидеть!»

Сейчас сомнения позади.

Количество работ, их уровень, неподдельная искренность ребят — весомая награда за все сомнения и переживания. Это огромная бочка мёда на ту маленькую ложку дёгтя.

И самое главное: без читателей нет писателя!

Для меня, если честно, неучастие в работе жюри — счастливая возможность!

А если бы право выбирать лучшее сочинение всё-таки предоставили, то победителем стал бы каждый участник. Многие произведения представляют собой самостоятельную художественную ценность.

Эти юноши и девушки не в паралитературном телевизионном шоу мелькали, где требуется угадать три русские буквы... На суд международного жюри, на обсуждение огромной читательской аудитории участники конкурса предьявили своё творчество. Они доверительно приоткрыли завесу своих сокровенных желаний, скрытых сомнений, тревог и радостей. Предьявили на широкий суд общест-венности труд души. А какой мерой можно измерить его? Я бы на себя такой ответственности не взял...

Дорогие авторы, я не мог и предположить, что мои рассказы и повести найдут такой отклик в ваших сердцах, вызовут неподдельный интерес и станут для читающей молодёжи толчком к размышлениям о непростых вопросах бытия, о вечных ценностях и мнимых идеалах, что наше с вами понимание добра и зла, любви и сострадания, веры и раскаяния будет так схоже.

Каждого из соискателей литературной премии «Купель» можно смело назвать победителем ещё и потому, что, участвуя в конкурсе, вы заявляете о своей активной жизненной позиции, о том, что вас волнуют процессы, происходящие сегодня в обществе, вам небезразлична судьба Родины, вы чувствуете себя её частицей и знаете, что именно от вас зависит, какой будет завтра наша страна. Я прочитал все сочинения. Знакомство с ними — словно жемчужины нанизываешь. Я мысленно разговаривал с добрыми друзьями и умными собеседниками. Спасибо вам, что вы есть у меня, мои читатели, мои дорогие друзья! Вы живёте в дальних аулах и аалах, станицах и деревнях, посёлках, разных городах и весях. Нас разделяют тысячи километров и часовые пояса. Но это не преграда для тех, кто в этом мире хочет услышать друг друга. Для тех, кому слово, художественный образ помогают лучше понять мир и себя в этом мире.

Отдельное, особое спасибо я хочу сказать педагогам и кураторам. Вы были равноправными участниками литературного конкурса наряду со своими воспитанниками и заслуженно не остались в тени. Моя мама была преподавателем русского языка и литературы. Мне хорошо знаком ваш Труд, ваш тихий Подвиг по формированию души молодёжи. Низкий вам поклон. Я горд тем, что на страницах моего сайта будут блистать ваши имена.

Моё постоянное место работы — оборонный завод. Наша продукция — военные корабли. А корпеть над русским слогом...

Мама по-карельски говорила: «Ruado jugei, a ei vazüttaw: hengen kohtu hiiluttua». [Работа тяжёлая, а не утомляет: душу согревает (карел.).]

Литературное творчество — Ковчег моей души.

Бумажный кораблик...

Он маленький. Невесомый. Но всё равно — настоящий. Он вышел в откры-
тое море, где бури, штормы, опасные рифы.

Он обязательно выдержит все испытания.

И непременно победит!

Если вы, дорогие мои читатели, ждёте его.

Искренне ваш,

Александр Костюнин

Петрозаводск, 2009 год

Содержание

Свежести	5
От автора	7
Совёнок (Рассказ)	9
Двор на Тринадцатом (Повествование в рассказах)	23
Когда уходит детство	25
Воздушный змей	43
Три аккорда	55
Проводы	67
Младший брат	81
Вместо послесловия	92
Баян (Рассказ)	95
Офицер запаса (Афганские очерки)	103
Айбак	105
Фархад	113
Глаша	121
Афганская ёлка	129
Офицер запаса	143
Нытик (Рассказ)	153
Полёт летучей мыши (Рассказ)	165
Математическое ожидание (Фантастическая сказка по мотивам романа Евгения Замятина)	185
Таинство (Эссе)	193
Официальное предупреждение	197
Литература факта (статьи, встречи, размышления, писательская «кухня») ..	198
Моё знакомство с Вячеславом Тихоновым	199
Русское слово — связующая нить времён	204
Когда расступаются облака	219
Десять дней, которые упрочили мир	224
По итогам конкурса «Купель»	233
Из номинации «Поэзия»	235
Из номинации «Проза»	240
К читателям	263
За скобками	268

Свои отзывы и предложения направляйте по адресу:
А-Kostjunin@yandex.ru
Авторский сайт: <http://kostjunin.ru>

Подписано в печать 00.00.2009. Формат 70x90^{1/16}. Гарнитура "Академия".
Печать офсетная. Бумага офсет №1. Печ. листов 00,0. Усл.-печ. л. 00,000.
Тираж 0000 экз. Заказ 00.
Фотовывод, печать в ОАО «Республиканская типография им П. Ф. Анохина»
185005, Республика Карелия, г. Петрозаводск, ул. Правды, 4

За скобками

На яблоне растут только яблоки, на сливе — только сливы.

А что я за северный «фрукт»?

Всё пытаюсь понять: из чего сделан? чем напитан? какими соками напоён?

Мне кажется, сделан я из...

Сначала, конечно, из картошки. Можно варёной, белой, рассыпчатой-рассыпчатой или золотистой, обжаренной на сале, с хрустящей корочкой.

Напитан чем?

Соками! Весенними берёзовыми. Из самой глубины земли нашей. Земли вековой, трудовой, свободной. Пьёшь на рассвете берёзовый сок, как пробудится он от холода ночного, и чувствуешь: входят в тебя вместе с этой волшебной дремучей влагой память, сила, мудрость веков.

Наверное, сделан из лосятины-медвежатины... Груздочков белых студенистых и свежей ухи с костра. Куда без них?

Прослойкой — морошка...

Вы пробовали морошку? Нашу, карельскую! Налитую-налитую! Тяжёлую-тяжёлую, прозрачную-прозрачную... И поверх всего: бор-дооо-вой матёрой брусники с пробным токованием глухаря, нарядной золотой листвой, с густыми зябкими сентябрьскими туманами, через которые пробивается луч солнышка-надежды.

А ещё я сделан...

Мои родители умерли давно. Меня любили...

Отец с матерью от рождения и до погоста своего шли по жизни с людьми достойными... Нелипкими, порядочными, эрудированными, ёмкими... (Главное, пишу, а... батя кивает...) Мои родители знакомили и меня. Я запросто общался с ними. Считал своими друзьями... Это они, не учебники, учили меня. Им на сердце вываливал я в детстве все сомнения и поражения, первые победы и «проекты воззваний» (тот был ещё хлюст!). На их личных примерах я учился: как поступать хорошо, а как не должно.

Спасибо людям, благодаря которым я такой, как есть...

В юности проглотил роман «Граф Монте-Кристо».

Да, вы догадались...

Я тоже мечтал, пройдя через дно жизни, стать смелым, влиятельным... Самым влиятельным! Чтобы наказывать, поделом! прохвостов и вознаграждать добродетель, поощрять добро и пресекать зло. (Пресекать зло, а не... творить...)

Чтоб сметь... набраться храбрости. И даже... прилюдно сказать правду!

Не случилось...

В силу ряда обстоятельств не посмел... возможность... не то что... Даже сказать им слова благодарности лично... (К тому же, говорят, в мужской среде не принято...)

Хочется вернуть... Этим очень родным для меня людям из детства... Успеть хотя бы слово.

Эхо добра!

Написать, как принято в православной церкви, заказную записку о здравии.

Моей первой учительницы уже нет в живых... Ну и что?..

Верю... услышат ВСЕ!

***

В судный час от нас будет зависеть очень мало.

А если... дойдёт очередь до меня и спросят вдруг?..

Чтобы не растеряться, в суете, суматохе не пропустить кого... Хочу сейчас назвать имена дорогих для меня людей...

Господи, вот о ком молю, кого прошу, чтобы Ты сберёг:

Анастасия Ильинична Сосунова — моя первая учительница;

Владимир Борисович Розенфельд — друг и воспитатель;

Лев Николаевич Бурин — преподаватель и друг;

Валентина Фёдоровна Бабкина — моя любимая учительница;

Владимир Васильевич Попов — выдающийся художник и человек высокого гражданского мужества.

Александр Костюнин

Петрозаводск, 8 сентября, 2009 год

“Родительский дом”

*Нам с тобой по пути, если так же в груди
Глохнет что-то, тревожит, зовёт за собой.*

Евгения Рамусь

*Литературный конкурс “Купель”, номинация
“Поэзия”*